- Брайан Дуглас
  -

Брайан Дуглас
Песня снегов

Дуглас БРАЙАН
ПЕСНЯ СНЕГОВ
ПРОЛОГ

Низко висела полная луна, озаряя поле битвы призрачным светом. Сражение закончилось час или два назад, и победители жгли костры на заснеженных холмах Гипербореи, перевязывая раны, подбирая убитых, подкрепляясь мясом и вином из походных запасов. Они слишком устали для того, чтобы радоваться сейчас поражению противника, хотя враг их, безусловно, заслуживал уважения - то была дикая орда киммерийцев, молодых, горячих голов, что, подобно стае волков, рыскала по землям асиров и ваниров, грабя и заливая кровью крепости и поселения.

- Эти киммерийцы дерутся, как дьяволы, - сказал сидевший возле костра высокий воин с вислыми, пшеничного цвета усами. Красный рубец наискось пересекал его суровое лицо.

- Вот уж точно, - отозвался другой, отняв ото рта кожаную флягу с вином. Красная капля - не то вина, не то крови из рассеченного в схватке уха - потекла по его белой бороде, но асир даже не заметил этого. - А где твой брат, Синфьотли, Сигмунд?

- Я видел, как он упал, - ответил Синфьотли. Он помолчал немного, потрогал пальцами рубец и с трудом поднялся на ноги.

- Ты куда? Искать его? Думаешь, он еще жив?

- Не знаю. Если убит - заберу его тело. Холодно ему в снегу, среди чужих, - сказал Синфьотли негромко.

Его собеседник покачал головой, однако говорить ничего не стал. Огромная в свете костра тень Синфьотли упала на снег. Северянин был рослым, широкоплечим человеком. Длинные белокурые волосы выбивались из-под кожаного шлема, обшитого полосками меди. Медная пластина прикрывала переносицу, придавая профилю Синфьотли идеальные очертания. Но когда он снял шлем и отбросил с разгоряченного лица волосы, умываясь пригоршней снега, обнаружился крючковатый, похожий на клюв хищной птицы нос.

Тяжело ступая по снегу, Синфьотли побрел по белой равнине, среди темных пятен крови и светлых пятен разбитых круглых щитов. То и дело он наклонялся, вглядываясь в лица убитых асиров, своих соплеменников. Их нетрудно было отличить от темноволосых киммерийцев даже в неверном лунном свете.

Взобравшись по склону пологого холма в полумиле от лагеря победителей, Синфьотли остановился. Человек восемь или десять беловолосых рослых воинов лежали в снегу так, словно штурмовали какую-то несокрушимую твердыню, накатываясь на нее волна за волной, да так и не сумели покорить. Разбитые шлемы, пропитанный кровью снег, обломки оружия валялись под ногами.

Склонившись над убитыми, Синфьотли осторожно перевернул одного из мертвецов лицом вверх. Луна озарила помутневшие светлые глаза, острые скулы, крючковатый нос мертвого асира - казалось, Синфьотли смотрит в зеркальную гладь тихого озера на свое отражение. Застонав, он закрыл глаза руками и опустился в снег рядом с убитым братом.

- В один час родила нас одна мать, - глухо проговорил Синфьотли, обращаясь к убитому, и кровавая луна молчаливо внимала его жалобе, возносясь все выше и выше на черное небо. - О Сигмунд, как две руки были мы с тобой, как два зорких глаза. Как жить мне теперь, когда половина моя осталась в этих снегах мертвой? Как сражаться мне, если отрублена моя правая

рука? Сигмунд что я скажу нашей матери?

Он замолчал. Несколько мгновений над безмолвным полем брани царила полная тишина. И вдруг ее прорезал чей-то хриплый, каркающий голос. Кто-то, невидимый в темноте, не то лаял, не то кашлял, не то пытался засмеяться. Нельзя было даже определить, человеку принадлежал этот голос или дикому зверю, пришедшему сюда на кровавое пиршество. Синфьотли вздрогнул от неожиданности.

Затем, выговаривая слова с жестким акцентом и порой с неправильным ударением, тот же голос произнес:

- Послушайте только, как он ноет, этот грязный асир с желтой паклей вместо волос.

Груда трупов зашевелилась, и над простертыми телами, шатаясь, поднялся израненный киммерийский воин. На нем была куртка из волчьих и собачьих шкур; мех клочками был вырван и кое-где слипся от засохшей крови. Длинные нечесаные волосы, черные как вороново крыло, висели сосульками. Правая половина лица почернела, залитая кровью, вытекавшей из раны на голове; один глаз заплыл. Но здоровый глаз киммерийца сверкал звериной злобой.

Синфьотли видел, что тот едва стоит на ногах и вот вот рухнет, и потому не стал даже прикасаться к своему оружию. Он ждал. Неверным шагом раненый киммериец приблизился к асиру, сжимая иззубренный меч обеими руками. Он остановился прямо перед Синфьотли и широко расставил ноги, чтобы вернее сохранить равновесие.

- Ну, что же ты, асир? - хрипло сказал он. - Разве ты не хочешь отправиться за своим братом? Он ждет тебя!

Синфьотли молча смотрел на него. Киммериец с усилием поднял меч и выкрикнул, как боевой клич, имя своего бога:

- Кром!

В тот же миг асир одним прыжком оказался на ногах. Сильный удар кулака заставил киммерийца пошатнуться и с непроизвольным стоном выронить меч. Второй удар, нацеленный в грудь, сбил киммерийца с ног. Крепкая рука Синфьотли ухватила его за волосы, жесткое колено уперлось в спину. Киммериец захрипел. Кровавая пена показалась в углу рта. Синфьотли ударил его по затылку рукоятью кинжала, после чего взвалил себе на плечо и потащил к кострам, сгибаясь под тяжестью своей ноши.

Утро застало асиров спящими. Костры погасли. За ночь от тяжелых ран умерло еще несколько человек. Раненых, завернутых в меховые плащи, уложили на волокуши, чтобы женщины могли исцелить их. Тех, кто явно не перенесет тягот перехода по снегам до Халога, по распоряжению Синфьотли быстро и умело добили и похоронили на холме, в отогревшейся под кострами земле. Тело брата Синфьотли забрал с собой, и никто не посмел ему возражать, таким мрачным выглядел он в это утро. О трупах побежденных пусть позаботятся голодные волки - их оставили непогребенными.

Пленник Синфьотли, привязанный к дереву возле одного из костров, очнулся от тяжелого забытья. Грубые руки трясли его и безжалостно терли снегом его израненное лицо. Он шевельнул головой, дернулся и зарычал, скаля зубы, как дикий зверь. Синфьотли зло засмеялся и отдернул руку, которую тот попытался укусить. Он вновь схватил киммерийца за волосы, бесцеремонно обращая его лицо к яркому солнечному свету. Комок снега растаял и сполз по щеке пленника, точно слеза.

- Клянусь Иггом! Да ты совсем еще ребенок! - воскликнул асир удивленно.

Ярко-синие глаза киммерийца вспыхнули. Он снова лязгнул зубами, норовя дотянуться до своего мучителя. На этот раз Синфьотли резко ударил его по губам. По подбородку киммерийца потекла кровь.

- Ах ты, звереныш, - проговорил Синфьотли с удовлетворением.

Несколько асиров наблюдали за этой сценой. В толпе послышались смешки и советы.

- Научи его покорности, Синфьотли! - крикнул один из них, рыжий толстяк с бородой, заплетенной в пышную косу. - Сверни его в бараний рог! Нечего этому щенку клацать зубами!

- Напрасно ты смеешься, Торир, - нарочито громко сказал другой, тощий, с уродливым шрамом на щеке. - Видишь, Синфьотли поймал жениха для своей маленькой дочери. Конечно, тут всякий будет лязгать зубами. Сейчас он накинет на беднягу аркан и потащит женить.

Взрыв хохота, последовавший за этой ядовитой репликой, заставил Синфьотли побелеть от гнева.

- Потише, Сверчок Арнульф, - проговорил он с угрозой в голосе. Иначе я выпущу на снег твои кишки и скажу, что так и было.

- Ха! Что тебя рассердило, Синфьотли? Всем известно, что твоя дочь никогда не выйдет замуж, ведь она глухая, как бревно. Разве это новость?

Синфьотли заскрежетал зубами. Никто не успел остановить его, так мгновенно выхватил он из-за пояса кинжал и метнул в насмешника. От злости и волнения асир промахнулся, и клинок, глухо стукнув, вонзился в волокуши за спиной Арнульфа.

Наступила тишина. Асиры расступились, и Синфьотли, все еще дрожащий от гнева, увидел рукоять своего кинжала, украшенную красным камнем, торчащей из мехового плаща, в который было завернуто тело Сигмунда.

- Дурной знак, - в общем молчании произнес рыжий Торир. - Ты второй раз убил своего брата, Синфьотли.

Киммериец следил за происходящим неподвижным взглядом, и в его ледяных глазах застыла терпеливая, звериная ненависть.

1

Мальчика-киммерийца звали Конан. Несмотря на свой юный возраст, он успел уже побывать во многих сражениях, принял участие не в одном разбойничьем набеге и постепенно превратился в довольно опасного противника. Он был высок и хорошо сложен. Ему было известно, что мать родила его на поле битвы. И теперь, пятнадцать лет спустя, юноша был готов без колебаний расстаться с подаренной ему богами жизнью на таком же кровавом поле брани. Но судьба зло подшутила над ним, распорядившись иначе. Тот, кого Конан избрал своим последним противником, не стал убивать уставшего и ослабевшего от ран воина - легкую добычу, - а вместо этого взял его в плен и обратил в раба.

Со связанными руками и веревкой на шее Конан брел по снегу следом за волокушами, на которых асиры везли своих раненых и тело Сигмунда. Еще двое пленников угрюмо ступали рядом. Один из них был Конану хорошо знаком Тилен, старше Конана всего на два года, давний его товарищ. Конан презирал их за то, что они позволили асирам захватить себя. Но куда пуще жег его стыд. Почему желтоусый не убил его? Конан не хотел жить побежденным. Он выбрал смерть и теперь всем своим существом протестовал против той жалкой участи, которую ему пытались навязать. Кусая губы в кровь, он снова и снова вызывал в своей памяти то мгновение, когда чужие пальцы ухватили его за волосы, а он, Конан, бессильно простертый лицом вниз на снегу, ничего не мог сделать против ненавистного асира, навалившегося, как медведь.

На привале Синфьотли осмотрел раны своего пленника, смазал их вонючим бараньим жиром и перевязал куском серого полотна. Ни благодарности, ни простой признательности за заботу асир от Конана не увидел. Ему пришлось связать руки юноши за спиной, стянув узел на локтях, и засунуть ему в рот рукавицу, чтобы тот не кусался. Только после этого Синфьотли удалось спокойно заняться ранами киммерийца, из которых одна, едва не задевшая легкое, была довольно серьезной. Полный нескрываемой ненависти взгляд неотступно следовал за асиром, пока тот оставался в поле зрения Конана. Синфьотли это не слишком беспокоило.

Наоборот. Чем более яростным казался мальчишка сейчас, тем лучше будет он выглядеть на гладиаторских боях в Халога, а его победы на арене (Синфьотли не сомневался в том, что они будут блистательными и кровавыми) принесут хозяину юноши немало золота.

Золото. Приданое для дочери, для Соль, у которой такие прекрасные золотые волосы. Девочка родилась глухонемой, а мать ее умерла в родах. Оба брата, и Сигмунд и Синфьотли, так и не смогли избавиться от нежности к этому хрупкому существу. Они понимали, что нужно бы жениться на крепкой молодой женщине, которая нарожала бы им здоровых сыновей. Оба они могли, не дрогнув, зарезать беспомощного пленника; им случалось добивать раненых, убивать стариков, насиловать женщин, но маленькая Соль вызывала у них странное, трепетное чувство. Сейчас ей шел четырнадцатый год.

Резким движением Синфьотли выдернул рукавицу изо рта киммерийца и сунул ему кусок вяленой рыбы. Тот выплюнул еду на снег. Синфьотли подобрал рыбу, подошел к киммерийцу вплотную и, глядя в пылающие синие глаза пленника, негромко проговорил:

- Ешь.

Конан сипло засмеялся прямо асиру в лицо. Когда Синфьотли отвернулся, юноша наклонил голову и начал зубами срывать повязку с раны. Увидев это, асир выругался и снова всунул пленнику кляп.

- Тебе не укротить его, Синфьотли, - сказал подошедший Торир.

- Я и не собираюсь этого делать, - огрызнулся Синфьотли. - Эти киммерийцы упрямый народ. И к тому же дикий.

Торир усмехнулся и пригладил роскошную бороду. Его маленькие глазки окинули цепким взглядом мускулистую фигуру Конана, крепкие широкие плечи, длинные ноги.

- Хочешь выгнать его на гладиаторскую арену, а?

- Угадал.

Торир опять хмыкнул. Приблизившись к Конану - как приблизился бы к привязанному на веревку волку или молодому медведю, - асир отвел с лица юноши спутанные черные волосы и вгляделся в его черты.

- Да ты, никак, стал сражаться с малыми детьми, Синфьотли? - сказал Торир, отворачиваясь от Конана. - Он же совсем еще мальчик.

- В темноте было не разглядеть, - отозвался Синфьотли. - А бился он как взрослый, можешь мне поверить, да и по сложению он уже как зрелый мужчина.

Торир по-хозяйски ощупал стальные мышцы Конана, перекатывающиеся под рваной меховой курткой, и неожиданно предложил:

- Продай его мне. Я отдам тебе часть добычи. Он принесет тебе несчастье, вот увидишь.

- Он принесет мне золото.

- Надеешься все же приручить этого звереныша?

Синфьотли покачал головой.

- Нет. Даже если он станет есть из моих рук, с ним всегда нужно будет держать наготове нож. Он из тех, кто начнет лакать кровь из ран врага, если в горячке боя его одолеет жажда. Посмотри в его глаза. Сомневаюсь, чтобы он умел что-либо, кроме как убивать. Гляди-ка.

С этим словом Синфьотли сильно ударил Конана кулаком по разбитой скуле. В ответ послышалось лишь глухое яростное рычание.

- Сомневаюсь чтобы он чувствовал боль, - сказал Синфьотли. - Таким-то он мне и нужен.

- Тебе видней, - разочарованно сказал Торир и ушел.

Ослабев от ран и голода, Конан шел по снегу, и жесткая петля на шее жгла его так, словно ее пропитали змеиным ядом. Это была жгучая отрава позора. Он хотел умереть. А Синфьотли каждый вечер менял повязку на ране, которая, к великой злобе Конана, начала затягиваться.

Молодость брала свое, несмотря на упорное сопротивление киммерийца.

Каждый вечер, перед тем как заснуть, Синфьотли надежно привязывал своего пленника, так, чтобы тот не мог ни дотянуться до повязки и сорвать ее (дважды ему это все-таки удавалось, и Синфьотли останавливал кровь, а пленник усмехался окровавленным ртом ему в лицо), ни выкатиться с теплого лапника в снег и замерзнуть насмерть. Ощущая прикосновение жестких уверенных рук асира, киммериец вздрагивал. Синфьотли лечил его, как выхаживал бы нужное ему животное - пса или ловчего сокола. Никто никогда не обращался с Конаном подобным образом.

На третий день похода все повторилось сначала. Дрожа от гнева, киммериец уставился холодными синими глазами на горло Синфьотли. А тот, поймав взгляд своего пленника, вдруг усмехнулся и провел рукой по его растрепанным черным волосам.

- Ну что, малыш, мечтаешь перегрызть мне глотку? - спросил он почти ласково.

Давясь кляпом, Конан захрипел. Синфьотли снова засмеялся и снова погладил его по волосам.

- Умница, Медвежонок. Ты принесешь мне удачу, - продолжал Синфьотли вполголоса, как будто вел с ним старый задушевный разговор. Асир как будто не замечал неукротимой ярости молодого киммерийца. Связанный, с торчащей из распяленного рта меховой рукавицей, он упорно продолжал сражаться за свою смерть. Конан не желал принимать помощи от врага.

Синфьотли в последний раз осмотрел повязку и выпрямился.

- Скоро все будет в порядке. На тебе все заживает быстро, как на собаке.

Ноздри пленника дрогнули и раздулись - больше ничем он не мог выразить свою злобу. В синих глазах полыхнул огонь. Синфьотли прищурился с откровенной насмешкой.

- Я ведь все равно получу от тебя свое, малыш, - сказал он. - Не воображай, что я добиваюсь твоего доверия. Мне вовсе не нужно, чтобы ты меня любил. Мне нужно только одно: чтобы ты был здоров и хотел убивать. Не хочешь ли перекусить?

Асир порылся в своем мешке и вытащил краюху серого хлеба. Он разломил хлеб пополам и поднес к носу Конана.

- Это последний хлеб, мальчик. Ты недурно сэкономил мои припасы, добровольно отказываясь от еды, но, по-моему, пора уже остановиться. Через день или два мы будем уже в Халога. Поешь. Если ты действительно хочешь убить меня, тебе понадобятся силы.

Конан скосил глаза на хлеб. Запах проникал в его сознание и сводил с ума. Вся молодая, здоровая натура пятнадцатилетнего юноши бунтовала против его упрямого стремления уморить себя голодом.

Синфьотли вынул кляп изо рта пленника.

- Так ты будешь есть? - повторил он свой вопрос.

- Будь ты проклят, - сипло, с трудом выговорил Конан, еле ворочая распухшим языком. Он жадно схватил зубами хлеб и начал заглатывать кусок целиком, содрогаясь всем телом и давясь как изголодавшийся пес. Асир, усмехаясь в усы, поднес к его рту флягу с вином. Конан сделал большой глоток и захлебнулся. Часть вина пролилась, запятнав покоробившуюся от засохшей крови куртку варвара. Конан кашлял и задыхался, чувствуя, что его вот-вот стошнит.

Щуря свои светлые, почти бесцветные глаза, асир наблюдал за юношей с насмешливым сочувствием. Конан бесился под этим взглядом. Слюна потекла у киммерийца по подбородку, но он даже не заметил этого.

- Еще хлеба? - предложил асир и опять поднес ко рту Конана краюху. Тот потянулся и клацнул в воздухе зубами. Синфьотли засмеялся.

Асиры, готовившиеся к ночлегу и разводившие костры, на минуту оторвались от повседневной работы, чтобы поглазеть на неожиданную потеху. Громче других заливался

толстый Торир.

- Эй, Синфьотли, тебе достался щенок от славной суки! - кричал он. Корми его получше, только и всего! Ишь как лязгает! Того и гляди, руку откусит!

Конан метался, насколько позволяли путы. Из его горла вырывалось глухое рычание. Запах хлеба все сильнее дразнил его. И, как еще вчера он страстно мечтал о смерти, так в это мгновение он исступленно хотел жить. Жить, чтобы набраться сил и в один дивный, желанный миг своими руками разорвать желтоволосого асира. Ему нужно быть сытым. Он будет жить и убивать.

Конан снова дернулся, стараясь ухватить кусок хлеба. На этот раз Синфьотли оказался менее проворным, и острые зубы киммерийца вонзились и в хлеб, и в державшую хлеб руку. Синфьотли закричал и разжал пальцы. Из укуса потекла кровь. Под общий смех Конан проглотил отвоеванный кусок.

Вытирая кровь о штаны, Синфьотли левой рукой выломал сук с дерева, к которому был привязан его пленник.

- Ах ты, Медвежонок, - выговорил он сквозь зубы. - Из тебя получится добрый медведь. Мне нравится твоя строптивость, но это вовсе не значит, что ты не будешь за нее наказан.

Асир размахнулся и огрел Конана палкой по здоровому боку. В ответ молодой варвар вскинул голову и, глядя прямо в бешеные глаза Синфьотли, громко и звонко расхохотался, блестя белыми крепкими зубами.

2

Стены Халога были уже видны в свете луны с холма - грубо сложенные необработанным булыжником стены, за которыми притаились приземистые дома с крошечными окошками, либо вовсе без окон, - когда в лагере асиров послышался голос:

- Синфьотли! Тело твоего брата! Оно исчезло!

Пленивший Конана асир вскочил как подброшенный, хотя перед этим он лежал, развалившись на теплом лапнике, и грыз хвою.

Арнульф Сверчок - тот самый тощий парень с изуродованным лицом, что потешался над глухонемой девушкой, - стоял возле волокуш, к которым были привязаны тяжелораненые, и растерянно смотрел на валявшийся в снегу плащ убитого Сигмунда.

- Куда он мог деться, Синфьотли? - снова заговорил Арнульф. - Ведь тело было крепко привязано. Не могли же мы потерять его.

Синфьотли побелел как полотно.

- Уже несколько дней миновало, как Сигмунд мертв, - прошептал он. Боги, не мог же он подняться и уйти...

Арнульф сморщил нос.

- Вот уж точно. Много я перевидал в жизни мертвецов, и ни один из них не имел привычки разгуливать.

Синфьотли упал на колени возле волокуш и начал отчаянно разрывать снег руками, однако поиски ничего не дали. Он осматривался по сторонам, но никаких следов хищного зверя, который мог бы украсть тело, видно не было. Наконец Синфьотли рухнул лицом вниз, словно хотел вцепиться в мать-землю зубами, и глухо простонал:

- Сигмунд!..

- Кого это ты зовешь? - с любопытством поинтересовался другой асир, немолодой приземистый человек по имени Ордегаст.

- Тсс! - отозвался вместо Синфьотли насмешник Арнульф. - Он призывает своего сбежавшего брата. Просит перестать дурить и вернуться обратно, на волокуши.

- Сбежавшего? Что ты мелешь Арнульф! Ведь Сигмунд умер... Что-то случилось?

- Думаю, Синфьотли просто помешался от горя. Веревки, должно быть ослабли от тряски, вот тело Сигмунда и потерялось где-то в дороге. Жаль, что он не будет похоронен как положено. Уж кого-кого, а Сигмунда стоило бы погрести по всем правилам...

- Точно, - кивнул его собеседник.

Арнульф потянул немолодого асира за рукав, многозначительно скосив глаза на Синфьотли.

- Отойдем подальше, Ордегаст. Не годится нам мешать своей болтовней безутешному горю.

Ордегаст, которому было хорошо известно, что Сверчок ничего не делает просто так, пожал плечами и подчинился. Они отступили шагов на двадцать и оказались неподалеку от связанного Конана. На пленника оба асира не обращали никакого внимания - он был для них не более чем вещью. А между тем ни одно слово из их приглушенного разговора не ускользнуло от чуткого слуха варвара.

- Ну, и зачем ты отвел меня в сторону? - сердито спросил Ордегаст. Вечно у тебя какие-то секреты, Арнульф. Точно у женщины-сплетницы.

- Я думал, ты понимаешь, - удивился Сверчок. - Ведь ты сам сказал, что уж кого-кого, а Сигмунда необходимо было похоронить по всем правилам с кровавыми игрищами, тризной и высоким курганом.

- Ну так и что с того? Любой смелый воин заслуживает этого, а Сигмунд был не только отважен и свиреп, как подобает асиру, он еще и знатного рода. Что же странного в том, что Синфьотли хотел почтить его погребальным обрядом?

- Не в том дело, - досадливо отмахнулся Сверчок. - Много лет минуло с того дня, как ты появился на белом свете, Ордегаст, покинув лоно своей матери, но ума, как я погляжу, так и не набрался. Подумай сам. Высокородная Сунильд родила их в один час - Сигмунда и Синфьотли?

- Это известно в Халога всем и каждому, - фыркнул Ордегаст. - Говори прямо, к чему ты клонишь, Сверчок?

- А к тому я клоню, дружище Ордегаст, что двойня никогда не появляется на свет просто так. Как от одного отца могут быть зачаты одновременно два сына?

- Эй, эй, Арнульф, осторожнее. Высокородная Сунильд - одна из самых строгих и чистых женщин в городе. И хоть она мне не родня, я готов вступиться за ее честь. - С этими словами коренастый воин тронул рукоять своего меча. Лицо его приняло свирепое выражение.

- Да нет же, ты не так понял, - Арнульф заговорил торопливо, видимо испугавшись угрожающего тона своего собеседника. - У меня и в мыслях не было бросить тень на чистое имя Сунильд. Она и прекрасна, и добродетельна. Но ведь именно таких женщин и избирают себе в подруги Младшие Боги...

Тут испугался уже Ордегаст. Младшие Боги, беспутные сыновья старого Игга, не достигшие еще зрелости и не носящие взрослых имен, любили вмешиваться в людские дела, и даже упоминать о них было небезопасно. Повисло молчание, в котором слышалось только, как оба асира переводят дыхание. Наконец Ордегаст снова заговорил, стараясь, чтобы голос его звучал приглушенно:

- Так ты думаешь, что один из двух братьев был зачат от Младшего Бога?

Арнульф кивнул.

- Я знаю, тебе мои слова кажутся кощунством. Но сам подумай, Ордегаст. Помнишь как погиб муж высокородной Сунильд? В лесу на охоте его запорол клыками огромный вепрь, который скрылся из глаз охотников, точно провалился в преисподнюю...

- Да, - прошептал Ордегаст. - Я был на той охоте. Зверь выскочил из чащи совершенно неожиданно. Мы все растерялись. Не то что я - я был тогда почти мальчиком, но даже опытные, бывалые воины не ожидали его появления. Ведь даже кусты не трещали, хотя он продирался сквозь чащобу... После я часто думал: уж не из ада ли он выскочил?..

- Вот видишь, - подхватил Арнульф. - А через девять месяцев родились два брата, схожие между собой, как человек со своим отражением. Нет, неспроста все это. Один из них - дитя, зачатое мужчиной, но второй - плод от семени божества. Я в этом не сомневаюсь ни мгновения.

- Да, но кто? Кто из двоих? - жадно спросил Ордегаст.

Арнульф посмотрел на него с выражением снисходительного превосходства. Наконец-то проняло этого неповоротливого, туповатого вояку! Не зря он, Сверчок, вынюхивает, высматривает, выслеживает - копит чужие тайны. А как иначе заставить соплеменников слушать себя? Природа обделила Арнульфа силой, не дали ему боги и мудрости, и только один дар достался ему от судьбы - хитрость: видно, богиня выронила его в спешке, а Арнульф не погнушался нагнуться и подобрать. Торговать секретами и новостями, обменивая их на интерес асиров, смешанный с легкой брезгливостью и страхом, - вот что было излюбленным занятием Арнульфа.

- Ты хочешь знать, кто из двоих? - переспросил Сверчок, нарочно оттягивая ответ, и пожал плечами. - Откуда мне знать, Ордегаст. При жизни братья не слишком различались - ни в привычках, ни во внешности, да и пристрастия были у них одинаковы. В сражении оба неистовы, на пьяном пиру среди братьев оба не знали удержу, а что до женщин...

- Жена была только у одного Синфьотли, - вспомнил Ордегаст. - Он взял Изулт совсем девочкой, да и сам был тогда почти ребенком...

- А через год Изулт умерла, - многозначительно произнес Арнульф. - И Синфьотли больше не помышлял о женитьбе. А Сигмунд так и не выбрал себе невесты.

Снова воцарилось молчание. Ордегаст соображал туго, мысли текли в его голове под шлемом медленно. В конце концов он сдался:

- Говори ты толком, Сверчок, иначе я, клянусь Иггом, размажу твои кишки по этому дубу. - Он с силой ударил кулаком по толстому дереву, к которому был привязан Конан.

Боясь привлечь к себе внимание и не услышать продолжения столь захватывающей беседы, Конан даже не пошевелился.

- Вот я и говорю, - снисходительно сказал Арнульф. - Рыжеволосая Изулт считалась женой Синфьотли, но кто поручится за то, что она различала братьев между собой? И от кого она понесла дочь - от Синфьотли или, может быть, от Сигмунда? Почему девочка родилась глухой? Не покарал ли грозный Игг ребенка в напоминание о грехах ее родителей?

- Ну вот что, хватит! - рассердился наконец Ордегаст. - Ты заходишь слишком далеко, Сверчок. Сначала ты поливаешь грязью Сунильд, чуть ли не потаскухой называешь высокородную даму...

- Вовсе нет! - вставил Сверчок. - Дети Игга, Младшие Боги, сладострастны и очень изобретательны в том, чтобы удовлетворить свою похоть, и коли глянулась им женщина, ей не устоять.

- ...А после замарал гнусной сплетней память бедной Изулт, которая вот уже тринадцать лет, как покоится в могиле, оплаканная не только всей своей родней, но и чужими людьми... - упрямо продолжал Ордегаст и заключил с угрозой: - Гнусная ты все же тварь, Сверчок.

- Если я такая гнусная тварь, как ты говоришь, тогда почему же ты потратил столько времени на разговоры со мной? - крикнул Арнульф в спину удаляющемуся Ордегасту, но возмущенный асир не желал больше слушать.

Сверчок исподтишка стал наблюдать, как тот подходит к Синфьотли, смотрит на сына Сунильд долгим, испытующим взглядом. Арнульф усмехнулся: как бы то ни было, а ростки подозрения, которые он, Сверчок, заронил в душе Ордегаста, сразу же дали о себе знать. Сверчок был уверен в том, что теперь Ордегаст места себе не найдет, все будет гадать: кто из братьев сын Младшего Бога? На ком проклятье греха и божественности? Не превратится ли Синфьотли,

старый товарищ, в дикого вепря, не распорет ли кому-нибудь живот, как это сделал его божественный отец с отцом брата-близнеца? Ох, долго предстоит маяться Ордегасту, теряясь в догадках. А за ответом он все равно придет к Арнульфу.

Не скоро уснул в эту ночь Синфьотли. Его мучила неотвязная тоска по брату, и он метался в своем меховом плаще по настеленному поверх кострища лапнику и в тяжелом полусне все звал и звал его по имени. Конан, привязанный поблизости, все время просыпался, как от толчка, и сильно вздрагивал. Будили его вовсе не приглушенные стоны Синфьотли. При других обстоятельствах молодой киммериец спал бы сном невинности даже в камере пыток, под крики истязуемых. Нет, нечто иное заставляло его встряхиваться и пристально вглядываться в синевато-серебристые снежные равнины, залитые лунным сиянием. Точно у дикого зверя, волосы на загривке варвара вставали дыбом: он ощущал близость какой-то невидимой, сверхъестественной силы. И он почти догадывался, что это такое - подслушанный разговор многое объяснил ему. Если в рассказе Сверчка хотя бы половина правды, то лучше не терять осмотрительности. Как все дикари, Конан испытывал инстинктивный, почти непреодолимый ужас перед сверхъестественным.

И наконец, когда луна поднялась высоко над горизонтом и стала белой и далекой, окруженная дрожащим серебристым ореолом, Конан увидел тех, чье присутствие уже давно не давало ему покоя.

Неслышно ступая по снегу босыми ногами, к спящему лагерю асиров шла девушка. Распущенные золотые волосы ниспадали почти до колен мягкой блестящей волной. Широко раскрытые глаза казались темными на бледном лице и тонули в тени ресниц, и только зрачки, узкие, кошачьи, поблескивали странными красноватыми огоньками. Длинное белое платье намокло от снега и липло к ногам, обрисовывая колени и бедра девушки, но это ее не заботило.

Она была очень юной, почти ребенком. В неверном свете ночи Конан различал ее тонкие черты. Рыжеватые ресницы, пушистые и длинные, слегка подрагивали, и только это выдавало в девушке, похожей на изваяние, живое существо.

Рядом с ней, так же бесшумно, ступал большой белый волк. Лунный свет, казалось, стекал по его впалым бокам. Крупные лапы животного оставляли в рыхлом снегу четкие следы, но никаких звуков до чуткого слуха варвара не доносилось. Волк жался к ногам девушки, точно в испуге.

Она остановилась, легонько коснулась кончиками пальцев его светлой шерсти на загривке, как будто желая успокоить. Волк повернул к ней морду, сверкнув на мгновение такими же красными, горящими зрачками, а потом вытянулся, поставил торчком острые уши и стал принюхиваться.

Девушка жестом велела ему сесть, а сама тихо пошла прямо к спящему Синфьотли. Тот вновь заметался, застонал во сне. Тонкие белые руки девушки простерлись над асиром, и он замер. До Конана донеслось его ровное дыхание. Поразмыслив над этим мгновение, варвар тоже старательно засопел, прикидываясь крепко спящим. Больше всего на свете ему бы хотелось не быть сейчас связанным и беспомощным. Если ведьма заметит, что он бодрствует, то неизвестно еще, чем все это закончится. Ведь Конан лишен возможности защищаться. Не то чтобы он боялся смерти - скорее наоборот; но существуют вещи и пострашнее. Превратиться в вампира, в зомби, в безмозглого раба юной колдуньи, имеющей обыкновение разгуливать ночами по снегу, да еще в почти голом виде - нет, такая судьба не для киммерийца!

Между тем девушка, встав на колени, торопливо рылась в вещах Синфьотли. Наконец она нашла то, что искала: большой кинжал с красным, грубо обработанным камнем на рукояти. Она высоко подняла его, точно вонзая в черноту небесного свода.

Лунный свет заливал ее стройную фигурку, окутанную тонким облаком золотых волос.

Красный камень лучился светом, и алые искры блестели в распущенных волосах девушки, словно сотни рубинов.

Приоткрыв глаза, Конан метнул на колдунью торопливый взгляд. Он сразу же узнал кинжал - это был именно тот клинок, который Синфьотли в порыве гнева метнул в Сверчка Арнульфа и, промахнувшись вонзил вместо этого в тело уже умершего брата.

Завидев кинжал, волк встал. На мгновение Конану показалось, что сейчас девушка перережет горло Синфьотли. Однако этого не произошло. Опустив руку с кинжалом, она медленно повернулась и пошла прочь. Волк затрусил за ней следом.

Почти в тот же миг луна скрылась за тучами и повалил снег, скрывая все следы. В сплошной пелене снегопада исчезли и зверь, и девушка, а вместе с ними отдалилось и ощущение опасности и близости магических сил, которые так тревожили молодого киммерийца. И Конана наконец сморил сон.

3

Скрестив руки на поясе, высокородная Сунильд стояла на пороге своего дома. Высокая, статная, в длинном льняном платье, подчеркивающем ее гордую осанку, она казалась олицетворением властности. Уже немолодое, но все еще красивое лицо было гордым и открытым. В свете факелов поблескивали большие золотые пряжки, скалывающие на плечах длинное платье Сунильд. Рядом с ней, в таком же строгом белом одеянии, стояла молодая девушка - дочь Синфьотли. Две толстых косы золотыми потоками ниспадали на ее плечи. Тонкий золотой обруч, украшенный надо лбом тремя крошечными рубинами, расположенными треугольником, охватывал юную головку, оттеняя белизну лба; у висков покачивались крупные подвески в виде капель и сосулек. Большие ясные глаза девушки смотрели так внимательно, точно пытались заглянуть на обратную сторону вещей.

Обменявшись с матерью словами приветствия и улыбнувшись Соль, Синфьотли начал ритуал торжественного одаривания женщин. Он снимал со спины лошади и складывал у ног пожилой женщины шелка, сыпал монеты, цветные бусы, бережно выложил два прекрасных меча, несомненно зингарской или кофийской работы.

Соль смотрела на этот "золотой дождь" полураскрыв рот и то и дело бросала на бабку вопросительные взгляды - девочке очень хотелось поближе рассмотреть все эти сокровища, однако явно просить о разрешении порыться в отцовской добыче она не решалась.

Синфьотли ласково поглядывал на нее. Неужели Солнышко-Соль думает, что отец не припас для нее особенного подарка? Избегая встречаться глазами со своей матерью. Синфьотли вынул из-за пазухи узорчатый платок.

Соль затаила дыхание и слегка приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть, как он разворачивает маленький сверток. Она совсем дитя, подумал Синфьотли, и его, как это часто случалось в присутствии дочери, охватило неудержимое желание защищать ее от всего света. Хрупкая и беззащитная, она вызывала у него такую нежность, что порой это чувство становилось для Синфьотли болезненным.

В платке оказались две застежки из серебра, сделанные в форме двух ползущих навстречу друг другу черепашек. Изумрудные глазки животных поблескивали хитрым огоньком, как будто серебряные черепашки знали что-то такое, о чем никому и никогда не расскажут. Соль прикусила губу и залилась краской удовольствия, когда отец вручил ей подарок. Сжав в кулаке застежки, она крепко обняла Синфьотли и на миг прижалась к нему, а потом, словно испугавшись, отступила на два шага.

Однако бабка не позволила им долго наслаждаться радостью и задала наконец тот вопрос, которого Синфьотли ждал и боялся:

- Где твой брат?

- Мой брат Сигмунд убит, - спокойным тоном произнес Синфьотли. - Он погиб в самой последней битве с киммерийской ордой, мать.

- Я хочу видеть его тело.

Синфьотли стал белее снега.

- Я... я потерял его, мать.

Стало тихо. По лицам говорящих Соль поняла, что произошло нечто ужасное, и еще крепче стиснула в кулачке отцовский подарок. Серебряные лапки черепашек впились в ее ладонь. Взгляд глухой девушки заметался между Сунильд и Синфьотли.

- Потерял? - выговорила Сунильд и шагнула к сыну, наступив по пути на развернутый у ее ног зеленый шелк. - Ты не сумел найти тело моего сына среди прочих убитых? Быть может, ты просто не искал его, Синфьотли?

- Не оскорбляй меня, мать, - тяжко произнес Синфьотли. - После того как мы втоптали в снег этих киммерийских разбойников, я обошел поле брани и отыскал среди павших своего брата. И он был мертв, клянусь тебе. Нет, я не мог оставить его среди чужих, вдали от родной земли.

Он замолчал.

- Говори, - велела Сунильд, и он вновь побледнел, возвращаясь к тяжелому для него воспоминанию.

- Я завернул его тело в плащ и привязал к волокушам, чтобы ты и Соль могли увидеть его в последний раз и оплакать как полагается. Лучше бы мне погибнуть вместе с ним, чем пережить позор. На последнем переходе я увидел, что тело пропало.

- Почему? Ты плохо привязал его? Ты не следил за ним?

- Мне нечего добавить к этому, мать. Ты знаешь все.

- Пусть будет с ним милость Игга и Младших Богов, - сказала Сунильд, словно решившись поставить на этом точку всему разговору. Помолчав, она указала пальцем на пленника, привязанного к седлу лошади. - Это кто?

Асир обернулся. Быстрым движением отвязал конец веревки, которой Конан был привязан к луке, схватил киммерийца за волосы и подтащил к обеим женщинам. Ударив Конана по ногам, Синфьотли заставил его упасть на колени.

- Я взял его в плен, - сказал Синфьотли. - Он будет сражаться и умрет во славу Сигмунда, чтобы на погребальном пиршестве потешить душу твоего сына, мать.

Дрожа от ярости, Конан сделал попытку встать на ноги, вскинул голову, бросил на женщин дерзкий взгляд - и вдруг оцепенел от ужаса. Напротив него, всего в двух шагах, стояла та самая ночная колдунья, что подбиралась к спящему Синфьотли в сопровождении огромного белого волка. Только тогда она была прочти раздета, а сейчас на ней было строгое и богатое платье, волосы убраны в девические косы. Ничто не выдавало в дочери Синфьотли сверхъестественного существа. Желая проверить свою догадку, Конан с огромным трудом заставил себя заглянуть в ее глаза. Однако ни кошачьего зрачка, ни зловещего красного отсвета он не заметил. Сейчас перед варваром была просто юная девушка, создание из плоти и крови, такое же хрупкое и уязвимое, как любой другой человек. Однако Конан ни на мгновение не усомнился в своем рассудке: он видел то, что видел. Она ходила босая по снегу, она усыпила Синфьотли одним движением руки, и белый волк жался к ее коленям, как собачонка. Галлюцинации не посещали киммерийца никогда, даже во время чудовищных пьяных оргий, в которых он охотно принимал участие. Что бы она из себя ни строила, эта Соль, какой бы невинностью ни притворялась, Конан не позволит себя обмануть.

- Убери отсюда этого грязного варвара, - велела Сунильд. - Отправь его к Гунастру. Пусть обломает ему когти. Душа Сигмунда еще засмеется при виде его крови.

Конан наконец поднялся на ноги и попятился назад насколько позволяла веревка - Синфьотли позаботился о том, чтобы пленник не в состоянии был бежать. Он мог делать только небольшие шаги - а что до того, что трудно проделать таким образом большой путь, то это Синфьотли не заботило.

Отступая, Конан не сводил взгляда с Соль. Ему казалось - вот еще миг, и ведьма выдаст себя, и в глубине ее зрачков, странно расширенных, запляшет красноватый свет, отблеск далекого зарева.

- Если ты будешь таращиться на мою дочь, вонючее животное, проговорил у него над ухом тихий, угрожающий голос Синфьотли, и Конан ощутил его тяжелое дыхание, - я изуродую твою смазливую физиономию, вырву тебе ноздри, чтобы ни одна потаскуха к тебе и близко не подошла, даже за деньги.

- В мужчине женщины ценят совсем другое, - нагло ухмыльнулся Конан.

На самом деле юноша имел весьма смутные представления о том, что именно ценят женщины. Пока что ему не приходилось иметь с ними дела. Однако хвастливые рассказы сверстников давали множество пищи для размышлений, и Конан давно уже искал случая убедиться во всем этом на личном опыте.

Вместо ответа Синфьотли ударил его кулаком в лицо и сбил на землю, после чего несколько раз пнул лежащего на боку пленника сапогом. Сунильд брезгливо смотрела на эту сцену.

Из дома уже выглядывали слуги. Дюжий детина с кнутом в руке, повязанный кожаным фартуком, вышел из дома с черного хода, приблизился к Синфьотли и, поцеловав его руку, справился, что делать с новым рабом.

- Отведи на конюшни и там привяжи, - распорядился Синфьотли. - Смотри только, чтоб не укусил тебя. Будет брыкаться - угости кнутом, да посильнее. Привязывай намертво, так, чтобы и пошевелиться не мог.

Слуга с сомнением посмотрел на Конана, с трудом глотающего воздух, Синфьотли ощутимо ударил его в грудь.

- От такого обращения не откинул бы он копыта, господин.

- Тебе бы самому не откинуть копыта, если будешь ловить ворон. Я лучше потеряю пленника, чем такого верного слугу, как ты.

Детина в кожаном фартуке еле заметно покраснел от удовольствия, передернул плечами, словно желая сказать что-то вроде "мы завсегда пожалуйста", и, нагнувшись, одним могучим рывком поставил Конана на ноги.

- Тяжеловат для своих лет, а? - заметил он.

Синфьотли рассеянно кивнул. Удерживая киммерийца левой рукой за длинные растрепанные волосы, а правой - за связанные за спиной локти, слуга напоследок спросил:

- А как насчет еды? Я в том смысле, что кормить его или как?

- Дай ему мяса, - распорядился Синфьотли. - Завтра его заберет Гунастр. Старик сообразит, как его кормить, этого звереныша.

Синфьотли уже поворачивался к слуге спиной, когда тот снова заговорил:

- Простите, господин. А ежели он захочет по нужде?..

- Ни под каким предлогом не отвязывай. Помни: этот варвар - человек только с виду, - сказал Синфьотли. - На самом деле он хитер, злобен и изворотлив, как молодой хищник. Он животное, помни.

Еще неизвестно, кто в этой сумасшедшей семье настоящее животное, подумал Конан угрюмо. Он боялся, что нынче же ночью ему предстоит узнать это.

- Да помогут нам Игг и Младшие Боги, - пробормотал слуга и потащил киммерийца в конюшню.

Связанный на совесть, ощущая в желудке каменную тяжесть мяса, проглоченного не жуя, с онемевшими руками, Конан коротал ночь в душной конюшне, греясь теплом стоящих поблизости лошадей. Он был рад, что рядом эти добрые, преданные человеку существа: близость ведьмы не давала ему покоя. Поняла ли Соль, что Конан узнал ее, что варвару известно, кто она такая? Не захочет ли девушка избавиться от лишнего свидетеля? Знает ли обо всем этом высокомерная старая женщина - мать Синфьотли? Если бы Конан хотя бы не был связан!.. Проклиная свое бессилие, киммериец ждал рассвета с таким же нетерпением, с каким когда-то торопил утро своей первой битвы.

Далеко за городом Халога над заснеженной равниной летал зимний ветер, наметая огромные сугробы. Синеватая поземка вилась под порывистым ледяным дыханием зимних великанов. Точно Льдистый Гигант прилег на эту землю, и все дул и дул на нее, и никак не мог остановиться.

Но вот к завыванию ветра прибавился новый звук - долгая, тоскливая нота. У черного пня - это было все, что осталось от древнего дуба, за столетия полностью сгнившего изнутри, - появился огромный белый волк. Словно оживший сугроб был чудовищный зверь, с острой мордой, роскошным мехом, красноватыми, печальными и жадными глазами. Взобравшись передними лапами на пень, он задрал морду вверх, к убывающей луне, и протяжно завыл. Ветер подхватил его зов, понес дальше над равниной, к городу.

Прошло время, и волк перестал выть. Он прислушался, поставив уши торчком. Та, которую он призывал, услышала - не слухом, но внутренним чутьем. Медленно шла она по снегу, босая, в одной только длинной рубахе, и золотые волосы покрывалом окутывали ее. В опущенной руке она держала кинжал.

Пять красных огоньков засветились в синеватой белизне ночи: в зрачках девушки, в глазах волка и в камне, украшающем рукоять кинжала. И чем ближе подходила девушка к белому зверю, тем ярче горели огоньки.

Волк ждал, приоткрыв пасть и дрожа от нетерпения. С его языка капнула слюна. Когда девушка была уже совсем близко, он вдруг по-собачьи заскулил и торопливо лизнул раз-другой ее босые ноги. Упав на колени, она обхватила руками его огромную голову, прижалась лицом к взъерошенной шерсти зверя и зарыдала. Повизгивая, волк лизал ее щеки и руки.

Наконец она отерла слезы и поднялась на ноги. Вскочив на пень, девушка воздела к луне руки с зажатым в правой кинжалом и заговорила:

- Мать-Луна, проливающая бледный свет свой на темные души наши! Все тайны нашего рода открыты тебе. Призови отца нашего, Младшего Бога, из тех, кому не дал еще мужского имени наш предок, Игг! Отзовись на мой голос, отец, божественный юноша, вепрь чащобы, совратитель земной нашей матери! Вот кинжал с каплей твоей крови. Если слышишь, как зовет тебя Соль, дай знать...

Странно звучал голос девушки, которая сама не могла его услышать. Ломкий, гортанный, он с мучительным трудом срывался с ее губ. Сидя у ног Соль, волк напряженно следил за ней.

И камень на рукояти кинжала вспыхнул ослепительной алой искрой, разбрызгивая свет по сугробам, как будто в руке у Соль вдруг загорелся факел.

Зверь поднялся, напрягся, приготовился к прыжку.

- Благодарю тебя, отец, - вновь заговорила девушка. - Воистину, твоя кровь течет в наших жилах, и да будет жизнь ее божественным даром!

Она поднесла кинжал к своей левой руке и надрезала себе запястье. Показалась кровь - черная в неверном свете. Несколько капель упали на красный камень, и драгоценность впитала влагу жизни, как губка впитывает воду. И, словно бы ожив, камень засверкал, заиграл, и от него потек жар.

Девушка спрыгнула с пня и, размахнувшись с силой воткнула кинжал в старую древесину. Он погрузился почти до самой рукояти.

Соль отступила на несколько шагов в сторону, освобождая дорогу белому волку.

И волк прыгнул.

Он пролетел над пнем и кинжалом и на лету перекувырнулся через голову. Уже в полете началась метаморфоза; спустя мгновение он рухнул в снег, приземлившись - уже человеком - на колени и локти. Сигмунд действительно был очень похож на Синфьотли: рыжевато-золотистые волосы, острый нос, тонкогубый рот. Порой братьев путала даже родная мать. И юная Изулт не смогла однажды определить разницы...

И только для Соль никогда не существовало сомнений. В жилах ее настоящего отца, как и в ее собственных, текла кровь Младшего Бога. И эта кровь узнавала себя. Она умела звать без слов и не допускала ошибок.

Когда-то, познав Сунильд, Младший Бог оставил у нее свой кинжал, поместив на рукояти частицу самого себя. Сигмунд не знал, почему он с самого раннего детства не расстается с этим оружием. Назначение камня на рукояти открылось ему лишь после смерти. Но, сжимая в руке отцовский кинжал, мальчик Сигмунд чувствовал себя не заброшенным в этом огромном мире, где люди - всего лишь жалкие игрушки в руках богов и всемогущей судьбы.

Тайный голос не давал Сигмунду обмануться. Когда на свет появилась маленькая Соль, Сигмунд сразу же узнал в ней свое дитя. Они были одним целым. Они скрывали это от всех. Они любили друг друга. И это причиняло им страдания.

- Соль, - произнес Сигмунд и спрятал голову у нее на коленях. - О Соль... ты сделала это. Солнышко-Соль... Зачем я мучаю тебя?

Глухая девушка, склонившись, ласково гладила волосы плачущего мужчины, и над ними кружила пурга, и стонал в ледяных равнинах северный ветер.

4

В доме было темно и выстуженно. Кое-где трещали в масляных лампах фитили, едва рассеивая мрак. В большом зале за длинным столом сидели хозяйка дома и ее сын.

Были годы, когда этот стол ломился от яств; стены чернели от копоти сотен факелов; воздух дрожал от гула множества голосов. Но нынче лишь две лампы на противоположных концах стола едва разгоняли тьму. Сотрапезников разделяло пустынное, гулкое пространство зала.

- Рассказывай же, как погиб мой сын, - произнесла наконец мать. Синфьотли отложил в сторону баранью ногу и вытер жир с усов.

- Я ведь тоже твой сын, Сунильд, - с упреком сказал он.

Снова наступило молчание. Прошло не менее двух минут, прежде чем Сунильд собралась с духом и ответила:

- Ты прав, Синфьотли. Прости мне эту несправедливость. Вместо того чтобы благословлять богов, сберегших для меня одного сына, я проклинаю их за то, что погубили другого. Но тот, кто утрачен навсегда, кажется дороже... Так хитрые боги лишают нас даже малого утешения.

- И ты прости меня, мать, - сказал Синфьотли. - Мы с братом всегда бились рука об руку. В горячке того боя мы потеряли друг друга. Я как обломок теперь. Я как рукоять без клинка, как ладья, у которой весла по одному борту обломаны в шторм о скалы...

- Я как птица с одним крылом, - подхватила Сунильд. - Два берега было у реки, но вот размыло один берег, и вода залила поселок...

Пьянея от ячменного хмельного напитка, Синфьотли погрузился в воспоминания о сече и утонул в них. Он говорил и говорил, он плел слова, и вскоре ни он, ни она уже не видели комнаты - пустое пространство между ними заполнило поле боя, и тени, лежащие на столе, казалось, скрывали тела павших, и пролитое вино у локтя Синфьотли было как свежая кровь.

В маленьком потолочном оконце, затянутом бычьим пузырем, медленно разгорался рассвет.

Конан обнаружил, что солнце уже поднялось над горизонтом, а ведьма так и не показалась и всякая нечисть на охоту не вышла.

Дверь скрипнула, и в конюшню, щурясь, заглянул вчерашний детина в кожаном фартуке. В руке он держал еще дымящийся кусок баранины, насаженный на столовый нож с широким лезвием.

- Эй ты, - окликнул он пленника. - Веди себя тихо, и я накормлю тебя, понял?

Конан отмолчался. Детина опасливо приблизился к нему. Конан шевельнулся и открыл глаза. При виде мяса варвар встрепенулся, а запах съестного заставил ноздри киммерийца дрогнуть. Верхняя губа поднялась, и он вытянул шею, пытаясь дотянуться до еды.

- И впрямь животное, - пробормотал слуга, глядя, как варвар заглатывает кусок целиком. Пока пленник жевал с набитым ртом, конюх осторожно отвязал его и, не дав даже закончить трапезу, потащил к выходу.

Там их ждал коренастый человек с непропорционально широкими плечами и копной совершенно белых волос. Ему можно было дать и сорок, и шестьдесят лет. Он был облачен в кольчугу поверх плотной кожаной куртки, прикрывающей колени. Широкий серебряный пояс перетягивал плотную талию. Рукоять тяжелого меча виднелась на бедре. Расставив ноги в коротких сапогах и подбоченясь, Гунастр - это был он - стоял рядом с рослым Синфьотли и внимательно наблюдал за происходящим. Казалось, от его цепкого взора не ускользает ни что.

Двери конюшни раскрылись, и показались слуга, багровый от усилий, и с ним тот, за кем, собственно, и явился содержатель гладиаторской казармы. Гунастр прищурился и прямо-таки впился в Конана взглядом. Профессиональный наемник, сам в прошлом гладиатор, Гунастр сразу отметил хорошее сложение и развитую мускулатуру юноши. Будучи неплохим знатоком человеческой природы, Гунастр увидел на юном лице киммерийского пленника не только гнев и звериную злобу, но и растерянность, усталость и еще непонятный страх. Если парень и мечтает о мести, то, во всяком случае, явно еще не знает, какого конца браться за это богоугодное дело..

Конюх остановился в двух шагах перед старым рубакой. Быстрым движением Гунастр вытянул вперед свою длинную руку и ощупал стальные мышцы молодого варвара. Яростные синие глаза сверлили старика так, словно хотели проделать в нем пару дырок; Гунастра это ни в малейшей степени не смущало.

- Хорош, - одобрил он и повернулся к Синфьотли. - Ты и впрямь наделен силой вепря, Синфьотли, коли удалось изловить такого медвежонка.

- Не стану хвастать тем, чего не совершал, - ответил асир. - Когда этот парнишка схватился со мной, сил у него уже не оставалось. Он устал после боя, и многочисленные раны его кровоточили.

Гунастр провел пальцами по повязке на груди Конана и кивнул.

- Вижу. А ты все таков же, Синфьотли, каким был и десять, и пятнадцать лет назад, когда вы с Сигмундом учились у меня искусству боя. Старик лукаво покосился на асира, отметив румянец, заливший его щеки. Сигмунд всегда старался одержать верх в любом поединке и порой нарочно выбирал себе противников послабее, лишь бы оказаться победителем. А ты чаще бывал побежден, ибо стремился к схватке с сильнейшим. - Он положил руку на плечо Синфьотли и добавил: - Мне очень жаль, дружище, что так вышло с твоим братом. Он был настоящий воин, мне ли этого не знать. Клянусь, я сделаю все, что в моих силах. Его душа будет громко смеяться, когда этот мальчик прольет на арене кровь в его честь.

Интересно, мрачно подумал Конан, что она запоет, душа этого чертова Сигмунда, когда я отправлю к ней на блины душу Синфьотли? Негоже братьям быть порознь. Но долго разлука не продлится. И уж Конан-варвар позаботится о том, чтобы они вскоре вновь соединились.

Гладиаторские казармы размещались в том квартале Халога, где содержали свои заведения владельцы публичных домов, игорных притонов и питейных вкупе с распивочными, трактирами, харчевнями и забегаловками. В этом отношении асиры ничем не отличались от более утонченных, и цивилизованных народов, основавших королевства много южнее, - офитов, коринфийцев, немедийцев и в особенности заморанцев, известных своей репутацией воров, сводников и предателей.

Ничего этого не знал юноша из дикой северной Киммерии, для которого бесстрашное лазанье по отвесным заледеневшим склонам заменяло до поры все иные развлечения, пока все игры полудетского возраста не вытеснила в сердце молодого горца одна единственная кровавая забава - война. Пойманный и посаженный на цепи он бесился, тосковал, пытался уморить себя голодом. И так продолжалось до того мгновения, пока он не укусил Синфьотли за руку и не ощутил на губах вкус его крови. Теперь он хотел другого - жить и убивать.

Конана провели через крепкие дубовые ворота и тут же заложили засов. Киммериец остановился посреди внутреннего двора казармы, озираясь. С четырех сторон его окружали высокие гладкие стены, тщательно оштукатуренные. Любая, даже самая ловкая попытка забраться по ним наверх не останется незамеченной: гладиаторы, как, впрочем, и все прочие обитатели этого квартала, не злоупотребляли ваннами, и их грязные ноги неизменно оставили бы на белых стенах четкие следы.

По всему периметру в два этажа шли двери; забранные решетками, - они же заменяли окна. Почти у каждой кто-нибудь сидел, выглядывая во двор, прибытие новичка было, несомненно, одним из развлечений здешнего люда. Светлобородые и чернобородые, белокожие и смуглые, с тоскливыми глазами и с глазами, ко всему привычными и равнодушными, жующие, пьющие, занятые вылавливанием вшей - удивительно разные и в то же время неуловимо схожие между собой, гладиаторы окружали Конана со всех сторон. Он стоял посреди двора, как на подмостках, и повсюду были зрители, готовые освистывать или рукоплескать.

Загорелое лицо варвара оставалось бесстрастным, как у статуи, пока Гунастр снимал с него веревки, а два прислужника, раздев нового бойца догола, натирали распухшие запястья и щиколотки Конана маслом. Третий прислужник стоял поблизости, держа наготове новую одежду - штаны из дубленой кожи, льняную рубаху и куртку, сшитую мехом внутрь. За поясом слуги болталась пара почти новых сапог, отороченных собачьим мехом. Обнаженное, лоснящееся от масла тело молодого киммерийца отчетливо выделялось на белом снегу, среди белоснежных стен. Неподвижный, нарочито не замечающий суетящихся вокруг него людей, варвар с его великолепной мускулатурой казался изваянием юного божества войны. Из окон, где разместились наблюдатели, стали доноситься смешки и реплики представление забавляло почтеннейшую публику.

- Погляди только, Ходо, - громко сказал широкоплечий парень - он так зарос белой бородой, что только желтые глаза выглядывали из копны нечесаных волос, - вот этот мальчик из диких гор еще задаст нам всем добрую потеху.

- Клянусь яйцами Младшего Бога! Я с удовольствием как-нибудь пощекотал бы его ребра! - гулко разнесся по всей казарме голос Ходо, огромного, с виду неуклюжего толстяка. Он просунул сквозь решетки руку и приветливо пошевелил пальцами, на которых курчавились огненно-рыжие волосы. - Здорово, малыш! - гаркнул он, обращаясь к Конану. - Когда ты разделаешься со всеми этими хвастунами, приходи ко мне. Померимся силой, идет?

Конан и бровью не повел. Все эти люди, запертые в тесных каморках, точно дикие звери в зверинце какого-нибудь вельможи (Конан слыхал о подобных диковинах), выглядели так, словно подобная участь вовсе не была им в тягость. Свободолюбивая душа горца содрогалась при одной только мысли о том, что сейчас и его втолкнут в маленькую каморку, где пахнет мочой и старой

соломой, и закроют дверь. Однако он не позволил себе выдавать свои чувства: ни ужаса, ни отвращения на его лице не отразилось. Он продолжал стоять, голый, неподвижный, как будто бросал вызов этим каменным стенам и железным решеткам. "Вот я каков, - говорила, казалось, каждая мышца его могучего тела. - Попробуйте теперь удержать меня, и поглядим, кто первым сломается, живая плоть или бездушные камни". И при виде юного великана невольно начинало чудиться, что он победит.

Гунастр ходил вокруг нового бойца кругами, как барышник вокруг лошади, осматривая и ощупывая его мускулатуру.

- Много лазил по горам, а? - определил он.

Конан не ответил.

- Левая рука слабовата. Любил биться без щита, не так ли?

Киммериец упорно молчал.

- А реакция должна быть быстрой. Иначе этот удар не скользнул бы по ребрам, а уложил тебя на месте. Я знаю руку Синфьотли.

Ни один мускул не дрогнул на лице Конана, когда он неожиданно оросил сапоги Гунастра струей мочи. Отскочив, Гунастр ошеломленно уставился на свои ноги. Варвар закончил мочиться. Его глаза все так же бесстрастно и угрюмо сверлили белые оштукатуренные стены, словно киммериец не заметил случившегося.

Громовой хохот наполнил казарму. Этому звуку было тесно в небольшом дворике, закрытом со всех сторон, и эхо металось от стены к стене и становилось все оглушительнее.

- Ты видел, Хуннар? - в восторге заревел толстый Ходо. - Вот это противник! Бьет наповал! Какая меткость! Какая сила!

Конан невозмутимо возвышался посреди казармы, и только еле заметный огонек в его синих глазах выдавал тайное наслаждение, которое приносили ему вопли зрителей, доносившиеся со всех сторон.

Каморка, где заперли Конана, оказалась действительно тесной и довольно вонючей. Когда варвар остался там один, надежно запертый, им овладела паника. Обнюхивая и ощупывая каждую щелку, каждый уголок, он заметался по клетушке. Полусгнившая солома, наваленная в углу - видимо, заменяя собой постель, - источала зловоние. Запахи преследовали киммерийца со всех сторон. Ему чудилось, что вот сейчас его легкие не выдержат и разорвутся, если он немедленно не выберется отсюда.

Он набросился на дверь и принялся выламывать прутья решетки. Но прочные железные прутья не поддавались. Варвар уперся ногами в пол и начал с силой гнуть их в попытке просунуть между ними плечо. Это привело лишь к тому, что он в кровь исцарапал плечи и колени. Замерев, варвар несколько секунд провел в полной неподвижности, как дикий зверь перед последним броском, а затем с удвоенной силой возобновил атаку.

- Ты погляди только, чем он занят! - послышался голос Гунастра.

Содержатель казармы стоял перед камерой Конана, опираясь на прочный шест, на конце обитый железом. Видимо, Гунастр использовал это оружие для боя. Рядом со старым воином стоял другой человек с таким же шестом в руке. С ним-то и разговаривал Гунастр, обращаясь к нему как к равному.

- Вот ведь звереныш! - сказал хозяин казармы. - Отойди от решетки. Не калечься, дурень.

В ответ Конан лишь яростно забился о решетку. Гунастр поднял свой шест и ловко ткнул железным наконечником Конана в грудь:

- Отойди, я сказал!

Конан ухватился за шест могучими руками и дернул на себя в надежде, что Гунастр грянет всем телом о прутья и переживет несколько неприятных минут. Но киммериец не учел того, что

имеет дело с человеком опытным и готовым дать отпор любому покушению. Гунастр лишь пошире расставил ноги и следующим тычком, вроде бы не стоящим ему ни малейших усилий, легко сбил киммерийца с ног. Конан распростерся на каменном полу своей каморки.

- И не вздумай заняться членовредительством! - предупредил Гунастр.

Стоящий рядом с Гунастром человек оперся на шест. Конан чувствовал на себе его внимательный взгляд, но ярость, овладевшая молодым варваром, была слишком велика для того, чтобы он мог обращать внимание еще на кого-то. Поднимаясь с пола, с соломой в черных волосах, Конан прорычал несколько бессвязных ругательств. Спутник Гунастра рассмеялся вполголоса. Оба они переглянулись и пошли прочь, оставив варвара беситься в одиночестве.

Конан уже понял, что с решеткой ему не справиться, и забился в темный угол как можно дальше от входа. Так прошел час, потом другой. Солнце поднималось все выше. Конан не шевелился. Глубочайшее отчаяние наполняло его.

Неожиданно чья-то тень упала на пол камеры. Конан заметил это и поднял голову. Перед решеткой стоял слуга с глиняным кувшином в одной руке и деревянной плошкой в другой. Встретившись взглядом с ледяными глазами варвара, слуга невольно вздрогнул.

- Эй, послушай, - заговорил он нерешительно. - Я принес тебе фасоль с мясом и красного вина для подкрепления сил. Гунастр велел кормить тебя получше. Он говорит, если тебя привести в божеский вид, то пол-Халога будет от тебя без ума после первого же боя. Это его слова, а уж Гунастр в таких вещах разбирается.

Слуга говорил торопливо и немного заискивающе. "Боится", - определил Конан с известной долей удовлетворения и позволил себе улыбнуться. Улыбка получилась злобная, как оскал. Слуга попятился.

- Так не пойдет, - сказал он почти жалобно. - Эй, киммериец, я всего лишь хочу накормить тебя. Мне так велели, понятно? Скажи, что не набросишься на меня и не перегрызешь мне горло. Обещай мне это, и я дам тебе поесть.

Конан продолжал хранить молчание, не сводя со слуги холодного взора. Слуга сделал шаг к решетке. Конан не шевелился. И лишь когда тот тронул засов, варвар молниеносным движением подскочил к нему и, вытянув вперед руки, ухватил за горло. Ключ выпал из пальцев слуги и отлетел далеко в сторону. Слуга захрипел и забился, стиснутый железной хваткой. Кувшин разбился, и вино залило плиты дворика. Красная пелена ярости застилала глаза Конана. Он даже не почувствовал, как шест ударил его в середину лба. Он лишь понял с внезапным удивлением, что руки его разжались сами собой, а беленые стены каморки резко надвинулись на него, желая раздавить. Варвар закричал, ударился затылком об пол, и чернота забытья поглотила его.

Голоса.

Лежа неподвижно и ничем не выдавая, что очнулся и слышит, Конан напряг слух.

- Откуда кровь?

Это говорит Гунастр, определил Конан. Наверное, спрашивает про лужу возле решетки.

- Это вино.

Незнакомый голос. Видимо, принадлежит тому человеку с шестом, что сопровождал Гунастра утром.

- Боги, так он убил Инго...

Конан мысленно засмеялся. Придавил холуя - и это только начало. Жаль, что не удалось отнять у него ключ. Но рано или поздно такая же участь постигнет и хозяина, а там придет черед Синфьотли и его отродья маленькой ведьмы...

Чистое детское лицо Соль вдруг встало перед ним, как будто умоляя о сострадании, и Конан рассердился. Ведьма, упрямо подумал он, она - враг, она нечиста, в нее вселился темный демон... Но в глубине души киммериец уже знал, что не сможет убить женщину, что не поднимет руки на

девочку. И это выводило его из себя.

- Он сломал Инго шею, - спокойно проговорил незнакомый голос. Синфьотли прав, настоящий медвежонок.

- Бедный Инго, - пробормотал Гунастр. Он наклонился над телом слуги, провел рукой по еще теплому лицу. - И ведь я сам послал его на смерть, в когти зверю. Он боялся, как будто чувствовал...

- Купишь другого, - равнодушно сказал человек с шестом. - Денег хватит, а рабы все одинаковы. Стоит ли расстраиваться?

- Это гладиаторы существуют лишь для того, чтобы умирать, - возразил содержатель казармы. - Другие рабы предназначены вовсе не для этого. Инго никак не заслужил такой участи.

- Не понимаю тебя, Гунастр. У меня на родине рабов для того и держат, чтобы свободным юношам было кого убивать, если захочется.

- К счастью, мы не в твоем диком Ванахейме, - напомнил своему собеседнику Гунастр.

Совершенно другим тоном тот согласился:

- Да, господин.

- Иначе я давно уже убил бы тебя - просто ради того, чтобы посмотреть, как ты корчишься.

- Разумеется, господин. Как тебе угодно.

Конан приоткрыл глаза, желая все-таки увидеть того, кто ударил его по голове, чтобы запомнить и сквитаться, как только подвернется случай. Он разглядел силуэт высокого, стройного человека, казавшегося хрупким рядом с широкоплечим, коренастым хозяином.

Гунастр рассмеялся и хлопнул собеседника по спине.

- Ваниры все такие, как ты, Арванд?

- Нет, я исключение. - По голосу слышно было, что Арванд улыбается. Не столь свиреп, сколь хитер - вот в чем моя сила.

- Не слишком-то помогла тебе твоя хитрость, не говоря уж о силе, когда тебя скрутили на боссонских болотах. Так что не хвались попусту.

- Ты, как всегда, прав, господин.

- И убери с лица эту ядовитую ухмылочку, иначе я разрежу тебе рот до самых ушей.

Оба засмеялись и ушли. Конан продолжал лежать неподвижно, обдумывая услышанное.

Легкий порыв ветра донес до него запах съестного. Неожиданно Конан ощутил прилив голода и пошевелился на полу, ощупал голову и, обнаружив на лбу колоссальную шишку, выругался и сел. Переждав, пока прекратится головокружение, варвар поднялся и приблизился к решетке. Миска с фасолью все еще оставалась там, где выронил ее задушенный слуга. Ключ от камеры уже унесли. Запах дразнил варвара. Он протянул руку сквозь решетку, но достать миску не смог. Скрежеща зубами, Конан сел на корточки и уставился на свой обед. Еда была совсем рядом, но, увы, - недосягаема. И Конан тупо смотрел и смотрел на нее остановившимся взором, пока в голове у него не забродило смутное подозрение: не совершил ли он ошибку, поддавшись необузданной ненависти?

5

Офирский купец вез в далекий северный город Халога - твердыню гипербореев - редкостный товар, закупленный загодя у торговцев Коринфии, Кофа и Заморы. В больших тюках были зашиты украшения для женщин и девиц пряжки, застежки-фибулы, бусы, браслеты, серьги, золотые нити для кос; благовония, дающие при сжигании изысканные ароматы и разноцветный дым, серебряная и медная посуда, светильники - и простые, и узорные, в форме диковинных зверей и птиц; шелковые ткани, платки, которые продеваются в тоненькое колечко... Хорошей будет выручка, размышлял он, окидывая взглядом свое добро, погруженное на телегу. Северяне

эти хоть и дики и воинственны, но должны быть в то-же время падки на роскошь, как всякие дикари. Платить же за товар они станут шкурками чудесных пушных зверей, медом и хмельными напитками, вкус которых еще был неизвестен в южных королевствах. За все это можно будет потом получить изрядную кучу золота в Гиркании - там холодны степные ночи, и меховая одежда придется очень кстати.

Не желая ни с кем делиться прибылью, а уж тем более - показывать дорогу и сводить конкурентов с торговыми людьми Гипербореи и Асгарда, офирский купец взял с собой лишь трех рабов-кушитов, да и тех рассчитывал выгодно продать: авось гиперборейцы захотят ради экзотики иметь в доме слуг с черной кожей.

Офирский купец спешил. Продукты, взятые в дорогу, были на исходе. Пока что ему удавалось счастливо избегать встреч с разбойничьими бандами. Почти всю дорогу от Офира он проделал вместе с караванами, пристраиваясь то к одному, то к другому, но никому не выдавая цели своего путешествия. Теперь остался самый последний участок пути, и купец намеревался проделать его в одиночку. Тропа на Халога не тореная, караванов здесь нет, разве что редкий торговец забредет, - стало быть и разбойники обходят этот край стороной. Предвкушая долгожданный миг, купец улыбался. Несмотря на уговоры владельца постоялого двора, офит не стал задерживаться на ночь, благо ночи зимой в этих краях длинные. Перекусив на скорую руку и дав небольшой отдых лошадям и рабам, уже через четыре часа купец снова тронулся в путь. Луна светит ярко, ночь не такая уж холодная, к тому же путешественники успели обзавестись шубами, совершив выгодный обмен в приграничных поселениях, так стоило ли терять драгоценное время, отсиживаясь в харчевне? Небо ясное, пурги не предвидится...

- Э, здесь север, господин хороший, - сказал на прощание трактирщик. - Лучше бы вам послушать, что добрые люди советуют.

- А чем север отличается от юга? - беззаботно отмахнулся купец. Люди - они везде люди.

Трактирщик покачал головой.

- Да хранит вас Митра, - пробормотал он, и купец подивился: даже в этой дикой земле знают и почитают защитника людей, великого Митру. Люди-то они везде люди, но все же север...

Он не договорил, махнул рукой и скрылся в доме.

Вспоминая этот напутственный разговор, купец усмехался. Что с того, что здесь снег и холодно? Он сменил телегу на большие сани, лошадей на оленей, нанял проводника из местных, который, похоже, только с оленями и разговаривает, - а во всем остальном никакой разницы. Глупец он все-таки, этот трактирщик с его непонятными страхами.

Вдруг погонщик резко вскрикнул и остановил упряжку. Купец, задремавший было, чуть не упал с саней.

- В чем дело? - недовольно спросил он..

Дрожащим кнутом погонщик указал куда-то вперед. Купец вытянул шею, вгляделся в пустые снежные равнины, но ничего не заметил.

- Где? Куда ты показываешь?

Погонщик бросил кнут, выбрался из саней и, увязая в снегу, побежал сломя голову прочь. Шуба мешала ему, и он сбросил ее. Он мчался гигантскими прыжками так, словно за ним гнались духи ада.

Ничего не понимая, торговец растерянно озирался по сторонам. Затем вдруг затрясся и посерел от ужаса один из рабов-кушитов, за ним второй, третий - охваченные суеверным страхом, они сбились в кучу и принялись взывать плаксивыми голосами к своим чудовищным божествам-шакалам.

Подобрав оброненный погонщиком кнут, офирский купец начал охаживать им рабов, но те даже не замечали боли. Потом какое-то странное чувство заставило офита обернуться... и он

замер с полураскрытым ртом.

Прямо на него шел огромный белый волк. В лунном свете серебрился роскошный мех царственного зверя; каждая ворсинка словно излучала сияние. Глаза на хищной морде горели алым огнем. Он ступал неторопливо, широким шагом, гордясь собой и своей прекрасной ношей. Ибо на спине хищника восседала юная девушка с распущенными волосами. Одной рукой она обхватила зверя за шею. Она улыбалась. Это было последнее, что успел увидеть в своей жизни офирский купец, - улыбку на нежном, почти детском лице.

Гладиаторская казарма гудела, как гудел в это утро весь город. Хоть бойцы во славу Игга - так именовали их в поэтических творениях рифмоплеты Халога - и были заперты в своих клетушках (лишь немногим разрешалось выходить в город), все же они не были полностью отрезаны от внешнего мира, и крылатое божество по имени Свежая Сплетня баловало своим вниманием этих мужественных людей не реже, чем хозяек, любивших посудачить возле колодца.

- Слыхал, Хуннар, - громыхал на весь двор рыжий Ходо, у которого веснушки проступали даже сквозь густую медную бороду, - волк задрал кофийского купца.

- Не, кофийского, а офирского, - поправил Хуннар.

- Тебе с твоего насеста видней, - добродушно огрызнулся Ходо. Его каморка размещалась на нижнем этаже, а комнатка Хуннара - наискось от него на верхнем.

- Не волки, а стая волков.

- Там видели следы одного волка. И такого крупного! А рядом следы босых ног. И кровищи, кровищи!..

- Не иначе, завелся оборотень! - заявил сосед Ходо.

- Оборотень? Во всяком случае, это не я, - поспешно сказал Ходо. - Я ночью спал.

- Мы слышали, - язвительным тоном заметил Хуннар.

Все рассмеялись. Жаль, что не я - этот зверь, подумал Конан. Улететь бы из клетки мухой и вернуться бы в Халога огромным волком, вцепиться в глотки Гунастру и этому подлому ваниру по имени Арванд... а потом убежать в горы, где воздух чист и на много миль кругом ни одного человека.

- Не знаю, как насчет оборотня, а вот черные демоны там побывали. Хвала Иггу, заморозившему супостатов своим ледяным дыханием.

- Какие еще черные демоны? - удивился Ходо.

- Да были там... - сказал всезнайка Хуннар. - Их-то волк не тронул. Побрезговал. Вот как их нашли: лежат в снегу возле саней трое, их окликают, а они не отзываются. Прикоснулись к ним - они холодные, заледенели, как сосульки. А как перевернули их-на спину - великие боги! так и испугались: кожа у них черная, волос вьется пружиной. На людей похожи, да ведь не бывает таких людей.

- А может, они от болезни почернели? - предположил худой, жилистый гладиатор с неприятным лицом. Левая щека у него нервно подергивалась.

- Вечно скажешь невпопад, Каро, - отмахнулся Хуннар. - Какая еще болезнь? Лучше уж сражаться с демонами, чем с неведомой хворью. Ну да ладно, как бы там ни было, а этих чернокожих положили на сани, да так, вместе с санями, и сожгли.

- Правильно сделали, - вставил Ходо.

Хуннар, недовольный тем, что его перебили, метнул на толстяка сердитый взгляд, на который тот ответил широкой, обаятельной улыбкой.

- Продолжай, Хуннар, - попросил другой сосед Ходо. - Не слушай этого болтливого, жирного кролика.

- Я - кролик? - возмутился Ходо. - Ну, ты ответишь мне за это, ходячее жаркое..

- Только не сейчас, - насмешливо сказал гладиатор, но на всякий случай отступил подальше

в темный угол своей каморки.

- И вот, когда сани загорелись, - продолжал Хуннар "страшным" голосом, подражая профессиональным сказителям, - повалил разноцветный дым и по всей равнине распространился странный, удушливый запах...

- Да, - мрачно сказал Каро. - Неспроста все это. А что волк?

- Волк? Он перегрыз купцу горло, напился крови, сколько мог, но тело не изуродовал - сытый был, видно, убил для развлечения, не из голода.

- Или ради ритуала, - заметил Каро.

- Какие еще у волков могут быть ритуалы? - возмутился Ходо. - Дурака слушать - постареешь раньше времени. Что ты вечно глупости болтаешь?

- У волков - никаких, - согласился Каро. - А вот у оборотней, у черных заклинателей, у ведьмаков... Ты ведь говорил, там были следы человеческих ног.

- Да. Босых.

Каро выразительно пожал плечами, как бы желая сказать: "Вот видишь".

Разговор был прерван появлением во дворе Гунастра. Владелец гладиаторской казармы остановился, обвел пронзительным взглядом уставившиеся на него из-за решеток лица, хмыкнул.

- Ну что, черти, вам уже все, конечно, известно? - спросил он.

Ему ответил веселый, наглый голос:

- А как же! Ворона летела, новость обронила!..

- А что говорят по этому поводу старейшины, вам тоже ворона накаркала?

- Откуда нам знать такое, Гунастр! Свет мудрости старейшин не озаряет наши темные души, - с притворным сокрушением отозвался все тот же голос.

- Сейчас я, пожалуй, зажгу на твоей роже большой фонарь, Аминта, и у тебя разом наступит просветление, - пригрозил Гунастр.

- Смилуйся, - простонал Аминта, молодой, темноглазый парень, да так жалобно, что все, даже Гунастр, рассмеялись.

- Ладно, слушайте, остолопы, - сказал наконец хозяин. - Так говорит совет старейшин: с далекого юга, где живут колдуны, и старые боги не спят в своих гробницах, и бродят по земле демоны, пища которых - человеческие души, ехал к нам повелитель черных демонов, скрываясь под обличьем простого торговца. С собой он вез свой магический скарб. Но венценосный Игг не допустил, чтобы погибли мы, его дети, и наслал своего волка, а вослед ему отправил свое ледяное дыхание. Так погибли те, кто нес зло в землю гипербореев.

Стало тихо. Гунастр еще раз обвел глазами своих подопечных и добавил значительно:

- Могуч и непобедим Игг, а вы - бойцы во славу его.

Обхватив голову руками, Конан ерзал в своей клетушке. Игг наслал волка, как же! Глупцы! Богам вообще нет дела до людей. Киммериец был уверен, что знает правду. Ему не было никакого дела до офирского купца. Съели его волки, и черт с ним, - но если появилась возможность отомстить Синфьотли, использовав для этого его любимого брата Сигмунда, то упускать такой случай было бы крайне глупо.

6

Прошло уже больше суток с тех пор, как киммериец сломал шею слуге, пытаясь добраться до ключа и освободиться из клетки. Никто не приближался к конуре, в которой он был заперт. Еще трижды казарма наполнялась запахами съестного. Те, в ком Гунастр был уверен - а таких было большинство, выходили из камер, шли по галереям верхнего этажа и по портику нижнего, собирались в большой кирпичной пристройке в дальнем углу двора. Из раскрытой двери этого сооружения постоянно валил дым - там находилась печь и готовилась пища, сытный обед для более чем двухсот сильных, здоровых мужчин. Вторая дверь вела, видимо, в столовую. Оттуда

после трапезы выходили гладиаторы, обтирая жирные губы, ковыряясь в зубах и звучно рыгая.

Остальным, скорее всего наказанным за какие-то провинности, пищу разносили слуги. Можно было предположить, что эти порции были куда менее обильными и сытными. И только к решетке, за которой притаился Конан, никто не приближался.

Желудок у него свело, язык распух от жажды. Он лежал плашмя на соломе и тупо смотрел, как две ленивые мухи ползают по потолку. Ему и прежде случалось голодать и страдать от жажды, но всегда он знал, что будет бороться за свою жизнь и в конце концов вырвет у немилосердной природы своей глоток воды и кусок мяса. Теперь же от него ничего не зависело. Он целиком и полностью находился во власти других людей, и именно это и делало его страдания невыносимыми.

Он услышал, как кто-то стучит по решетке его каморки, и приподнял голову. Действительно, перед конурой вырисовывался чей-то темный силуэт. Конан глухо заворчал, как потревоженный цепной пес. У решетки тихонько рассмеялись. Конан уловил при этом слабый плеск жидкости - видно, посетитель держал в руке флягу с водой или вином.

- Эй ты, - произнес в сумерках знакомый уже голос Арванда, - если не будешь валять дурака, то напьешься воды.

Одним прыжком Конан оказался у решетки и просунул наружу руку, растопырив пальцы. Молниеносно отскочив назад Арванд избежал хватки варвара и, стоя уже вне пределов досягаемости пленника, но все же достаточно близко, поднял флягу на уровень Конановых глаз.

- Потише, Медвежонок. Я - не безмозглый прислужник, и со мной тебе так легко не справиться.

Внутренне Конан заметался. Ему хотелось убить дерзкого ванира, который стоял в развязной позе и насмехался над ним довольно беззастенчиво, но ведь этот Арванд принес воду, а жажда терзала киммерийца все сильней и сильней. Он не хотел умирать. Еще не время. Слишком много их нужно еще убить.

- Дай мне воды, - хрипло сказал Конан.

Арванд наклонил флягу, и тонкая струйка воды потекла на плиты двора с еле слышным журчанием.

- Кап-кап-кап, - сказал Арванд. - А сейчас пошел дождик.

- Дай пить, - повторил Конан, не сводя глаз с фляги и гадая, осталось ли там что-нибудь после шуточки Арванда. Ему казалось, что это последняя вода на свете.

Арванд встряхнул флягу, и там булькнуло.

- Ладно, - сказал он и подошел к решетке. Одной рукой Конан ухватился за флягу, второй вцепился в локоть Арванда. Тот спокойно смотрел, как варвар, давясь от жадности, заглатывает воду.

- Учти, малыш, я тебя не боюсь, - заметил Арванд, когда Конан отбросил пустую флягу и обратил на ванира свой пылающий взор.

- Холуй, - прошипел Конан. - Тебя подослал Гунастр? Зачем?

- Фи, - сказал Арванд. - Во-первых меня никто не подсылал. Я пришел по своей охоте полюбоваться, как ты бесишься.

Конан заскрежетал зубами.

- А во-вторых, - продолжал ванир, разжимая один за другим пальцы варвара, сомкнувшиеся на его локте, - я вовсе не холуй, как ты изволил выразиться. Мое имя Арванд из Ванахейма, и я раздуваю мехи в этой кузнице Гунастра, где старик во славу Игга бьет своим молотком по душам молодых воинов.

Конан ничего не понял, но говорить ничего не стал.

- Люди быстро меняются, - продолжал Арванд. - Вчера пили вино из одного кувшина, а

сегодня на арене перерезали друг другу глотки.

Конан внимательно следил за лицом говорящего. Его почти не интересовало, что говорит этот Арванд, но странная горечь, прозвучавшая в тоне ванира, удивила киммерийца.

Арванд был высок и худощав. На вид ему можно было дать лет сорок. Темные волосы и карие глаза этого человека удивили киммерийца - он не встречал людей с такой внешностью в Ванахейме. Впрочем, ванирам тоже случалось совершать набеги на южные земли, и они никогда не отказывались от сыновей, которых рожали им захваченные в плен женщины.

- Я назвал тебя холуем потому, что ты называешь Гунастра "господином", - пояснил Конан. - А поесть ты принес?

- "Холуй" - некрасивое слово, мой мальчик, и не стоит обращать его к тому, у кого ты просишь хлеба, - назидательно проговорил Арванд. - Я называл Гунастра "господином", потому что несколько лет назад он заплатил за меня серебром на рынке в Похьеле. Но тебе я все же посоветовал бы звать меня по имени.

- Дай хлеба, - еще раз сказал Конан.

Арванд засмеялся и вынул из-под куртки большой кусок черного хлеба. Варвар жадно затолкал в рот почти весь кусок.

- Где это - Похьела? - спросил он неожиданно для Арванда.

- К югу от Халога. Небольшой городок. Оживает только во время осенней ярмарки.

- Как же ты оказался там? Ведь ты из Ванахейма.

- Ха! А как ты сам оказался в Халога? Ведь ты из Киммерии.

Конан зашипел, как разозленный кот. Вот о том, как его взяли в плен, напоминать, пожалуй, не стоило.

- Меня взяли в плен, - спокойно продолжал Арванд. - Когда я хотел бежать, поймали и переломали ноги. Гунастр потом выхаживал меня, как родная мать.

- Почему же ты не сбежал от Гунастра, как только смог снова ходить? Он, кажется, не очень-то за тобой следит.

Арванд достал из-за пазухи еще один кусок хлеба.

- Лень, - объяснил он. - Да ты ешь, ешь. У Гунастра я всегда сыт и одет. Но есть и другая причина, важнее. В Халога я узнал, что такое слава. На арене я убивал, и все видели, что я сильнее других. В меня влюблялись женщины, не только потаскушки, - но и знатные дамы. Здесь, в Халога, нет, наверное, ни одной сколько-нибудь смазливой барышни, которую я бы в свое время не пощупал.

Конан слушал и недоумевал. Иметь возможность вырваться на свободу и все-таки оставаться в неволе?

- Зачем ты говоришь мне все это?! - спросил варвар.

- Хочу помочь тебе избежать лишних неприятностей, - пояснил Арванд. Слушай, Медвежонок, я дело советую. Веди себя спокойно. Через несколько дней начнутся кровавые игрища, и тебе так или иначе придется сражаться. Лучше быть сытым и немного поразмяться перед боем, не то убьют раньше времени.

Конан оскалил зубы.

- Ты что, ванир, вообразил, что я смирюсь с этой собачьей участью? Я - не ты.

- Можешь не смиряться, на здоровье. - Арванд пожал плечами. - Но тебе в любом случае неплохо бы остаться в живых.

Конан чуть-чуть подумал.

- Или ты считаешь, что я приживусь в этой конуре?

Ответ Арванда удивил молодого киммерийца.

- Да, - тут же отозвался Арванд. - Я уверен, что в конце концов эта жизнь придется тебе по

душе.

- Почему? - гневно спросил Конан. - Почему ты так решил?

- Потому что ты с легкостью убил ни в чем не повинного человека, пояснил Арванд. - У тебя сердце дикого зверя.

Конан хлопнул ресницами, не зная, считать ли последнее замечание Арванда комплиментом.

Арванд был правой рукой Гунастра, его ближайшим помощником, учителем фехтования для новобранцев и молодых аристократов Халога. Изо дня в день он тренировался сам и обучал молодых воинов владеть длинным мечом и коротким кинжалом, занимался боем на шестах, на копьях, кулаках. Со временем и вся гладиаторская казарма перейдет от старого Гунастра к ваниру - у Гунастра не было других наследников.

Заглянув утром в каморку, где крепко спал Конан, Гунастр заметил крошки хлеба, прилипшие к губам пленника Синфьотли, и нахмурился. Значит, несмотря на все запреты, этот подлец Акун, повар, все-таки накормил мальчишку? Хорошо же... Отвернувшись от решетки, Гунастр рявкнул, перекрывая своим низким голосом расстояние от каморки до кухни:

- Акун!

Перепуганный повар - юркий, тщедушный человечек - выскочил из дверей кухни, обтирая на ходу руки о штаны. Следом за ним повалил дым и донесся запах подгоревшего мяса. Некогда белый, а ныне чудовищно грязный фартук свисал на бедра повара, прикрывая низ живота, точно пояс стыдливости у какого-нибудь дикаря из южных стран.

- Подойди ко мне, дрянь! - сказал Гунастр. И когда Акун боязливо приблизился и заморгал, хозяин наотмашь ударил его по лицу рукой в латной перчатке. Из носа повара хлынула кровь.

- За что? - плаксиво крикнул он, хватаясь руками за щеки.

Второй удар повалил его на землю.

Конан проснулся и сел на соломе. Гунастр избивал повара прямо перед каморкой нового гладиатора.

- За что? - приговаривал при этом владелец казармы. - За то, что я запретил тебе кормить киммерийца и давать ему воду!

- Я не кормил его! - рыдал повар, но старый вояка не слушал.

- За то, что ты ослушник! За то, что допрыгаешься со своей жалостью к голодным, и тебе тоже сломают шею!

- Я не ослушник! - вопил повар.

- Так лучше я тебя проучу, чем придется потом собирать твои кости по всему двору, - заключил Гунастр, сопровождая это отеческое замечание немилосердным пинком под ребра несчастного Акуна.

Конан смотрел на эту сцену и безмолвствовал. Он мог бы сейчас вступиться за повара, выдать Арванда и насладиться гневом, который Гунастр обрушит на строптивого ванира. Но почему-то киммериец не стал этого делать.

После полудня во дворе начались тренировки. Приникнув к решетке своей камеры, Конан жадно следил за ходом событий. Он старался не упустить ничего, ни одной, самой незначительной, детали. Ведь с одним из этих людей ему предстоит сразиться на игрищах в память Сигмунда. И потому от цепкого взора киммерийца не ускользала ни одна особенность. Он запоминал: у рыжего Ходо медвежья сила и быстрая реакция; чернявый Каро - левша и тем опасен; Хуннар - тот самый, кому непостижимым образом мгновенно становятся известны все городские сплетни, - любит один и тот же трюк, сперва направляя меч в глаза противника, а потом внезапно нанося удар в живот.

Киммерийцу было бы любопытно поглядеть, каков же в поединке Арванд. Но ванир лишь

наблюдал, усмехаясь изредка вставляя замечание или награждая побежденного изрядным тычком своего неизменного шеста, обитого металлом. Несколько раз темные глаза Арванда встречались с синими глазами молодого киммерийца. Получалось, что они переглядываются, как заговорщики. Можно подумать, что их связывает некая тайна. Конан сердито тряхнул головой. Нет и не может быть никаких тайн у вольнолюбивого киммерийца с этим купленным на рынке холопом, который очень доволен своей презренной участью. И Конан хмурился, отворачиваясь.

Но его тянуло смотреть. Простую душу варвара буквально разрывали на части два взаимоисключающих стремления: он хотел не иметь ничего общего с этими подневольными бойцами, умиравшими и убивавшими друг друга во славу чужих богов... и ему смертельно хотелось принять участие в поединках, пусть даже просто ради тренировки.

Он так глубоко погрузился в свои думы, что не заметил, как рядом оказался Гунастр.

- Ну что, Медвежонок, - добродушно заговорил с ним старый воин, хочешь подраться?

Конан вздрогнул и отпрянул от решетки.

- Да, - выпалил он вдруг чуть ли не помимо своей воли.

Гунастр от души рассмеялся.

- Ладно, - сказал он. - Заодно и поглядим, на что ты годен.

Он снял с пояса ключ и открыл замок. Варвар сделал шаг к выходу, потом другой - и одним прыжком выскочил из каморки во двор. Движения его были гибкими и стремительными, как у молодой пантеры.

Конан развел в стороны руки и с удивлением отметил, что уже не чувствует раны на груди. Северяне вылечили-таки его своими вонючими мазями, приготовленными на бараньем жире. Конан присел на корточки, встал. Ноги не болели. Слегка подводило от голода живот, но это было чувство, привычное юноше сызмальства. Киммерийцы вообще частенько держали детей впроголодь - чтобы наесться до отвала, мальчику приходилось изрядно побегать по горам, загоняя оленя.

Гунастр с любопытствам смотрел на него.

- Меч или копье - что ты предпочитаешь?

- Меч, - сказал Конан и облизал губы.

Ему подали оружие - длинный меч с закругленным острием и совершенно тупой.

Варвар подержал его в руке, потом разжал пальцы, и медь зазвенела о каменные плиты.

- Я просил дать мне меч, а не палку, - повторил юноша и обвел лица собравшихся мрачным взглядом исподлобья. Однако никто и не думал насмехаться над ним.

- Полагаю, мальчик, тебе лучше наклониться и поднять то, что ты бросил, - мягко заметил Гунастр. - Неужели ты думаешь, что тебе кто-нибудь даст в руки настоящее оружие? Острый клинок ты увидишь только на выступлении.

Конан снова, к своей великой досаде, встретился глазами с Арвандом. Тот еле заметно улыбнулся и слегка кивнул, прикрыв веки. Это окончательно вывело Конана из себя. Он взревел и бросился на стоящего рядом Гунастра, норовя вцепиться ему в горло своими лапищами. Выставив шест, Гунастр ловко отбил атаку киммерийца, а следующим ударом пригвоздил варвара к каменным плитам.

Лежа на спине и яростно извиваясь, киммериец хрипло ругался. В углах его рта выступила пена.

- Не делай глупостей, сынок, - повторил Гунастр. - Бери то, что тебе дали, и покажи нам, годишься ли ты хоть для чего-нибудь.

- Убери шест, - выдавил Конан.

Гунастр освободил его. Кашляя, киммериец поднялся на ноги и подобрал то, что лишь в

насмешку могло считаться оружием.

Против него выступил Хуннар. Конан прищурился. Отлично, подумал он, посмотрим, пройдет ли излюбленный прием гладиатора-сплетника с бойцом из Киммерии. Конан хмуро кивнул ему и поднял "меч".

Хуннар атаковал первым, почти не дав своему противнику времени собраться. Но Конан, быстрый, как змея, увернулся и в свою очередь нанес удар, нацелив его на плечо Хуннара. Медь зазвенела о медь. Следующая атака принесла Хуннару удачу - он задел ногу Конана, и Гунастр, внимательно следивший за ходом поединка, гулко хлопнул в ладоши.

- Киммериец серьезно ранен, - объявил он.

Конан оскалился. Хуннар, видимо решив покончить с "раненым" одним ударом, вновь прибег к привычной тактике. Меч сверкнул у самых глаз Конана, но киммериец, привыкший к сиянию льдов на горных вершинах, ни на миг не зажмурился, и меч его был готов парировать удар, направленный, как заранее знал Конан, на самом деле не в голову, а в живот. Следующий выпад Конана был для его ошеломленного противника "смертельным" - Хуннар был "убит" ударом прямо в сердце.

Хуннар попытался было сжульничать и продолжить бой, но Гунастр ловко ударил его шестом по правому плечу и отогнал от киммерийца.

- Бой закончен, и ты убит, Хуннар, - объявил он. - Нечего пыжиться. Если бы у него был в руке настоящий меч, то сегодня мы бы тебя уже похоронили.

- У него какой-то варварский стиль, - сердито сказал Хуннар. - Ни школы, ни надлежащей выправки. Бьет куда попало.

- Не куда попало, а прямо в сердце, - заметил Гунастр. - Важно не выправку иметь, а достигать своей цели. - Он хлопнул Хуннара по спине. Дуйся, сколько хочешь, но мальчишка тебя обставил.

Хуннар, ворча, отошел в сторону.

Конан стоял со смехотворным тупым мечом в руке и смотрел, как побежденный им противник, чуть не плача, уходит в свою конурку. А вокруг галдели гладиаторы, и киммериец слышал, как они, посмеиваясь, хвалят его. Он гордо вскинул голову... и вновь увидел лицо Арванда. "Я познал славу", - так говорил ему ванир. И Конан резко тряхнул волосами, отгоняя воспоминание о том неприятном разговоре.

- Кто-нибудь еще? - спросил он громко, надеясь, что. Арванд примет вызов.

Но Гунастр отобрал у него тренировочное оружие.

- Оставь сегодня эти игрушки, - сказал он. - Думаю, тебе надо как следует поесть. Для арены сгодишься, это мы уже поняли. Вечером покажешь нам, под силу ли тебе справиться с нашим великаном Ходо.

Конан кивнул. Направляясь в столовую, он поймал себя на том, что улыбается.

7

Харчевня называлась "Бурый Бык". Ее местонахождение - неподалеку от гладиаторских казарм, в том квартале Халога, где селились большей частью наемники, профессиональные солдаты, всегда готовые предложить свои мечи любому честолюбивому вождю - определило и круг завсегдатаев этого почтенного заведения. Общество собиралось не столько изысканное, сколько душевное: искатели приключений, бродяги, воины, потаскушки; иногда забредали сюда крестьяне из близлежащих сел, ремесленники, а то и торговцы из небогатых - послушать, как хвастаются своими подвигами бывалые вояки, повздыхать, потискать ядреную девушку.

Здесь безраздельно царили хозяйки "Бурого Быка" - Амалазунта и Амалафрида. Сестрам уже давно минуло тридцать, но еще много оставалось до сорока; пышнотелые, с толстыми белокурыми косами, они казались такими же сдобными, как те булочки, которыми славилась их

харчевня.

Погонщик, угрюмый парень с всклокоченной бородой, сидел в темном углу "Быка", поглощая пиво кружку за кружкой. Зимой темнеет рано. Тонкий серп ущербной луны уже высоко поднялся в небо. Вьюга завывала над городом. Не хотелось покидать душное, теплое помещение, где под потолком трещат чадные факелы, где распаренные человеческие тела источают жизнеутверждающие запахи, а из котлов валит пар, суля самые изысканные радости самому изголодавшемуся обжоре, какой только сыщется во всей Халога.

Но у погонщика были и другие причины оставаться в харчевне и не спешить покидать ее. Однако даже вспоминать об этом он боялся.

Амалафрида, старшая из сестер, подсела за стол поближе к одинокому парню.

- Что-то ты невесел, сокол сизокрылый, - вкрадчиво проговорила хозяйка трактира.

Погонщик удостоил ее мрачным взглядом. Амалафрида поежилась, кутая свои тяжелые округлые плечи в белый платок.

- Не гляди так, дырку прожжешь, - сказала она. - Что тебя гнетет, друг? Поссорился с девушкой?

- Я с собой в ссоре и со всем светом, - в сердцах сказал погонщик. Не терзай мне душу, Фрида.

Женщина прищурилась, вглядываясь в широкое, скуластое лицо погонщика.

- А, так ты меня знаешь, - протянула она. - То-то и я гляжу: личность твоя мне знакома. Мы с тобой уже?..

Погонщик кивнул. Он уже как-то раз имел с ней дело. Ему было лень ублажать Амалафриду - для того чтобы эта дама осталась довольной и утром вознаградила усилия кавалера бесплатным завтраком, с вином и жареной бараниной, нужно было очень и очень-постараться. Но выхода не было: или сейчас же расплатиться за ужин, встать и уйти в ледяную ночь, где бродит... (он содрогнулся и качнул головой, отгоняя жуткое воспоминание). Либо час-полтора напряженного труда - и безопасный ночлег рядом с жаркой, как печка, и мягкой, как перина, женщиной. Последнее улыбалось ему куда больше.

- С собой поссорился, говоришь? - задумчиво переспросила Амалафрида. - Да, плохо дело.

Погонщик знал, что в душах сестер жив и всегда готов пробудиться нерастраченный материнский инстинкт. Любой из завсегдатаев "Бурого Быка" мог найти здесь поддержку и понимание - насколько Амалазунта и Амалафрида в состоянии были что-либо понимать. Он опустил голову, прижался лбом к мягкой руке Амалафриды.

- Это был страх, - прошептал он. - Страх. Он шел впереди, как глашатай. Он точно трубил мне прямо в уши: "Они идут... они идут!" И я потерял голову и помчался куда глаза глядят... чуть не замерз...

- Выпей еще пива, - предложила женщина. - Горе влагу любит.

Не слушая ее, он продолжал как в бреду:

- А потом того купца нашли полурастерзанным, а его рабов насмерть замерзшими... Значит, не приснилось мне, значит, все было на самом деле...

- Погоди-ка, - перебила Амалафрида. - Это ты о ком? Это ты о том торговце из Офира, которого сопровождали черные демоны?

- Я его вез до Халога.

- Так разве ты не слышал, что сказали старейшины? Игг наслал зверя, дабы оборонить нас от сил Зла.

- Игг! Ты можешь верить болтовне этих растерявшихся стариков, Фрида, но я-то знаю правду! - Погонщик поднял голову и посмотрел женщине в глаза долгим тяжелым взглядом.

- Какую правду? - прошептала Амалафрида. - Ты сомневаешься в мудрости старейшин?

- Сомневаюсь ли я? Да я не сомневаюсь в том, - что они ни бельмеса не знают, вот так-то!

Он налил себе еще одну кружку и залпом осушил ее.

- Фрида, - прошептал он, - мне страшно. Он найдет меня по запаху и сожрет мои внутренности... Он вырвет мне сердце...

- Да кто - "он"? О ком ты говоришь?

- Огромный, белый волк...

- Ты видел его? Ты видел Иггова Зверя? - жадно допытывалась Амалафрида.

- Да... - еще тише отозвался погонщик. - Фрида, это были вовсе не черные демоны, те чернокожие. Простые люди, только темные. На юге есть королевства, где все такие чернокожие, даже короли. О, эти бедняги замерзли в наших снегах. А офит был всего лишь купцом, немного более жадным и чуток более храбрым, чем другие. Никаким не колдуном.

- А Иггов Зверь - какой он?

- Он появился бесшумно. Он... У него человеческие глаза. И это еще не все. На спине у него сидела девушка...

В голосе погонщика прозвучало столько ужаса, что по спине Амалафриды пробежала дрожь.

- Да хранят нас светлые силы, - сказала она. - Хвала богам, мы-то здесь в безопасности. Уж Амалазунта об этом позаботилась: на крыше громовой знак, у притолоки ветка омелы, под порогом просыпано зерно, окна обведены крестами - ни молнии, ни злому духу не залететь к нам сюда.

- Это был вервольф, - сказал погонщик. - И страх бежал впереди него.

- Ну ладно, хватит тебе об этом, - решительно произнесла Амалафрида. - А то мне самой уж стало не по себе. Ты ведь переночуешь у нас в доме, не так ли?

Она провела языком по губам. Погонщик приподнялся, схватил ее за шею, привлек к себе и крепко поцеловал в жадный рот.

Огромное ложе Амалафриды шуршало свежей соломой. Нежась среди пушистых одеял, сшитых из звериных шкур, погонщик и трактирщица негромко переговаривались. Уставшие после бурных ласк, они обменивались краткими ленивыми замечаниями. Оба сходились на том, что зима нынче ранняя, но снега было пока немного, а это плохо для урожая - выстудит землю.

Вдруг погонщик прервал себя на полуслове и затаил дыхание. Женщина почувствовала, как он напрягся, как будто ужас пронзил его, пригвоздил к постели.

- Что с тобой? - спросила она, обхватив его руками.

- Слышишь? - выдохнул он еле слышно. - Где-то воет волк.

Амалафрида прислушалась, но не уловила ни звука за плотно закрытыми ставнями.

- Тебе что-то чудится, золотце, - сказала она.

Но он разомкнул ее руки, высвободился из ее объятий и сел. Глаза его широко раскрылись.

- Волк, - повторил он. - Огромный белый волк с человеческими глазами...

Зверь стоял, широко расставив лапы, и глухо ворчал. Шерсть на его загривке поднялась дыбом. Тело молодого охотника, застигнутого вне городских стен ночным мраком, лежало на снегу, и темное пятно уже расплывалось под ним. Зверь поднял окровавленную морду и снова завыл. Потом лег, пристроив голову на ноги мертвеца, обутые в меховые унты, - к левой все еще была привязана лыжа - и стал ждать.

Она приближалась. Легкая, как птица, неслась она по снегу. Белое платье Соль развевалось, и казалось, будто девушка не бежит, а летит, не касаясь земли. Скорее к отцу, он зовет, он снова зовет - ничего другого она не знала, кроме этого настойчивого зова. Ни бабка Сунильд ни Синфьотли, считавший Соль своей дочерью, ни кто-либо из слуг еще не заметил таинственных ночных отлучек девушки. Но даже если они и заподозрят неладное и выследят ее - ничто не

сможет ее остановить.

Она не вполне понимала, что с ней происходило в такие дни. В самом начале ночи ее будил неясный голос, который она воспринимала не как звук, а как неожиданный и сильный толчок крови. Не обуваясь в одной рубахе выходила она из дома, делала навстречу этому зову шаг, потом другой... и куда-то проваливалась точно падала в бездонный колодец. И вот она уже бежит, летит, гонимая нетерпением, - к нему, к отцу, к единственному родному по крови существу, - и ни холода, ни страха не ощущает юная, беззащитная, почти нагая девушка, ночью, одна, на заснеженной равнине.

Увидев в снегу перед волком труп, она с размаху остановилась, как будто споткнулась о невидимую преграду. Великие боги, второй загрызенный оборотнем за несколько дней! Люди так просто этого не оставят. Они мстительны, эти смертные. Скоро они начнут охотиться на Сигмунда и рано или поздно затравят его.

Закрыв лицо руками, Соль бурно зарыдала. Ей до смерти жаль было молодого охотника. За поясом у него висела связка соболиных шкурок. В заплечном мешке еще оставались хлеб, фляга с вином, веревки. Он торопился домой с богатой добычей, но не успел, и волк-Сигмунд настиг его. Волк на брюхе подполз к девушке и уткнулся мордой в ее колени. Не замечая, что белое полотно рубашки пачкает чужая кровь, Соль обняла волка, прижалась лицом к его взъерошенному меху, остро пахнущему диким зверем.

"Отец, - подумала она, - отец мой, как я люблю тебя, дикий мой зверь, таящийся в ночи!"

Соль и прежде обращала свои мысли к другим, без всякой надежды на то, что ее когда-нибудь поймут. Она научилась говорить, произносить слова вслух, но редко прибегала к этому умению - оно было почти бесполезно (если не считать молитв), поскольку девушка все равно не могла бы услышать ответа.

Что-то изменилось в ней после ночных полетов сквозь колодец - как сама она определяла свои таинственные вылазки, - потому что эта новая Соль умела слышать мысли.

И отец ответил ей:

"И я люблю тебя, моя Соль. Ты вернула меня к жизни, моя храбрая девочка".

Ничему не удивляясь, Соль мысленно сказала:

"Разве это жизнь для мужчины из нашего рода? В шкуре хищного зверя, лишь изредка - человеком..."

"Жизнь прекрасна и в волчьем обличье, дочка".

"Зачем ты убиваешь их, отец?"

"Ты спрашиваешь, почему я убиваю людей, Солнышко-Соль?"

"Да, - страстно откликнулась она. - Они не простят нам. Они уничтожат тебя, и ты умрешь истинной смертью".

"Пусть сперва поймают, а затем одолеют".

"Люди умны, хитры. Ты попадешься в их ловушки. Отец, отец, я не переживу этого".

"Я - волк по имени Сигмунд. Я живу так, как мне нравится. Никто из племени людей не страшен мне".

"Ты не настоящий волк, - возразила она. - Ты оборотень. Не надо охотиться на людей, отец. Разве тебе мало телят и коз из здешних стад?"

"Мало! - Теперь от Сигмунда исходили жадность и рвущийся из глубины души восторг. - Знала бы ты, какое наслаждение, какое острое блаженство выследить это хитрое, осторожное, злобное существо - человека, перехитрить его, пересилить... увидеть страх в его дерзких глазах, услышать мольбу из его дерзких уст... и убить его".

Соль отчаянно затрясла головой.

"Попробуй сама, - предложил Сигмунд. - У них сладкая плоть".

Соль в ужасе посмотрела на волка, потом на кинжал Младшего Бога, который стискивала в руке. Встала. Волк отошел в сторону и сел, полураскрыв пасть. Девушка утоптала плотнее снег босой ножкой, вонзила в землю кинжал, взмахнула руками, как будто собиралась взлететь, - и прыгнула.

Отчаянные рыдания Соль разбудили Сунильд. Старая женщина давно уже подозревала, что с внучкой творится неладное, но объясняла это для себя тем, что девочка входит в возраст и настала пора подобрать ей хорошего жениха.

Спускаясь в трапезную, она услышала, как конюх говорил кухарке Хильде:

- На рассвете лошади ровно сбесились. И ржут, и бьются, чуть стойла не разнесли. Я уж подумал, не волк ли шастает...

Глупости, сердито подумала Сунильд, какие еще волки в городе?

Соль лежала на полу возле очага и глухо стонала, кусая губы. Слезы текли из ее глаз. Распущенные волосы полны золы, белая рубаха мокра до колен, выпачкана кровью. Босые ноги покраснели и распухли.

- Боги милосердные! - Сунильд побледнела и заломила руки. - Что с тобой, Соль? Что с тобой сделали? Кто они? Где ты была, дитя?

Она бросилась на колени возле девушки, схватила ее за плечи, несколько раз сильно встряхнула.

- Где ты была? Где?

Соль смотрела на нее бессмысленными глазами. Она догадывалась, о чем спрашивает Сунильд но все равно не могла ответить. Глухота обернулась для нее неожиданным союзником.

Сунильд обняла внучку, прижала к себе, принялась гладить по спине, содрогающейся от рыданий.

...Как долог был полет над рукоятью кинжала! Она взмыла в воздух, и снег остался далеко внизу. Она почувствовала еще в прыжке, как вытягивается ее тело, и, еще ничего не успев осознать, упала уже на четыре лапы.

Сразу же тысячи незнакомых запахов ударили ей в ноздри. Раскинувшийся вокруг мир оказался куда богаче, чем представлялось убогой девочке, в чьем немощном теле обитала душа Соль. Волчица ощутила презрительную жалость к себе самой в человеческом обличье. Она потянулась, с удовольствием ощущая свое новое тело - сильное и гибкое.

Белый волк, сидевший поодаль, вскочил и бросился к ней. Ласково повизгивая, он слегка прихватил ее зубами за загривок. Она увернулась ударила его лапой. Незнакомая радость заполнила сердце Соль. Бремя забот, страшная тайна происхождения, смерть и посмертная жизнь Сигмунда - все это куда-то исчезло. Свободная от человеческих дум и страхов, Соль-волчица могла позаботиться о себе куда лучше, чем девочка Соль, наследница высокородной Сунильд.

Только вот эта ущербная луна в небе и странная тоска...

"Соль! Ты понимаешь? Теперь ты меня понимаешь?"

"Да! Да! Да!"

Подпрыгивая, молодая волчица кружилась по снегу в погоне за собственным хвостом, исполняя самую обыкновенную щенячью пляску радости.

Она была крупной, хотя и не такой внушительной, как волк-Сигмунд. И у нее был чудесный золотистый мех, какого вообще не бывает у волков.

Волки понеслись по равнине. Они довольно долго гонялись друг за другом. Потом Соль остановилась. Пасть волчицы была распахнута, язык вывален. Желтоватые зубы поблескивали в лунном свете.

"Я голодна, Сигмунд".

"Хо! Я уделю тебе от своей добычи, прекрасная волчица с золотистым мехом".

Она вскочила. Внезапно тревога охватила ее. Волк подбежал к ней, ткнулся мордой в ее впалый бок.

"Что случилось?"

"Не знаю... Не помню... Я почему-то не должна угощаться от твоей добычи, Сигмунд".

"Почему? Кто сказал тебе это?"

"Никто. Я просто это откуда-то знаю... Мы не волки, Сигмунд! Мы люди!"

"Мы - дети Младшего Бога, Соль. Человечье племя - еда для нас".

Они побежали назад, к телу молодого охотника. Волчица трусила, опустив голову. Сотни, тысячи незнакомых запахов сводили ее с ума. Но вот она уловила острый запах крови, и шерсть на загривке поднялась у нее дыбом. Верхняя губа задралась нос сморщился. Этот запах дразнил, вызывал непреодолимое желание грызть рвать на части.

Жадно ворча, волки накинулись на свою жертву. И никогда еще трапеза не доставляла Соль такого наслаждения - даже во время пиршества в доме высокородной Сунильд, когда подавались самые изысканные яства. Ни одно блюдо, приготовленное искуснейшим поваром, не может сравниться со свежим сырым мясом, думала волчица, облизываясь.

Волк подбежал к ней, обнюхал ее морду. Глаза его искрились.

"А знаешь, почему убывает луна, Соль?"

Ее зрачки загорелись красным огнем, и она подобралась, готовая вновь играть - кусать, бить лапой, отскакивать, пускаться в бегство.

"Нет! Нет! Не знаю!"

"Потому что мы, волки, каждый вечер откусываем от нее по кусочку!"

Тревога задела волчицу темным крылом. Она снова вспомнила.

"Но мы не волки, Сигмунд!"

"Нет, Соль, мы волки. Забудь об ином".

"Я не хочу забывать. Смотри!"

Волчица разбежалась и пролетела над кинжалом Младшего Бога. И упала у лап Сигмунда худенькой девушкой в длинной рубахе. Мокрый волчий нос ткнулся в ее лицо. Она поцеловала окровавленную морду, вынула из снега кинжал, встала.

Девушка сделала шаг назад и споткнулась о труп молодого охотника, изуродованный и наполовину съеденный волками.

В ужасе она уставилась на него, вспоминая, с какой жадностью только что сама рвала его зубами. Тошнота подступила к горлу Соль, и она прижала ко рту ладони. Смутно чувствуя свою вину, волк сел рядом с ней и навалился тяжелым боком на ее ноги.

Соль оттолкнула его и побежала...

Она не знала, сколько перемени неслась по равнине, не помнила, как оказалась в городе, как миновала стражу у ворот. Она вновь словно провалилась в небытие. Кони бесились, собаки лаяли, когда она пробиралась по ночному городу. Что-то от дикого зверя еще оставалось в девочке Соль, и ей было страшно.

8

Арванд взял из рук Амалафриды кувшин густого темного эля, глиняную кружку и кусок солонины и отправился к своему любимому столу, в самом дальнем углу харчевни, откуда открывался превосходный вид, во-первых, на голову бурого быка, главное украшение харчевни (подарок Огла Чучельника, чудака, влюбленного некогда в Амалафриду, когда та была еще ребенком), а во-вторых и в-главных, на входную дверь. Пробираясь мимо хозяйки, ванир не преминул ущипнуть ее за круглый бок. Женщина хихикнула.

- Я нашла себе кое-кого получше, чем ты, старый убийца.

- Как ты хочешь, Фрида. Я ведь не настаиваю.

Арванд уселся, налил себе в кружку эль и принялся тянуть, поглядывая на собравшихся. Здесь, в "Буром Быке", он отдыхал. Хотя Гунастр давно уже относился к нему как к своему другу и наследнику, Арванд все еще считался его рабом. В последнее время ванира это стало угнетать.

Сегодня ему недолго пришлось оставаться в одиночестве. Вскоре к нему подсела младшая из сестер, Амалазунта. На локтях у нее были ямочки, на щеках ямочки, над верхней губой слева большая бархатистая родинка. Первый любовник достойной трактирщицы, гладиатор, родом из Турана, которого она не могла забыть до сих пор, называл меньшую сестру из-за этой родинки Изюмчик.

Она навалилась на стол грудью и весело сказала Арванду:

- Привет, Протыкатель Дырок.

- Привет, Черничное Пятнышко. - Гладиатор ласково погладил ее по локтю.

- Ты мне нужен, знаешь.

- Зачем? - спросил Арванд и потрепал ее по щеке. Она была такая пухленькая, что ему все время хотелось ее укусить. - Насколько я знаю, твою дырку давно уже проткнули.

- Фи, грубиян. - Амалазунта надула губы. - Я не в том смысле. Просто мне нужен надежный, храбрый, разумный мужчина...

При каждом новом эпитете Арванд кивал.

- В самую точку, Изюмчик. Считай, что уже нашла такого. Я сразу же узнал свой портрет.

- ...да, и непременно мужчину...

- Гм. Разумеется.

- ...в качестве _д_р_у_г_а_...

- Это еще и лучше, Черника, ведь _д_р_у_г_о_м_ быть куда проще, чем протыкателем дырок...

- ...чтобы посплетничать, - заключила Амалазунта.

Арванд поперхнулся и долго кашлял, пока слезы не выступили у него на глазах. Амалазунта заботливо постучала его по спине.

- Уф! - выдохнул он. - С тобой свихнешься, Черника. Зачем же тебе для сплетен понадобился _м_у_ж_ч_и_н_а_? Не проще ли почесать язык с городскими женщинами у колодца? Вот где ты найдешь полное понимание.

- Не прикидывайся глупее, чем ты есть, - заметила трактирщица. Разве среди женщин я сыщу умного советчика, который к тому же меня успокоит и никому ничего не разболтает?

- Да, ты права, - признал Арванд. - Ладно, выкладывай, что случилось. У вас с сестрой беда?

- И да, и нет. Если беда, то не только у нас. Слушай, ванир. Вчера вечером Фрида подцепила одного парня. Он просто трясся от ужаса и готов был на все, лишь бы не выходить на улицу. Он ей такого понарассказывал...

Слушая историю погонщика, которую Амалазунта передавала по всем правилам: с драматическими паузами, придыханием, "большими глазами" и так далее, Арванд мрачнел все сильнее. История слишком проста, чтобы быть ложью. Арванд никогда и не верил тому, что волка послал Игг, а бродячий торговец был колдуном в союзе с демонами. Кто слышал в Халога о черных демонах? Никто. А вот вервольфы и другие оборотни - вепри, лисицы явление в Гиперборее, Асгарде, Ванахейме хоть и не частое, но все же не такое уж небывалое.

- Ну, что ты на все это скажешь? - спросила Амалазунта.

- Ты правильно поступила, Черника, что рассказала мне, а не женщинам. Новость жгла тебе язык, но ты дождалась собеседника, который умеет молчать, моя умница.

- А что, об этом и впрямь лучше молчать?

Арванд кивнул..

- Погонщик, может быть, со страху и преувеличивает, но я думаю, что он действительно видел волка-оборотня. Знаешь что, посоветуй-ка Фриде гнать этого парня подальше. Не ровен час, наведет сюда чудовище.

Амалазунта вдруг хихикнула.

- Он так боялся, что его выставят за дверь, что старался из последних сил, желая угодить сестре. Фрида вышла поутру с таким сытым лицом, какое бывает только у кота, обожравшегося сметаны. Даже глаза заплыли от удовольствия.

Арванд засмеялся и положил обе руки на плечи трактирщицы.

- Не завидуй Фриде, Черничное Пятнышко. Знаешь, я доставлю тебе нечто совсем особенное.

Амалазунта придвинулась к ваниру вплотную и тихонько прихватила зубами за ухо.

- И что же это такое будет, ты, старый детоубийца?

- Дитя.

- Ты что, хочешь, чтобы я родила тебе ребеночка? - Амалазунта отодвинулась и испытующе заглянула Арванду в глаза.

- Избави боги нас с тобой от такой напасти. Нет, я хочу как-нибудь привести к тебе одного из наших новичков. Он еще совсем мальчик. Думаю, ты будешь его первой женщиной, Изюмчик.

Она сморщила нос.

- Мальчишка? Я что, по-твоему, Лесная Старуха, которая крадет детей?

- Он сложен, как бог, силен, как бык, наивен, как дитя, - и совершенно дикий.

Амалазунта недоверчиво улыбнулась.

- А ты не шутишь надо мной, Арванд?

- Нет. Клянусь, моя умница, это чистая правда. У нас его прозвали Медвежонком. Как его настоящее имя, никто не знает. Он киммериец.

- Очень интересно.

- Твоя Фрида лопнет от зависти, вот увидишь. Пусть не чванится своим погонщиком. Даже мне сегодня похвасталась. Проучим ее, а, Черника?

Амалазунта опустила подбородок на ладонь и мечтательно прикрыла глаза.

- Когда же ты его приведешь?

Арванд рассмеялся.

- Придется тебе немного подождать, детка. Говорю же, он еще очень дикий. На днях пытался отобрать у слуги ключ и сломал бедняге шею.

- Какой ужас!

- Не ужаснее того, что ты рассказала.

- Ты думаешь, это серьезно? Я имею в виду вервольфа.

- На всякий случай постарайся никуда не ходить по ночам. И сестре скажи. Когда я был мальчишкой, у нас в поселке шастала такая лисица. Она таскала детей, перегрызала им горло... Ее удалось выследить и затратить только через полгода. Долго мы охотились за ней, выкуривали из норы. Наконец мы погнали ее по холмам. И как же она неслась! Мне до сих пор иногда снится этот ромашковый луг и огненно-рыжий зверь, летящий стрелой...

- И что? - жадно спросила Амалазунта.

- У моего отца был добрый скакун, и он настиг ее. А ведь известно: кто убьет оборотня, тому не долго жить. Так и вышло. Отец вонзил в нее остро отточенный деревянный кол, и она прокричала ему проклятье человеческим голосом... Оказалось, мельничиха, которая жила у Быстрого Ручья...

- А что твой отец? - тихонько напомнила женщина.

Арванд с трудом очнулся от давнего воспоминания.

- Отец? - переспросил он. - Да, мой отец в том же месяце насмерть разбился, упав с коня, - ни с того ни с сего Серый вдруг понес, точно сбесился. Поэтому я и говорю: если впрямь появился волк-оборотень, то бродячий торговец не последняя жертва.

Ничего не ведая о планах, которые строил относительно его персоны Арванд, молодой киммериец с увлечением пробовал свои силы в поединке с Ходо. Несмотря на чрезмерный вес и внушительное брюхо, Ходо был ловок и передвигался с необычайной быстротой.

Хуннар, побежденный Конаном накануне, с нескрываемым злорадством наблюдал за тем, как варвар теснит могучего толстяка.

- Тебе не устоять против негр Ходо! - подзуживал Хуннар.

- Молчи, пиявка! - пыхтел Ходо. - Ты еще увидишь, как я разделаюсь с этим молокососом... Я сделаю из него, это... как сказать по-гиперборейски? Мясная отбивная! Эй!

Последний возглас относился уже к Конану, который, вместо того чтобы позволить превратить себя в вышеозначенное питательное блюдо, перешел в яростную атаку и нанес Ходо рубящий удар в плечо. Будь юноша вооружен сейчас настоящим мечом, его противник был бы уже разрублен наискось до самого пупа.

- Ходо, ты мертв! - завопил Хуннар. - Бросай оружие и ложись пузом кверху!

- Проклятье, это нечестно! - возмутился Ходо. - Ты нарочно отвлекал меня своими дурацкими разговорами, Хуннар! Хотел, чтобы я нахлебался того же позора, что и ты!

- Ты сам позволил себя отвлечь, - сказал Хуннар.

Гунастр, внимательно следивший за поединком, глухо хлопнул в ладоши.

- Молодец, Медвежонок. Иди на кухню. Ты убедительно доказал свое право на тарелку фасоли с мясом и капустой. Только смотри, не убивай больше моих слуг. Если бы ты принадлежал не Синфьотли, а мне, я заставил бы тебя чистить котлы вместо Инго.

Конан удостоил его злобным взглядом и отправился в указанном направлении. Там ему выдали двойную порцию. С удовлетворением отметив страх на лице раба, протягивающего ему миску, Конан сгорбился над своей трапезой и принялся заталкивать еду в рот обеими руками, время от времени обтирая жирные губы тыльной стороной ладони. Хрящи и мелкие кости громко трещали на зубах варвара. Ишь, какое прозвище для него придумали в казарме - Медвежонок. Пусть, подумал он. В том не было ничего обидного.

Поев, Конан сыто рыгнул, поковырялся в зубах грязным ногтем и наконец, к великому облегчению перепуганного слуги, вышел во двор. Он находился в благодушно-сонном настроении и уже примерялся отправиться в свою каморку и там завалиться спать на соломенном ложе, как вдруг всякое благодушие точно рукой сняло.

Во дворе казармы стоял Синфьотли и беседовал с Гунастром. Асир имел усталый вид. Если бы Конан знал, что бледность и круги под глазами вызваны тревогой Синфьотли за любимую дочь, злобной радости варвара не было бы предела.

Синфьотли обсуждал с владельцем казармы завтрашние игрища в память Сигмунда. Он, как уловил из их негромкого разговора Конан, намеревался дать гладиаторские бои и хотел знать, готов ли выступить киммерийский пленник.

- Вполне готов, - заверил асира Гунастр. - Мальчишка хоть куда, Синфьотли. Сегодня разделался с самыми сильными ребятами в казарме. Ему бы немного попрактиковаться - и равных ему не будет.

Как ни были противны киммерийцу Синфьотли и его собеседник, он все же ощутил радость при последних словах Гунастра. Что ни говори, а Гунастр профессионал.

Конан осторожно опустился на плиты двора и сел, скрестив ноги, чтобы удобнее было подслушивать. Поглощенные беседой, Синфьотли и владелец казармы пока не замечали его.

- Слыхал про вервольфа? - сказал Гунастр. - На рассвете люди нашли молодого охотника,

наполовину съеденного волком, а вокруг следы волчьих лап и человеческих ног.

- Женщины говорили что-то возле колодца, но мне кажется, что вервольфы тут ни при чем. Просто парня загрызли звери. Мне очень жаль его, Гунастр, однако ничего сверхъестественного в этой смерти я не вижу.

- А человеческие следы?

- Их мог оставить кто угодно. Это ничего не доказывает, - возразил Синфьотли.

Гунастр помолчал, качая головой, а потом с расстановкой сказал:

- Следы босых ног - и довольно маленьких ног. Как будто их оставил ребенок или женщина.

- Босых?.. - переспросил Синфьотли. - Боги милосердные!

- Вот-вот. - Гунастр вздохнул. - Не нравится мне все это, Синфьотли. Волка, по рассказам, видели огромного, а следы почему-то детские. Путаница какая-то.

Следы ведьмины, несомненно, подумал Конан. Злодейка опять вышла на охоту со своим монстром. А Синфьотли то ли не догадывается ни о чем, то ли слишком хорошо умеет притворяться.

И снова, как и в первый раз, когда Конан подумал о том, что ведьму нужно как можно скорее уничтожить, ему вспомнилось невинное личико Соль: она сжимает в кулачке отцовский подарок, брошки-черепашки, и смотрит на Синфьотли обожающими глазами...

Словно мысли варвара о Соль передались Синфьотли, потому что он заговорил о девочке:

- Уж не ворует ли волчара детей? - сказал асир мрачно. - У нас под утро кони в стойлах бесновались, как будто к ним забрался дикий зверь. И Соль выглядит так словно насмерть перепугана чем-то.

- Может, зверь и вправду был на рассвете возле вашего дома, а Соль его увидела и испугалась? - предположил Гунастр. - Спросить бы ее, да как ее спросишь...

Синфьотли махнул рукой и отвернулся. И наткнулся взглядом на неподвижную фигуру варвара, сидящего в позе созерцателя.

- Это еще что такое? - удивился асир.

Конан остался невозмутим. Ни один мускул не дрогнул на его загорелом лице.

Гунастр тоже обернулся и, подбоченясь, захохотал.

- Он подслушивал! - сказал владелец казармы, вытирая слезы, выступившие от смеха. - И ведь как тихо подобрался! Не мальчик, а настоящий клад.

Конан в эту минуту как раз прикидывал, как бы ловчее вцепиться Синфьотли в горло и придушить его. Однако Гунастр уже успел изучить повадки своего молодого подопечного и приставил к его шее свой меч.

- Хорошенького понемножку, - сказал хозяин казармы. - Новостей наслушался, фасоли накушался, теперь отправляйся в свою клетку.

Оскалившись в уже неприкрытой злобе, Конан встал и медленно, шаг за шагом, начал отступать, не сводя с Синфьотли пылающих глаз.

9

Толпа гудела. Конан оглядывался по сторонам. Зрители, собравшиеся посмотреть на бой, возбужденно переговаривались. Тут же заключались пари. Знатоки обсуждали достоинства уже известных им бойцов, гадали, как покажут себя новички.

Стоя рядом с Гунастром на возвышении посреди круглой площадки для выступлений, Арванд громко выкликал имена тех, кому предстояло сегодня сражаться. Каждое новое имя встречалось новым накатом волны возбужденных голосов.

Конан не слушал. Варварский инстинкт, воспитание, привычки, выработанные им за короткую, но полную опасностей жизнь, - все протестовало против положения, в котором он оказался: безоружный, посреди открытого пространства, у всех на виду. Он чувствовал себя

попавшим в ловушку диким животным. Ноздри его вздрагивали - множество резких запахов окружало его со всех сторон. Ему хотелось спрятаться, и он даже нашел вполне подходящее укрытие - сперва за подиумом, на котором стояли Гунастр со своим прихлебалой, потом вдоль скамей... Взгляд варвара медленно скользил по рядам зрителей. Среди них были и женщины. И если Конану удастся вырваться и броситься в бегство, то нужно запомнить заранее, где больше женщин и, следовательно, где легче будет проложить себе путь к спасению.

Конан видел множество лиц, румяных с мороза, разгоряченных предстоящим кровопролитием. Здесь были рослые гиперборейцы в роскошных меховых куртках, светловолосые асиры, одетые в дубленую кожу, украшенную бисерными вышивками и кусочками меха; более темноволосые ваниры с широкими браслетами на запястьях и ожерельями из медвежьих когтей и клыков.

И вдруг взгляд Конана остановился.

Синфьотли.

Копна соломенных волос, очень светлые, почти бесцветные глаза, надменный рот. Асир стоял среди зрителей, одетых более бедно, слева от трибуны - видимо, там было менее почетное место. Конан немного удивился этому: Синфьотли - один из уважаемых в Халога людей, он прославленный воин, дом его матери известен своим богатством, а род их принадлежит к древним и знатным. И одет недруг киммерийца был очень просто, даже скромно, что выглядело довольно странным, особенно в сочетании с его гордой осанкой.

- В память моего брата Сигмунда, - громко произнес голос откуда-то справа и Конан, вздрогнув, перевел взгляд на говорящего, - во славу имени того, кто погиб как воин с оружием в руках, израненный, зарубленный в последней схватке с ордой киммерийских разбойников...

Сперва Конану почудилось что у него двоится в глазах. Справа стоял Синфьотли. Только на этом Синфьотли были богатые одежды - длинная, почти до колен, кольчуга, перехваченная наборным поясом, красный плащ с горностаями, длинный меч на бедре, широкая золотая цепь на груди. Волосы в знак печали по брату не прибраны, шлем снят. Шрам на щеке покраснел.

Глаза Конана метнулись к двойнику говорящего. У того нет шрама. И он... безоружен. Острый взгляд киммерийца отыскивал все больше и больше отличий. И цвет волос другой, более светлый, и лицо худее...

- Я хочу, чтобы в память моего брата пролилась киммерийская кровь. Одного киммерийца я специально выкупил ради этого у своего товарища, который пленил его силой своего оружия. Вот он!

На середину площадки вытолкнули кого-то, встреченного ревом толпы. Конан не обратил на него внимания. В этот момент он был поглощен одним: он сравнивал Синфьотли с его двойником.

- Второго я сам взял в плен. Не думайте, однако, что он сдался мне добровольно. Смотрите, друзья, каков он - Медвежонок из Киммерии, попавший в плен из-за обильных ран, но не по недостатку доблести!

Конана схватили сзади за шею специально предназначенной для этого рогатиной и выволокли на самую середину. Рев толпы оглушил его.

Киммериец был обнажен до пояса, и только плащ наброшенный на плечи, защищал его от мороза. Его тело, натертое перед схваткой маслом, лоснилось. С него сорвали меховой плащ, чтобы зрители могли по достоинству оценить его сложение.

В последний раз Конан обернулся на двойника Синфьотли. И когда глаза их на мгновение встретились, Конан заметил в зрачках асира красноватое свечение. Сомнений больше не оставалось. Сигмунд! Убитый и оплаканный, он вернулся из запредельных миров, не желая отказывать себе в удовольствии поприсутствовать на тризне в свою память.

Дрожь пронизала варвара, и он не стал стыдиться своего страха. Человек не должен бояться другого человека, но сверхъестественные силы это совершенно иное дело.

Сигмунд пристально смотрел на юношу-киммерийца. На какое-то мимолетное мгновение между ними установилось полное взаимопонимание. Если бы они провели в откровенной беседе несколько часов - и то они не узнали бы друг о друге больше.

Потом служитель еще раз ткнул варвара рогатиной, и тот, споткнувшись, выскочил на площадку, подготовленную для поединка. Снег там был тщательно утрамбован и посыпан песком. Лицом к лицу Конан столкнулся с Тиленом, давним своим приятелем.

- Вот твой враг, - сказал ему Арванд, желая подбодрить Конана. - Убей его, и ты победишь.

- Он заслуживает презрения за то, что сдался в плен, - сказал Конан. - Но почему я должен карать его за это смертью? Он сам покарал себя. А я не хочу марать рук о труса. Дайте мне равного противника.

- Убей его, - повторил Арванд. - Сначала тебе нужно доказать свое право сражаться с другими.

Ванир вынул из-за пояса два меча и, высоко подняв их в воздух, показал зрителям, что они одинаковы.

- Желает ли кто-нибудь проверить, достаточно ли остро оружие? крикнул Гунастр.

- Э, Гунастр, кто же не знает, как ты точишь клинки? - ответил голос из толпы. - Оружие твоих ребят всегда наготове, и жалоб не бывает.

Две-три женщины из зрительниц густо покраснели.

Арванд развел руки в стороны, и противники, которым предстояло схватиться в единоборстве, взяли мечи.

- Пощады не будет, - предупредил Арванд. - Один из вас должен быть убит.

Он едва успел отскочить. Ощутив в ладони тяжесть оружия, Конан испустил дикий боевой клич и ринулся в атаку. Тилен еле-еле сумел отразить его натиск. Несколько минут они обменивались ударами. Их учили одни и те же фехтовальщики. Не раз им случалось биться рука об руку. Но сейчас Конан знал одно: чтобы отомстить потом за себя и остальных, он должен убить.

- Конан! - крикнул Тилен. - Ты обезумел!

Вместо ответа варвар нанес еще один удар. Больше Тилен ничего не говорил. Он был старше Конана на два года, но его противник был шире в плечах, выше ростом и тяжелее. Пригнувшись, Конан избежал удара, который другому, менее проворному человеку, снес бы голову. Следующая атака Конана была ложной. Сделав выпад он вынудил соперника раскрыться. Слишком поздно Тилен понял маневр Конана. Меч, полученный из рук Арванда, разрубил, ребра и вонзился в бок Тилена. Тяжело дыша, Конан выпрямился. Соперник остался лежать у его ног, крича и корчась от боли.

Зрители взревели. Они вздымали вверх кулаки, бушевали, ликующе вопили. Внешне невозмутимый, Конан смотрел на них своими ледяными глазами, и сладкий яд славы, проникая в его кровь, согревал дикое сердце варвара, точно подогретый мед.

Арванд пробирался сквозь толпу к женщине в темно-синей шали, туго завязанной на голове. Золотая бахрома шали падала на белый лоб Амалазунты. Полуоткрыв рот, молодая женщина восхищенно смотрела на варвара.

Арванд тронул ее за плечо, и она нехотя обернулась.

- Привет, Амалазунта, - сказал Арванд.

- А, - рассеянно отозвалась она. - Ты, ванир.

- Раньше ты была со мной поласковей, - укоризненным тоном произнес он. - Кем ты так увлеченно любуешься? Этим молодым киммерийцем, не так ли?

- Да уж не тобой, - огрызнулась женщина.

- Ох, Амалазунта, как ты сегодня сурова. - Арванд засмеялся. - Ведь это тот самый парень, которого я тебе обещал.

Она резко повернулась к Арванду и уставилась на него широко раскрытыми глазами.

- Правда? Ты говорил о нем? Да ведь это даже лучше, чем я могла себе представить! Боги милосердные! Скажи, Арванд, и как это получается, что какой-то слабой женщине удается выносить в себе и родить на свет мужчину, да еще такого?..

Арванд улыбался ее восхищению. Он, конечно, знал, что Амалазунта вовсе не так проста и наивна - иначе она не смогла бы содержать трактир и преуспевать, - но порой у нее прорывались по-детски искренние чувства, а перед Арвандом, который был ее близким другом (насколько понятие "дружбы" вообще применимо к такими людям, как гладиатор и хозяйка питейного заведения), она их не скрывала.

- Киммериец будет твоим, детка, - сказал Арванд. - Эти сильные руки будут ласкать тебя, и его жесткие звериные губы поцелуют твой нежный ротик... ну, и все остальное тоже воспоследует, как ты понимаешь.

Амалазунта покраснела.

- Только надо подождать, понимаешь, Черника? - продолжал он. - Этот мальчик уже познал сладость победы на арене, но пройдет некоторое время, прежде чем он окончательно привыкнет к своему положению и перестанет душить и рвать зубами на части все, что движется.

- Он такой юный, - прошептала Амалазунта. - Такой красивый! Фрида сдохнет от зависти! Хотела бы я видеть ее лицо, когда она узнает!.. Еще вчера она хвасталась своим погонщиком, вот ведьма, а еще сестра. Как мне благодарить тебя, Арванд?

- Благодарить еще не за что, - засмеялся ванир. - Какая же ты красивая, Черничное Пятнышко. Особенно когда жадничаешь.

Она жарко поцеловала его в губы и снова уставилась на молодого киммерийца.

Конан слышал крики: "Добей его, Медвежонок!", "Начал битву - закончи ее!", "Смерть!" Но юноша по-прежнему не двигался. Он пил эти вопли, как доброе вино, смакуя каждый глоток. Он на виду. Им восхищаются. Ему рукоплещут. Глаза мужчин и женщин сверкают, глядя на него.

Неудержимая сила тянула его взглянуть в ту сторону, где он заметил Сигмунда. Варвар страшился вновь увидеть эти красные зрачки и в то же время не мог противиться искушению - и взглянул: Сигмунд был на прежнем месте. Он стоял среди кричащих, ликующих зрителей и смотрел на Конана неподвижным взглядом. Когда их глаза второй раз встретились, бледные губы Сигмунда дрогнули, и он слегка улыбнулся и кивнул Конану. Киммериец не мог слышать его голоса, но он понял, какое слово беззвучно прошептал Сигмунд: "Убей".

И Конан подчинился. Он склонился над стонущим Тиленом, увидев на миг его искаженное мукой лицо - знакомое с детства.

- Конан... - хрипло простонал Тилен. - Не мучай же меня...

Словно издалека смотрел на него варвар. Потом быстрым, умелым движением перерезал побежденному горло.

Выпрямившись Конан снова поискал в толпе Сигмунда, но оборотень уже исчез. И странное напряжение отпустило киммерийца. Он широко улыбнулся и победно закричал, взмахнув над головой мечом, красным от крови поверженного противника.

10

Волчица бежала с холма на холм, вытянув хвост и опустив морду к земле. Следы безошибочно вели ее к цели. И вот она увидела его. Он вышел ей навстречу - рослый, стройный, сумрачный человек, безоружный, с непокрытой головой. Морозный ветер отбрасывал с его бледного лба соломенного цвета волосы. Он протянул к ней руки, и волчица замерла на миг, а

после бросилась к нему огромными прыжками. Еще секунда - и вот она уже лижет его лицо, встав лапами ему на плечи.

"Милая, милая, родная моя, - бормотал он, лаская ее золотистый мех на загривке и теребя острые уши. - Маленькая, отважная девочка".

"Я не могу жить без тебя, отец, - услышал он мысленный призыв Соль. Эти люди вокруг... Они такие чужие, такие пустые, жалкие... Все, даже Синфьотли, даже Сунильд. Они так не похожи на нас..."

"Я знаю, дочка, я все знаю", - говорил Сигмунд.

"Синфьотли сводит меня с ума, - продолжала она. - Я ненавижу его. Он так похож на тебя... и совершенно другой. Я готова - разорвать его за это. Никогда я не была так одинока, отец".

"Малышка, - сказал ей Сигмунд. - Ты не должна больше превращаться в волчицу. Я сделал большую ошибку, показав тебе эту сторону нашей жизни".

"Но почему, отец? Мне так легко в этом теле, мне так свободно! Я больше не слабенькая девочка, я - вольный зверь. Пусть они боятся меня!"

Она завертелась волчком, лязгая зубами, потом бросилась на спину и вывалялась в снегу. Встряхнувшись, она уставилась на него сияющими глазами.

"И столько запахов вокруг, отец! И от меня самой так чудесно пахнет!"

"Знаю. Знаю..."

Волчица села, подняла голову, ластясь к человеку, и толкнула его под руку крутым лбом. Озаренный последним лучом заходящего солнца, Сигмунд казался ей очень красивым и очень печальным. Глаза его тонули в глубокой тени.

"Будь осторожна, Солнышко".

"Чего мне бояться, отец? Правда, поначалу я действительно испугалась, когда увидела, что мы сделали с убитым человеком... Но теперь я понимаю, что это было правильно. Иначе и быть не может. Они - еда дня нас. Мы дети Младшего Бога".

"И в этом наше проклятье, девочка".

"В этом наше счастье и благословение".

"Соль, ты не знаешь, о чем говоришь. Волчья природа берет в тебе верх, лишает ясного разума".

Волчица вскочила и помчалась, пыля снегом, выплясывая петли вокруг человека-оборотня.

"А если мне скучно, скучно, скучно быть просто женщиной! А если я не хочу выходить замуж и быть женой обыкновенного человека! А если я хочу рожать детей волку, волку, волку!"

"Опомнись, Соль!"

"Нет, нет, нет!"

"Соль!" - В его призыве появился оттенок властности, волчица Соль уловила это. Перед ее мысленным взором встал смутный образ, который она определяла как "Тот-Кто-Сильнее". Опустив голову, волчица приблизилась к оборотню и села у его ног.

"Соль, - повторил он мягче. Тот-Кто-Сильнее перестал хмуриться. Волчица тихонько взвизгнула. - Рано или поздно, Соль, люди выследят нас. Я уже мертв, девочка, я мертв, но ты жива, и тебе нужно постараться забыть обо всем. Стать просто человеком. Просто женщиной. Я хотел бы видеть тебя счастливой".

"Я так счастлива с тобой, отец".

"Меня скоро убьют, - спокойно продолжал Сигмунд. - Я не смогу жить, не терзая человеческую плоть. Зверь во мне так и рвется на волю".

"Тебя не убьют".

"Запомни, Соль. У нас с тобой есть две жизни: человеческая и звериная. Когда умирает человек, оживает зверь. Во мне жива только одна душа - волчья".

"И во мне! И во мне!"

Он опустил руку, провел пальцами по нижней челюсти волчицы. Она ласково прихватила его руку зубами.

"Соль, я хочу, чтобы ты поняла. Скоро, очень скоро они нападут на мой след. Я чувствую близость врага. Кто-то умный, хитрый знает обо мне слишком много... Когда он найдет меня, ты не должна быть рядом".

"Почему ты так уверен в этом?"

"Потому что один человек знает, кто я. Не догадывается, а з_н_а_е_т_. И, возможно, у него есть союзники".

"Откуда жалкий сын жалкого племени может что-либо знать о тебе? Никому, даже бабушке, не известно, кто ты такой, кто я такая. Никто на всем белом свете - ни одна живая душа - нет - нет - нет..."

Сигмунд сердито топнул ногой.

"Говорю тебе, он знает. Я прочел это в его глазах. У него нет ни малейших сомнений".

"Как это может быть, отец?"

"Он и сам наполовину дикий зверь. Юноша-варвар, пленник Синфьотли. Тот, что отнял мою первую жизнь, убив Сигмунда-человека в последней битве с киммерийцами. Сегодня он видел меня на гладиаторских играх. Другой бы обманулся, но только не он".

Волчица вскочила. Глаза ее загорелись красным дьявольским огнем.

"Я разорву его на части, отец! Я перегрызу ему глотку и прикачу к твоим ногам его окровавленную голову!"

Сигмунд безмолвно смотрел на охваченного охотничьим азартом зверя, опасного, кровожадного. И это - его дочь, нежное дитя, рожденное кроткой Изулт, которая была такой покорной, такой ласковой. Ему стало страшно, но превыше страха, превыше отвращения к своей хищной натуре оставалась смертная, властная тоска.

Чем чаще он и его дочь совершали превращения, тем меньше была нужда в кинжале Младшего Бога, и они сами не заметили, когда научились обходиться без него.

Над горизонтом показалась луна. Огромный шар, вновь набирающий полноту, повис на самом краю темного небосклона. И Сигмунд не вынес этого. Отчаянно вскрикнув, он переметнулся через голову и обернулся большим зверем. И сразу же мир для него стал другим, исчезли мучительные сомнения, не стало тоски, бесследно пропала жалость к людям, осмотрительность, тревога за Соль. Жажда жизни - деятельной, полной простых забот о еде, питье, - ночлеге - охватила его. Он подбежал к золотистой волчице, лизнул ее в нос.

"Моя Соль! - ликовал он. - Моя дочь! Нас с тобой двое, - только двое, и людям никогда не выследить нас!"

Волки помчались вздымая снег, и только луна на зимнем, ветрами умытом небе следила их одинокий путь.

На рассвете Сунильд проснулась словно от толчка. Ее разбудило непонятное беспокойство. Она лежала под шерстяными одеялами в своей тесной и темной спальне огромного дома и слушала. Старый дом спал. За долгие годы Сунильд успела изучить каждый шорох скрип каждой половицы. Мышь не пробегала в подполе без того, чтоб ее не уловило чуткое ухо хозяйки.

Сунильд прислушивалась, лежа без сна. Все как обычно: за закрытыми ставнями гуляет холодный ветер, в стойлах фыркают кони, в закутке возле кухни звучно храпит конюх Кай и в его объятиях прикорнула маленькая Хильда - служанка, недавно купленная вместо умершей в прошлую зиму старой стряпухи, вынянчившей еще саму Сунильд.

Хильда была родом откуда-то из Пограничных Королевств. Синфьотли нашел ее в Похьеле, куда они с Сигмундом ездили на ярмарку - покупать лошадей. Девушка была насмерть запугана.

Ее украли из родительского дома разбойники-пикты. За два года она сменила пять хозяев. Тощенькая, с тонкими темными косичками, Хильда поначалу вызывала у Сунильд брезгливую жалость, но постепенно, видя, как старается новая стряпуха, хозяйка начала ее привечать. Как-то само собой вышло, что в комнатку Хильды перебрался конюх - это случилось недели через три после появления девушки в доме. Старая хозяйка застала их утром на кухне, снисходительно усмехнулась, и тем самым дело о замужестве Хильды было решено.

От Хильды мысли Сунильд сами собой перескочили к Соль - внучке, единственной наследнице. В последнее время с ней явно творилось что-то подозрительное. Девочка стала очень странной. И та ее отлучка - уж не на тайное ли свидание она ходила? И к кому? Сунильд снова подумала о пятнах крови на рубахе Соль. Может ли так статься, что Соль заманили в ловушку и обесчестили? Она покачала головой. Что-то здесь было не так. Не такая девушка Соль, чтобы поддаться на хитрость. Она хорошо знает себе цену. Гордая, умная, сдержанная - дочь своего отца, внучка своей бабки.

Незаметно для себя Сунильд снова задремала. Ее разбудил тихий стук в дверь. Кто-то царапался у входа в спальню. Старая женщина села, перебросила на грудь заплетенные в косу седые волосы.

- Госпожа Сунильд! - пропищал голосок Хильды.

- Входи, дурочка, - разрешила хозяйка.

Хильда влетела так, словно за ней гнались дьяволы, споткнулась о порог и едва не расплескала молоко, которое несла в большом глиняном горшке.

- Ну, что еще случилось? - спросила Сунильд. - Почему ты бледная и дрожишь?

- Ох, - простонала Хильда, - ноги не держат.

Сунильд выхватила у нее из рук горшок, потому что Хильда рухнула на хозяйскую кровать и уставилась на входную дверь вытаращенными глазами. Несколько секунд она беззвучно шевелила губами, потом перевела полный ужаса взгляд на хозяйку.

Сунильд осуждающе покачала головой.

- Детка, если ты не перестанешь трястись от страха и делать глупости только потому, что тебе опять что-то приснилось, я велю тебя выпороть.

- Ох, госпожа Сунильд, если бы мне это приснилось! Лучше бы так. Попробуйте молоко, попробуйте.

- При чем тут молоко? Хильда, почему ты врываешься ко мне с этим дурацким горшком? - рассердилась Сунильд, но все же наклонилась и понюхала молоко. - Кислое, - сказала она, все еще недоумевая. - Ну и что с того? Слушай, детка, я ценю твое усердие. Ты действительно хорошая кухарка, и все мы рады, что ты живешь в нашем доме. Но все-таки не стоит будить меня сообщением, что молоко скисло. Не такая это страшная вещь, и я полагаю, ты сама придумаешь, что из него приготовить.

Хильда вцепилась в горшок мертвой хваткой.

- Это утреннее молоко, госпожа! - запричитала она. - Утреннее! На рассвете его надоили, а спустя полчаса оно было уже кислое.

- Грязный горшок, - предположила Сунильд.

Хильда залилась слезами.

- Если бы грязный, госпожа Сунильд, только я все начисто отмыла еще с вечера...

- К чему ты клонишь?

- А кони? Кони такие, будто на них всю ночь носились, не разбирая дороги! В мыле, на губах пена, дрожат, храпят... а ведь мой Кай вчера почистил их, напоил, засыпал свежего сена. И собаки под утро скулили, тявкали, словно бы от страха. В доме какая-то нечисть госпожа, вот что все это значит! Да спасут нас всемогущие боги...

Она плакала от страха. Большой рот Хильды распух, остренький носик покраснел. Залитые слезами глаза в немой мольбе уставились на Сунильд.

Старая хозяйка, услышав это, точно окаменела. Признаки, перечисленные девушкой, были бесспорны и очевидны. Сунильд и сама чувствовала, что какая-то темная, мрачная тень нависла над их домом. И как ни боялась Сунильд признаться в этом самой себе, но видела она и другое: крыло этой черной тени задело Соль.

Хильда тихо шмыгала носом у плеча хозяйки. Сунильд вернула ей горшок с молоком, погладила по волосам.

- Никому об этом не говори, детка, - велела она. - И своему Каю скажи, пусть помалкивает. Не хватало еще, чтобы о нашем доме пошла дурная слава.

- Мне страшно... - прошептала Хильда. - На рассвете _о_н_о_ как будто посмотрело на меня...

- Кто - "оно"? Опять твои сны, Хильда.

- Нет, не сны... И у _н_е_г_о_ красные глаза...

- Деточка, ступай на кухню и займись завтраком. Я сама во всем разберусь. И ничего не бойся.

Сунильд отстранила цеплявшуюся за нее служанку и встала с кровати. Не спеша оделась, убрала волосы под платок. Насмерть перепуганная девушка все сидела на кровати, прижимая к себе горшок со скисшим молоком, и следила за хозяйкой большими, полными слез глазами.

Стараясь не выдать своего беспокойства, Сунильд направилась прямо в спальню внучки.

Соль была дома, и старая женщина мысленно вознесла хвалу богам. Девушка спала по одеялом из собачьих шкур и во сне вздыхала и тихо постанывала. Когда Сунильд наклонилась над ней, она не проснулась, только мотнула головой и сильно вздрогнула. Сунильд уловила незнакомый, тяжелый запах - как будто в комнате побывала большая мокрая собака - и подумала, что давно уже не проветривала собачьи шкуры, которыми в холодные зимние ночи укрывалась Соль. Надо будет распорядиться, подумала она, пусть Хильда хорошенько вытряхнет их и почистит снегом.

Соль снова застонала. Сунильд прислушалась и ей даже показалось, что девушка не стонет, а повизгивает и поскуливает, как охотничья собака, которой снится охота. Когда Соль зашевелилась в беспокойном сне, одеяло сползло, и Сунильд увидела ее босые ступни. Соль поджимала и расслабляла пальцы ног. В этом рефлексивном движении было что-то настолько нечеловеческое, что Сунильд ощутила холод в груди, и сердце старой женщины сжали ледяные пальцы.

Во сне полудетское личико Соль казалось взрослым и прекрасным. Сунильд никогда еще не видела ее такой. И этот очень красный, жадный рот... В складках губ Соль старая женщина увидела тайную боль и тайный порок. И она стала намного старше, маленькая Соль. В свои тринадцать лет она выглядела теперь на семнадцать, а то и на двадцать. Она становится взрослой, вот в чем дело, сказала себе Сунильд и направилась к выходу. Ничего страшного не происходит, упрямо твердила она себе, спускаясь по лестнице на кухню, чтобы отдать необходимые приказания Хильде. Просто нужно проветрить одеяла и поскорее выдать Соль замуж.

11

Конан сгрыз мясо, потом высосал из кости мозг, запил трапезу чудовищным количеством пива и только после этого перевел дух. Нельзя сказать, что варвар смирился со своей участью, - однако он начинал уже находить в гладиаторской жизни хорошие стороны. У него появились - нет, не друзья, но люди, с которыми он предпочитал иметь дело. На тренировках Конан выбирал себе противников посильнее и потяжелее, инстинктивно избегая хитрецов и лукавцев - Каро,

Аминту, еще нескольких. Гунастр, конечно, видел это, но пока что не вмешивался.

Иногда в гладиаторскую казарму приходили воины - гиперборейцы и асиры, порой из знатных семей, - посмотреть на нового гладиатора, который запомнился им на игрищах в память Сигмунда, поразмяться, взять у Гунастра один-два урока. Некоторые выражали желание помериться силой с Конаном, но Гунастр чаще всего под каким-нибудь предлогом отказывал - боялся за жизнь почтенных господ надо полагать. И это тоже вызывало у Конана приятное чувство. Ему льстило, что его считают опасным..

- Привет, киммериец! - услышал он знакомый голос и нехотя поднял глаза. К нему подсел Арванд. Конан молча смотрел на него и откровенно ждал, пока ванир уйдет. Но Арванд не уходил.

- Слушай, мальчик... - начал он.

Конан зашипел от злости и не выдержал:

- Я тебе не мальчик. Мне уже пятнадцать, и мужчина моего возраста не позволит, чтобы...

Арванд прикусил губу, чтобы не расхохотаться, с видимым усилием подавил приступ неуместной веселости и испытал прилив острой благодарности к повару Акуну, который очень кстати подскочил и спросил, не угодно ли ему пива.

- Кувшин не помешает, - сказал Арванд. Акун поклонился. Он знал, что Арванду предстоит когда-нибудь стать его хозяином, и заранее мостил дорожку к сердцу будущего владыки. Арванд видел это, усмехался, принимал как должное - и помалкивал. Жизнь приучила его не отказываться ни от чего - что бы она ему не предлагала.

Налив себе полную кружку, он предложил пива и Конану. Тот ответил хмурым взглядом.

- Господское, - пояснил Арванд.

Конан взял кувшин, раскрыл рот пошире у влил в себя остатки пива (добрую половину кувшина), после чего обтер губы, и сердито уставился на Арванда.

- Ну? - спросил он наконец с неприкрытой злобой.

Арванд засмеялся. Конан побагровел.

- Ну-ну, - сказал Арванд. - Как тебя все-таки зовут, киммериец?

- Конан, - ответил юноша. - Что тебе нужно от меня?

- Что тебе известно о Синфьотли?

Этот вопрос заставил Конана подскочить.

- То, что я убью его, - сказал Конан.

- Я говорю вполне серьезно, Конан.

- И я серьезно, - оскалился варвар. - Он унизил меня, он вообразил, будто может держать меня в плену и заставлять драться себе на потеху...

- Но ведь ты дерешься?

- Только потому, что мне это нравится, - отрезал Конан.

- Если ты не будешь побеждать, ты никогда не вырвешься на свободу и не отомстишь - напомнил ему Арванд. - А пока не настало время, постарайся устроиться здесь как можно лучше.

Конан набычился, не понимая, к чему клонит собеседник.

- Ты слишком хитроумен для меня, ванир.

- Не ломай позвоночник слугам, не кидайся на решетки, не старайся в тренировочном поединке отделать противника до крови, - сказал ванир. - Это совет.

- Я не нуждаюсь в твоих советах.

- Конан, - настойчиво проговорил Арванд - скажи мне, что ты знаешь о Сигмунде и Синфьотли? Это очень важно.

- Почему?

- Если ты что-то о них знаешь, то понимаешь почему.

- Какое мне дело до ведьмы и вервольфа? - брякнул Конан. Мгновением позже он сообразил, что выпитое пиво лишило его обычной осмотрительности, но слово, как известно, не воробей. - Тьфу! - в сердцах плюнул киммериец. - Отстань, Арванд. Ничего я тебе не буду рассказывать.

- Ведьма? - переспросил Арванд, начиная понимать. - Детские следы на снегу возле отпечатков волчьих лап... Значит, их и вправду двое...

Конан склонился над столом и схватил Арванда за плечи.

- Забудь, что я сказал, понятно? До них мне нет никакого дела, и тебе тоже. Пусть сожрут хоть полгорода, нам-то что? Эти гиперборейцы держат нас в плену, заставляют проливать кровь себе в угоду, а нам без всякой пользы...

- Я не прошу тебя рисковать собой, - холодно ответил Арванд высвобождаясь из его железной хватки. Он знал, что этими словами наносит киммерийцу тягчайшее оскорбление. - Я ненавижу оборотней. Любая вермагия вызывает у меня жгучее желание избавить мир от еще одной нечисти, и за это я жизнь готов отдать. Но ты, конечно, другое дело. Я прошу тебя только об одном: если ты что-то знаешь о Сигмунде, расскажи мне. Все-таки это я принес тебе воду, когда ты страдал от жажды.

- А я не выдал тебя, когда Гунастр поколотил за это ни в чем не повинного повара, - возразил Конан. - Так что мы, считай, квиты.

- Конан, пожалуйста.

Конан покусал губы и вдруг махнул рукой.

- Мне и самому противно. Как подумаешь об этих волках...

- Сигмунд действительно мертв? - перебил Арванд.

- Нет, - прямо сказал Конан. - Я видел его на игрищах.

- Волком?

- Нет. Человеком. Я сразу узнал его: он как две капли воды похож на Синфьотли, только без шрама на щеке.

- Как ты думаешь, он ведьмак?

- Нет, - сказал Конан. - Он сын Младшего Бога.

- Та-ак, - протянул Арванд мрачнея. - А девушка?. Ведь это Соль, глухая, так?

- Да, - подтвердил Конан. - Соль. Так ее зовут.

- Ее можно как-нибудь освободить от заклятия?

- От какого заклятия? - не понял Конан.

- Так ведь Сигмунд связал ее чарами, иначе почему бы ей помогать волку-оборотню...

- Чарами связал, как же... - Конан усмехнулся. - Тебе, конечно, хотелось бы видеть в этой бедняжке невинную жертву, но не получится. Она ничем не отличается от Сигмунда.

- Что ты имеешь в виду?

- Только то, что она - его плоть и кровь. И коль скоро ты так ненавидишь оборотней, тебе придется взяться за них обоих.

- Плоть и кровь? - переспросил Арванд, становясь как туча.

- Разумеется. Соль - его дочь.

- Не может быть...

- Еще как может, - сказал Конан. - Впрочем, мое дело сторона. Если эти гиперборейцы перегрызут друг другу глотки, будет легче дышать в этом мире, только и всего.

Арванд обеими руками вцепился в волосы, все еще густые, хотя и с проседью. Конан с удивлением заметил, что ванир по-настоящему расстроен, и толкнул его локтем.

- Эй, ты что? Что с тобой?

Арванд поднял голову и посмотрел Конану в глаза.

- Сделай мне одно одолжение, киммериец, - попросил он тихо. Конан небрежно передернул плечами. - Не рассказывай никому... о ней.

- Может быть, будет лучше, если Синфьотли узнает правду? предположил Конан. В его мыслях сразу же пронеслось сладостное видение: безграничное отчаяние асира, которому сообщают, что его жена родила дочь от другого и что дочь эта по ночам шляется в компании с вервольфом-людоедом...

Но Арванд покачал головой.

- Синфьотли не поверит. И только испортит дело.

Конан еще раз пожал плечами.

- Мне плевать на все это, Арванд, я вовсе не горю желанием пошушукаться с Синфьотли о его семейных тайнах.

Арванд поднялся из-за стола и, не простившись с киммерийцем, вышел.

- Теперь твоя очередь, киммериец! - сказал Гунастр.

Конан отбросил с лица копну нечесаных черных волос и вышел вперед. Посреди двора служители укрепили высокий шест с полосками, сделанными красной краской. Шест был весь испещрен зарубками - на нем тренировались, отрабатывая быстроту реакции. Гунастр указывал отметку, а гладиатор должен был мгновенно поразить ее мечом. Конану, наблюдавшему за этим со стороны, тренировка казалась детской забавой. Однако на деле все оказалось намного сложнее. Гунастр с легкой усмешкой смотрел, как лицо молодого гладиатора становится все более серьезным и сосредоточенным. Когда Конан попросил дать ему передышку, чтобы снять меховую куртку, Гунастр прищурился, больше ничем не выдав своего удовольствия. Промучив так Конана с час, Гунастр наконец отпустил его выпить кружку пива, после чего погнал сражаться на копьях с вертлявым Аминтой.

Отставив кружку, Конан хмуро поглядел на старого воина, но воли своему раздражению не дал. В глубине души киммериец понимал, что Гунастр прав, и знал, что и сам он, окажись Конан в роли содержателя подобной казармы, поступал бы точно так же. Поэтому он только блеснул глазами, принимая из рук Акуна копье - длинное, тяжелое, с деревянным утолщением вместо железного наконечника. Интересно, где сейчас бродит Арванд мелькнуло в мыслях киммерийца, почему его нет в казарме? Уж не хочет ли ванир сегодня ночью устроить засаду на вервольфа? Конан сердито мотнул головой. Вот еще не хватало - забивать себе мысли всякой ерундой. Этот сумасшедший охотник на вервольфов из Ванахейма может хоть шею себе свернуть выслеживая оборотня и ведьму, - Конану-то что за печаль!

Аминта, приплясывая, кружил вокруг киммерийца, опустив копье на уровень груди. Подбираясь Конан ждал атаки, готовый мгновенно отразить нападение. Он уже знал, что насмешник Аминта ловок и увертлив, но не всегда внимателен и позволяет себе отвлекаться. Киммериец надеялся воспользоваться этой слабостью своего противника. Наконец Аминта сделал быстрый выпад. Тупой наконечник копья едва не ударил Конана в грудь - будь оружие настоящим, враг Аминты неминуемо был бы пронзен насквозь - однако в последнее мгновение Конан отпрянул назад одновременно выбросив вперед руки с копьем. Вот когда ему стало окончательно ясно, что недаром он потратил столько часов на бессмысленные битвы с деревянной палкой! Удар был лаконичен и точен. Он пришелся в солнечное сплетение Аминты, и молодого гладиатора, рухнувшего на плиты, утащили в его каморку - отлеживаться.

Конан расставил ноги пошире, оперся о свое копье и громко расхохотался.

- На это я никогда не соглашусь, Арванд - в пятый или шестой раз повторил Гунастр.

Содержатель казармы и его ближайший помощник сидели за столом в доме Гунастра - небольшом деревянном строении, расположенном в двух кварталах от казармы. В этом сказывалась предусмотрительность умудренного кровавым опытом Гунастра: в случае бунта в

казарме (а такое, хоть и не часто, а случалось) мятежники не смогут мгновенно расправиться с хозяином. Дом был старый, добротный: тяжелые деревянные двери, маленькие оконца, больше похожие на бойницы. Это жилище досталось Гунастру от деда, а тому - от его деда, и простояло оно без малого три столетия. Арванд знал, что, скорее всего, именно ему предстоит унаследовать дом от старого вояки, ибо Гунастр так и не удосужился обзавестись семьей, а вся его родня еще много лет назад была вырезана ордой диких пиктов, наводивших ужас на Пограничные Королевства.

- Я знаю, что советую, - настойчиво сказал Арванд. - Этого мальчишку следует не только укротить, но и приручить.

- Мне странно слышать от тебя такие глупости. - Гунастр налил вина себе и своему собеседнику. - Я не предполагал, что ты так наивен. Ведь ты со мной уже не первый год и должен был научиться видеть, кому можно доверять, а кому нельзя.

- Ты полагаешь, я этого не вижу?

Гунастр фыркнул и поперхнулся вином. Кашляя, он выговорил:

- Под лед тебя, к богам ада! Как же ты можешь что-то понимать в моих гладиаторах, нерадивый ты раб, если советуешь мне отпустить погулять в город строптивого киммерийца? Да он в ту же ночь передушит пол-Халога и удерет в свои горы.

- Ничего подобного.

- Давай прекратим этот бессмысленный разговор. Оттого, что мы переливаем из пустого в порожнее, все равно не будет толку. Лучше потолкуем о бабах.

Арванд обхватил свою кружку обеими ладонями и наклонился вперед.

- Будет куда полезнее, если этот дикарь станет видеть в тебе своего друга, - сказал он, не обращая внимания на то, что Гунастр шумно вздохнул и выразительно закатил глаза. - В конце концов, ведь ты ему не хозяин. Он принадлежит Синфьотли, значит, и главный его недруг - Синфьотли, а ты всего лишь надзиратель и возможный союзник. Отпусти его со мной в город. Обещаю не сводить с него глаз.

- Ну да, до того момента, пока он не воткнет тебе в шею ржавый гвоздь, ты будешь исправно следить за ним. Но после твоей смерти, Арванд, следить за ним будет уже некому....

- Знаю, и он перережет пол-Халога.

- Напрасно тратишь время. И прекрати ухмыляться, чертов ванир. Меня тошнит от твоих улыбочек.

- Я не ухмыляюсь.

Гунастр вдруг понял, что очень устал от бессмысленного спора и, что сейчас уступит своему помощнику, лишь бы тот отстал.

- Скажи мне откровенно, полоумный гладиатор, что ты задумал?

- Я хочу навестить вместе с ним одну очень добрую женщину...

- Женщину? Дьяволы преисподней, только этого не хватало...

- Ты, старый извращенец, и не понимаешь, как прекрасны эти не похожие на нас создания.

Гунастр поднял брови и в изумлении покачал головой.

- Удивительно, что я до сих пор терплю твою наглость.

Арванд рассмеялся.

- Благодарность киммерийца обезопасит тебя от его нападений, ведь варвары умеют быть признательными. Куда в большей степени, чем цивилизованные люди.

- Ты прав, - сдался наконец Гунастр. - Но учти, если что-нибудь случится, я выдам тебя родственникам погибших, а уж что они с тобой сделают - это меня не касается.

- Идет, - сказал Арванд.

Киммериец смерил Арванда недоверчивым взглядом, когда тот отпер замок и сделал

приглашающий жест.

- Выходи же, - повторил тот. - Сегодняшний вечер наш. Я выпросил для тебя разрешение прогуляться в город.

Конан выскочил из своей каморки, все еще опасаясь подвоха. Видя его настороженность, Арванд улыбнулся.

- Мы идем в гости, - сказал он.

- Зачем это? - проворчал варвар. - Мне и здесь неплохо.

- Есть одно дело.

- Нужно кого-нибудь убить? - с надеждой спросил Конан, которого только что озарила эта догадка.

Арванд поперхнулся.

- Ты неисправим, киммериец. Нет, пока что никого убивать не надо. Идем же, клянусь, тебе понравится.

Гладиаторы вышли за ворота, и стражники тут же заложили за ними засов с внешней стороны казармы. Конан и Арванд двинулись по заснеженным улицам Халога.

Конан оглядывался по сторонам, запоминая расположение домов, переулков, подворотен и лазеек. Делал он это весьма откровенно, отчасти вследствие отсутствия навыка в таком деле, как скрытность, отчасти из желания продемонстрировать свое презрение этому ваниру. Арванд безмолвно усмехался. Он слишком хорошо понимал, что творится в душе молодого киммерийца.

Возле харчевни с вывеской, изображающей огромного бурого быка, на каждый рог которого было насажено по человеку, Арванд остановился.

- Здесь, - сказал он и толкнул низкую дверь с деревянной ручкой, потемневшей и отполированной тысячами прикосновений.

Вслед за ваниром Конан вошел в задымленное помещение, где было полно народу. Люди сидели на скамьях вдоль стен за длинными столами - ели, пили, галдели, стучали кулаками. Несколько дородных девиц, полураздетых и распаренных от духоты, суетились, разнося ужин и выпивку и уворачиваясь от щипков и неуклюжих попыток ухватить их за грудь. Конан проводил взглядом одну из них, потом другую. Перевел глаза на жующих и пьющих. С удивлением поймал себя на мысли о том, что потискать девушку ему, пожалуй, хочется больше, нежели расквасить физиономию кому-нибудь из этих противных гиперборейцев.

Арванд засмеялся и положил руку ему на плечо. Конан слегка вздрогнул, и ванир, почувствовав это, тут же убрал руку.

- Идем же, я познакомлю тебя с хозяйкой этого заведения. Ее имя Амалазунта, но мужчины называют ее Изюмчик. Клянусь, она и впрямь настоящий изюм - сладкая и липучая.

- А что такое "изюм"? - спросил Конан.

- Такое лакомство в Туране.

Конан шевельнул бровями, но ничего не сказал.

Предупрежденная заранее, Амалазунта ждала в своей комнате наверху. Арванд сразу заметил, что она нервничает.

- Привет, Черника, - сказал Арванд. - Ты еще на отмыла ротик? Так и ходишь с пятнышком под носом?

- Привет, - ответила она сердито.

- Гостей принимаешь?

- Только по одному, - ответила Амалазунта и бросила на Конана оценивающий взгляд. - И боюсь, ванир, что сегодня тебе здесь просто нечего будет делать.

- Тем лучше, - хмыкнул Арванд. - Я предамся неумеренному пьянству.

Конан стоял посреди тесной спаленки, чувствуя себя громоздким и неуместным предметом,

и потому медленно сатанел.

- Желаю удачи, - сказал Арванд поцеловал Амалазунту в губы и вышел, захлопнув за собой дверь.

Амалазунта почувствовала, что краснеет. Она вдруг растерялась. Варвар продолжал молчать, хмуро глядя на нее холодными глазами, и не двигался с места. Он еще не решил, как ему относиться к ситуации: то ли переломать здесь всю мебель, связать женщину и удрать (но куда? и без провизии? безоружным?), то ли раздеть ее и выяснить наконец, стоит ли так переживать из-за женщин, как это делают некоторые знакомцы Конана.

- Как тебя зовут, красивый юноша? - спросила Амалазунта хриплым от волнения голосом.

- Конан, - буркнул он. - А тебя звать Амалазунта.

- Иди сюда, Конан, - позвала она еще более сипло.

Он отбросил последние сомнения и развязно плюхнулся рядом с женщиной. Кровать угрожающе затрещала под его внушительным весом.

- А у тебя всегда такой голос? - вдруг спросил он.

Женщина засмеялась и закашлялась.

- Нет, - сказала она.

- А, - отозвался Конан.

- Хочешь вина? - предложила трактирщица. - Мы с сестрой покупаем. Ты какое любишь - красное или белое?

- Неразбавленное, - сказал Конан.

Амалазунта рассмеялась, разливая вино по кружкам. Конан мрачно косился на нее, желая выяснить, уж не над ним ли она потешается. Но она выглядела такой славной и доброй, что в эту минуту он почти понял людей, мечтающих только о теплом доме, заботливой хозяйке и выводке детишек. Он глотнул действительно неплохого вина, поглядывая при этом на пухлую губку и бархатистую родинку Амалазунты, приникшей к своей кружке. Она заметила его взгляд и прошептала: "Что?.." Конан с грохотом поставил кружку на пол и схватил Амалазунту за плечо. Она с готовностью подсела к нему на колени. Губами, сладкими от вина, она поцеловала его в губы, одновременно с этим распуская завязки на груди. Припомнив откровения сверстников, Конан запустил ей за шиворот свою широкую мозолистую руку и нащупал роскошный бюст трактирщицы.

- Вот здорово, - сказал он. - Какие они у тебя мягкие... Они у всех такие?

- Что значит "у всех"? - обиделась Амалазунта, гордившаяся своей грудью, которая была, признана одной из наиболее соблазнительных в Халога.

- Просто я думал, грудь у женщин твердая, как камень. Вроде мускула... - Для наглядности он потыкал в свой железный бицепс.

"Какой дикий, - думала Амалазунта, чуть не облизываясь, - какой неиспорченный..."

Тем временем Конан неумело, но с энтузиазмом заголил ее до пояса и уложил на кровать, пристроившись рядом. Грубые мозоли на ладонях юноши царапали нежную кожу Амалазунты. Неловко повернувшись он задел ее бедро угловатым коленом, но даже не заметил этого. И когда его лапы сжали ее в объятиях так, что ребра женщины хрустнули, она только и подумала: "Наделает он мне синяков, медведь киммерийский".

Дальнейшее развитие событий от нее уже не зависело. Самозабвенно отдаваясь бурным, хотя и несколько беспорядочным ласкам варвара, Амалазунта, как в тумане, подумала о том, что последним аккордом этой симфонии наслаждения будет утренний рассказ о приключении старшей сестре.

12

Хильда спала плохо. К ней опять вернулись ночные кошмары, время от времени терзавшие

молоденькую служанку Сунильд до того, как она появилась в этом зажиточном и почтенном доме. Она вновь видела, как дикая орда врывается в ее родную деревню, как падают под ударами копий и мечей близкие... копыто мохноногой лошади бьет по кувшину, и ослепительно белое молоко разливается по земле, брызги попадают Хильде на лицо, она слизывает их и понимает, что молоко скисло... Вся в слезах, она проснулась и обнаружила, что на кухне темно, в оконце висит молодой месяц, а то место в кровати, где обычно спит конюх Кай, пустует. Хильда пошарила в темноте, позвала приглушенным голосом: "Кай!" - но его нигде не было. Она вспомнила их вечерний разговор. Перед тем как отойти ко сну, Кай говорил, что его беспокоит поведение лошадей и что он подумывает провести ночь в конюшне и выяснить, что там происходит. Напрасно девушка отговаривала его. Кай только посмеялся над ее опасениями.

- Злые силы, говоришь?! - усмехнулся он и погладил по волосам перепуганную Хильду. - Бедняжка Хильда, ты шарахаешься от каждой тени.

- Кай, умоляю тебя. - Она заплакала. - Кай, не ходи. Если ты мне не веришь...

- Нет, почему же, я тебе верю. Что-то там происходит, ведь лошади не будут беситься ни с того ни с сего. Но вряд ли это "что-то" уйдет от доброго копья.

Но Хильда плакала так жалобно, умоляла так настойчиво, что он нехотя согласился остаться на ночь в кухне. И вот теперь она поняла, что согласие было притворным, только чтобы она перестала плакать и причитать. Стоило ей заснуть, как он тут же выскользнул за дверь и был таков. Мужчины всегда все делают по-своему, горестно подумала девушка, снова укладываясь в кровать.

Тревога не оставила ее, наоборот, стала еще сильнее. Ей казалось, что какая-то темная тень подходит к ложу, выступая из темноты сгустком сплошного мрака, потом открываются горящие красные глаза и Хильду обдает чье-то смрадное дыхание. Она хотела было закричать и проснуться - и подавилась криком. А тень все стояла и смотрела, и Хильда не могла пошевелиться. Минула, казалось, вечность, прежде чем страшные глаза закрылись и ужас отпустил служанку.

Она проснулась, вытерла с лица холодный пот. Сон был таким ярким, что Хильда даже подумала: уж не наяву ли все происходило?

Кая все еще не было. Заснул небось, сидя в засаде. Дрожа от холода, Хильда набросила на плечи теплую шаль - подарок Сунильд - и обулась. Вновь ее охватила тревога. Хильда выбежала из кухни и стремглав помчалась в сторону конюшни. Небо уже посветлело. Снег скрипел под кожаными башмаками. За ночь у северной стены дома намело сугробы, и с жутким предчувствием Хильда принялась осматривать свежий снег. Она была почти уверена, что сейчас увидит следы огромного волка. Замирая от страха, девушка наклонилась ниже, вглядываясь в рыхлый снег... и увидела. Следы были четкими и совсем недавними. Их еще не успело припорошить. Однако эти отпечатки оставили не волчьи лапы. Следы были человеческие. Всего час или два назад здесь пробежали маленькие босые ножки. Дыхание Хильды пресеклось. От ужаса она застыла на месте, полураскрыв рот.

- Боги, _ч_т_о_ это? - беспомощно пролепетала она онемевшими губами. Присев на корточки, девушка прикоснулась к следам дрожащими, пальцами. Она не понимала, почему ее испугало именно то, что следы такие маленькие, точно детские. Может быть, потому, что она ожидала найти свидетельства присутствия кого-то огромного, устрашающего.

- Кай! - сдавленным голосом вскрикнула она и вскочила на ноги. Она бросилась в конюшню, не замечая, что башмак с левой ноги свалился и увяз в сугробе. - Кай!

В конюшне было темно и резко пахло лошадиным потом. Девушка вытянула вперед руки и наткнулась на лошадиную морду. Ноздри животного трепетали. Хильда провела ладонью по его шее - животное было покрыто потом. Лошади в темноте беспокойно фыркали. Когда глаза

Хильды свыклись с мраком, она различила сломанную перегородку. Белая кобыла лежала на окровавленной соломе с распоротым брюхом. Чувствуя подступающую к горлу тошноту, Хильда увидела зародыш жеребенка, вываленный из живота несчастной лошади вместе с внутренностями. Рядом с этими бесформенными останками бессильно лежала человеческая рука. Хильда захрипела, силясь крикнуть, позвать на помощь. Спазмы сдавили ее горло, и ее стошнило прямо на солому. Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем ей удалось прийти в себя и пошевелиться: Хильда сделала шаг вперед и прислушалась. Ничего. Еще шаг. Еще.

- Кай! - закричала она во весь голос.

Ей ответило тихое лошадиное ржание.

Превозмогая себя, Хильда подошла к белой лошади и обеими руками обхватила тушу в попытке сдвинуть ее. Наконец ей удалось вытащить из-под трупа Кая. Конюх был мертв. Левый глаз, неподвижный и белый, смотрел прямо на Хильду. Правая глазница была пуста и окровавлена. На шее остались следы чудовищных клыков, вся грудь исполосована когтями. Тупо глядя на обезображенный труп, Хильда замерла. Потом склонилась над ним и, не замечая выкаченного глаза и мертвого оскала, делавших Кая страшилищем, поцеловала его в лоб и в обе щеки.

Возле переднего копыта лошади что-то блеснуло. Хильда машинально протянула руку и подняла маленький блестящий предмет. Ей показалось, что это брошка или амулет. В темноте было не разобрать; Хильда завязала находку в угол шали и тут же забыла о ней.

Она встала. Голова убитого, покоившаяся у Хильды на коленях, с глухим стуком упала на пол. Пошатываясь девушка вышла во двор, набрала в горсть снега и стала вытирать лицо, запачканное кровью.

За спиной Хильды послышались чьи-то шаги. Тяжелые, мужские шаги. Хильда отчаянно закричала: "Нет!" - и упала на колени, закрывая лицо руками. Ее схватили и поставили на ноги. В розоватом свете раннего утра девушка узнала наконец своего хозяина - Синфьотли.

Белея, Хильда стала оседать в его руках. Асир сильно ударил ее по щеке и встряхнул.

- Очнись, девочка, - сказал он. - Приди в себя.

- Господин Синфьотли, - пролепетала Хильда, - это вы...

Слезы потекли по ее щекам, и она прижалась лицом к рукам Синфьотли. Он отстранил ее от себя.

- Что ты делаешь здесь в такой час, Хильда?

- Кай...

- Что с ним?

- Господин, он мертв. И белая кобыла, и нерожденный жеребенок...

- Как мертв? Почему?

- Волк разорвал их на части.

- Все-таки это был волк.... Но почему же Кай оказался ночью в конюшне?

- Он караулил, хотел подстеречь ночного разбойника... Я говорила, я знала, что добром не кончится, но разве мужчины слушают совета?

- Перестань причитать, детка, слезами горю не поможешь. Кай хотел изловить волка и погиб?

Она кивнула. Губы ее тряслись. И без того большой рот Хильды распух от плача.

- А ты почувствовала беду и пошла его искать так?

- Да...

- Ты видела следы волка?

Вместо ответа Хильда задрожала и прикусила губу.

- Хильда! - Он снова встряхнул ее... и вдруг пальцы его разжались. Он увидел след босой детской ноги. - Боги! - прошептал он. - Оборотень... Значит, это правда - то, что болтают люди, и в Халога действительно бродит вервольф... Но почему такой маленький след?

Девушка затрясла головой. Она хотела сказать, что именно это и перепугало ее больше всего, но не успела. Синфьотли уставился на служанку изучающим взглядом. Он только сейчас обратил внимание на странный облик Хильды. Она была почти раздета - если не считать рубахи (шаль с завязанной в уголке находкой она обронила в конюшне, даже не заметив этого) - и боса на одну ногу. Рубашка и руки Хильды были запятнаны кровью: кровавое пятно осталось на скуле после того, как она поцеловала погибшего.

Синфьотли так сильно сжал ее запястья, что она вскрикнула.

- А волчьих следов, значит, нет?.. - сказал он. Лицо хозяина, пересеченное красноватым шрамом, приняло угрожающее выражение и показалось и без того запуганной девушке дьявольским. Она задергалась пытаясь освободиться, и наконец завизжала:

- Пустите!

- Ты! - глухо проговорил Синфьотли. - Ясень Игга, как же мне раньше в голову не пришло! В моем доме!

- Я не понимаю, о чем вы говорите! - В ужасе она забилась, как пойманный зверек.

- Все ты понимаешь.

- Клянусь вам, господин, нет!

- Поймешь, значит, когда в тебя вгонят осиновый кол.

Она широко раскрыла глаза и застыла. До нее не сразу дошел смысл этих страшных слов. А когда она поняла, то испустила громкий вой, похожий больше на крик подраненного животного, и изогнулась дугой в тщетной попытке вырваться из железных клещей Синфьотли.

- Лисица, - с отвращением сказал он. В этот момент девушка и впрямь была безобразна, как настоящая ведьма. Ключицы выступили, жилы на тоненькой шее напряглись, рот растянулся едва ли не до ушей. Жалкие волосы Хильды слиплись от пота. Синфьотли ударил ее по лицу так, что в глазах у нее почернело, скрутил ее, ловко связал своим поясом и как есть, раздетую и наполовину босую, потащил к дому, где собирался обычно Совет Старейшин.

Когда Арванд ближе к вечеру появился в "Буром Быке", Амалафрида встретила его кислой улыбкой.

- Дай мне мяса и побольше вина, прекрасная Амалафрида, - обратился к ней Арванд, от которого уже несло пивом. - Воистину, твои руки - весла котлов, твои ноги - столпы очага, твои глаза - факелы спальни, твои...

- Забирай свое вино и отойди от меня, - оборвала его излияния женщина, с силой отпуская на прилавок большой синий кувшин с отбитым носиком. Кувшин изображал дятла.

Арванд взял его в руки и покачал головой в преувеличенном сожалении.

- Видно, и эта птичка, подобно мне, пыталась достучаться до твоего каменного сердца, о лань в лоне Бурого Быка, в надежде поживиться червячком твоей благосклонности. Но, увы, твое сердце как камень и она разбила о него свой клювик...

- Сейчас будет тебе червячок, - рявкнула Амалафрида. - Проваливай, кому говорят!

- Ладно, ухожу. А где Черничное Пятнышко? Может, она будет со мной поласковее.

- Амалазунте ты теперь и даром не нужен. У нее там, наверху, сидит а еще вернее, лежит - гора стальных мышц, снабженная бездонным желудком и напрочь лишенная мозгов. Идеальный мужчина, как раз под стать моей сестрице.

Арванд хихикнул. Фрида еще больше рассвирепела.

- С тех пор как он повадился таскаться к ней, он обожрал нас хуже целого полка ландскнехтов! Разорение! А она и слышать не хочет о том, чтобы умерить расходы. Говорит, что

он трудится за четверых, а кушает только за троих, - экономию выискала, дрянь эдакая!

Арванд был уже багровым от смеха. Наконец Амалафрида нашла, что тот слишком уж развеселился для того, чтобы быть просто сторонним наблюдателем этой истории, и подозрительно спросила:

- Уж не ты ли его сюда и привел, старый сводник?

- А что? - Арванд не смог удержаться от ухмылки. Фрида исходила пеной от злости и зависти.

- Так вы все заодно! - закричала она.

Арванд попятился.

- Только не бей меня, прекрасная, - сказал он, но Фрида продолжала бушевать:

- Это заговор!

- Но ведь у тебя есть такой замечательный погонщик... - напомнил ей Арванд.

Последнее замечание переполнило чашу терпения старшей сестры. В голову Арванда полетела увесистая глиняная кружка. Гладиатор ловко увернулся, и метательный снаряд угодил в ни в чем не повинного охотника, промышляющего пушниной. Тот немного покачнулся, поднялся из-за стола и стоя поглядел на Амалафриду. При виде его широких плеч разбушевавшаяся трактирщица вдруг разом успокоилась и устремилась к пострадавшему.

- Вы не пострадали? - осведомилась она. - Мы могли бы подняться в мою комнату и перевязать ваши раны. Я умею врачевать тела...

Арванд откровенно захохотал и с кувшином в руке начал подниматься по лестнице.

Возле двери, которую он очень хорошо знал, Арванд остановился и позвал:

- Конан! Ты здесь?

Он услышал возню, вздохи, потом ясный мальчишеский голос отозвался:

- Арванд? Входи.

Конан сидел на разоренной кровати и спокойно жевал мясо, срывая его зубами с бараньей ляжки. Амалазунта уже успела кое-как одеться и с недовольным видом заплетала волосы.

- Привет, Черника - сказал Арванд. - Там, внизу, твоя сестра просто рвет и мечет. Чуть голову мне не снесла.

Амалазунта расцвела.

- А ты действительно сделал мне царский подарок, ванир.

Арванд уселся рядом с Конаном и налил вина в его кружку, после чего принялся пить из носика кувшина.

- Я слишком пьян, - сказал он спустя несколько минут, - слишком пьян, чтобы вспомнить...

Амалазунта перебросила косу за спину и похлопала его по щекам ладонями.

- Приди в себя, старый греховодник. Тебя привело сюда какое-то дело?.. Что-нибудь новое об оборотне?

- Оборотень, - сказал Аренд помрачнев как туча. - Спасибо, что напомнила, Черника. Да, оборотень.

Он оставил кувшин и потряс головой. Конан с интересом наблюдал за ваниром. Сделав несколько глубоких вздохов, Арванд заговорил более трезвым голосом:

- Вот что я хотел вам сказать, друзья мои: сегодня утром вервольф задрал конюха в доме Синфьотли.

При имени ненавистного асира Конан выронил мосол. Кость больно стукнула варвара по босой ноге.

Арванд продолжал:

- Бедный парень караулил в конюшне. Видно, думал подстеречь и убить ночного вора, но волк задрал белую кобылу, а конюху перегрыз горло - и был таков.

- Вот и хорошо, - заметил Конан не без удовлетворения. - Жаль только, что не я тот волк.

Отмахнувшись от варвара, Арванд добавил:

- Их стряпуха по имени Хильда, жена этого конюха, среди ночи проснулась и не нашла мужа рядом. Видно, у них уже велись разговоры о волке, потому что она побежала в конюшню, забыв даже одеться как следует, да еще башмак утопила в сугробе...

Конан вдруг заинтересовался.

- Ну и?.. - спросил он, заблестев глазами.

- Синфьотли схватил ее, когда она выходила из дверей конюшни, босую, полуголую, в пятнах крови... А наш оборотень; как известно, оставляет на снегу, кроме волчьих, еще и человеческие следы. Детские или, что вернее, женские...

- Боги... - прошептала Амалазунта. - Значит, мы ошибались, и оборотень - это Хильда?

Арванд медленно покачал головой.

- Нет. Синфьотли увидел, что рот у нее окровавлен, и впал в ярость. А когда он впадает в ярость, он плохо соображает. Его тоже можно понять вервольф позорит его дом, бросает тень на его семью. Да и Хильда появилась у них совсем недавно, а буквально через несколько месяцев по Халога начал шастать волк, под утро явно скрываясь у них в доме или где-то по соседству.

- Но кровь на губах?..

- Несчастная девочка, наверное, поцеловала погибшего. Все это совпадение, я уверен.

Конан кивнул.

- Да, - сказал он. - Служанка тут ни при чем. Это Соль, глухая, - вот кто озорует ночами. Я видел ее собственными глазами. Да и тот парень, что путался с Фридой, говорит, будто ведьма - писаная красавица и с золотыми волосами.

- Ну а Хильда - настоящий крысенок, - заключила Амалазунта. - Косички у нее тоже темные, два мышиных хвостика. Кстати, где она теперь? В тюрьме?

- Они приковали ее к столбу пыток на площади перед домом Совета Старейшин, - сказал Арванд. - Завтра утром ее побьют камнями, тело пронзят деревянными кольями и сбросят под лед в проточную воду ручья за городом.

Конан широко зевнул.

- Представляю, каково будет на душе у Синфьотли, когда он узнает, что оборотень - его родная дочь, а он по ошибке отдал на расправу эту Хильду и тем самым замарал себя убийством женщины, да еще невольницы!

Арванд поднялся.

- Ты уходишь? - с надеждой спросила Амалазунта.

- Да, - ответил Арванд. - Конан, я хочу, чтобы ты пошел со мной.

- Ну вот еще, - проворчал варвар.

- Для тебя есть важное дело, - пояснил Арванд. - Мне одному не справиться. Нужен такой богатырь, как ты.

- А, - протянул Конан, явно польщенный. - Тогда ладно. До завтра, Иземчик.

- Изюмчик, - обиженно поправила трактирщица.

Конан сочно чмокнул ее в губы, взял с кровати свой меховой плащ, потом обулся и встал.

- Я готов, - объявил он.

Они вышли, притворив за собой дверь. Расстроенная Амалазунта рассеянно обглодала баранью ногу, брошенную Конаном, допила вино, оставленное Арвандом, и с приятной тяжестью в желудке погрузилась в глубокий сон.

13

Луна, похожая на разломанную пополам краюху хлеба, ярко освещала заснеженные улицы спящего города. Конан и Арванд тихо крались вдоль домов, пока наконец перед ними не

расступились здания и они не увидели круглую площадь, мощенную булыжником. Посреди площади возвышался большой деревянный столб. Рядом маячил часовой в меховой шапке. Он разложил два костра, потягивал пиво и с сомнением поглядывал на оставленное ему оружие - длинный деревянный, кол, довольно прочный и остро заточенный.

Старейшины рассудили, что именно таким орудием легче всего будет покончить с оборотнем, если что-нибудь вдруг случится.

"Если она примется за свои колдовские штучки, бей прямо в сердце", отечески посоветовал солдату один из мудрых старцев, бросил на прикованную к столбу Хильду трусливый взгляд и поспешно удалился. Часовой с тоской посмотрел ему вслед, сплюнул на снег и стал готовиться к утомительному ночному дежурству.

Время от времени он с подозрением поглядывал на пленницу, но та и не думала приниматься за "колдовские штучки".

Самой сильной магией, на которую оказалась способна маленькая Хильда, были безмолвные слезы и постукивание зубов. Она замерзла. Костры, возле которых грелся часовой, уделяли толику тепла и пленнице, но этого было явно недостаточно.

Хильда не пыталась сопротивляться, протестовать и вообще хоть как-то бороться за свою жизнь. Короткий жизненный опыт убедил девушку в том, что от нее самой вообще ничего не зависит. Она ли из кожи вон не лезла, пытаясь угодить Сунильд и ее сыновьям - первым из хозяев, кто обращался с ней сносно, - но малейшее подозрение в колдовстве было для Синфьотли достаточным основанием отдать ее в руки палачей. Он даже не выслушал ее объяснений. Он даже не позволил ей одеться. Она так и стояла у столба в одном башмаке.

На небо высыпали звезды. Поднялась луна. Шло время, но Хильда и не думала превращаться ни в лисицу, ни в волка. Она неподвижно смотрела в огонь бессмысленными глазами и дрожала с головы до ног. Цепи, сковывающие ее, все время позвякивали.

Часовой глотнул из фляги пива и покачал головой. Какая уродина эта молоденькая ведьма! А он-то думал, что молодые ведьмы все как на подбор раскрасавицы, а уродливыми становятся к старости, когда не могут уже очаровывать людей красотой и прибегают к иному оружию - страху и отвращению. Но эта была тощенькая, как сушеная рыба. Рубаха не скрывала ни торчащих ключиц, ни ребер, ни жалкой, плоской, почти детской груди. Остренький носик Хильды покраснел, темные, похожие на мышиные хвостики косички разлохматились.

Часовой ощутил, как в нем шевельнулось нечто вроде сочувствия, и угрожающе помахал перед лицом Хильды острым колом.

- Эй _т_ы_, - сказал он, - без колдовства, ясно?

- Ясно, - сипло отозвалась Хильда, которая не поняла, почему он сердится на нее.

- То-то. - Он опустил кол. - Да ты, девка, вся горишь, как я погляжу. Болеешь. Еще бы, такой мороз, а ты, считай, голая. Так ведь завтра тебя побьют камнями, так что это даже к лучшему. Ничего не почувствуешь. А может, за ночь замерзнешь, отмучаешься.

Он вздохнул и допил из фляги свое пиво.

Чьи-то жесткие пальцы сдавили ему горло. Часовой захрипел и выронил флягу. Несколько капель пива вытекло из его раскрывшегося рта. Он хотел было крикнуть, но уже не смог. Отточенный кол выпал из его пальцев. Часовой дернулся в последний раз и затих.

Хмыкнув, Конан опустил тело на снег. Когда варвар, до самых глаз закутанный в меховой плащ, выпрямлялся, Хильда увидела его в красноватом прыгающем свете костра. Он показался девушке огромным лохматым зверем, бесшумно выступившим из ночного мрака. Пленница в ужасе смотрела, как этот зверь поднимается над убитым солдатом, становясь все выше и выше, как он на глазах превращается в человека - страшного свирепого человека, все еще разгоряченного недавним убийством. Хильда беззвучно закричала, как кричат в кошмарном сне,

и задергалась, стараясь освободить хотя бы руки. Чудовище приближалось к ней, разглядывая ее холодными равнодушными глазами.

- Подожди, Конан, - послышался чей-то голос, и из мрака вышел второй - худощавый, стройный. Он отстранил чудовище, которое замерло, недовольно ворча, и подошел к девушке вплотную. Она увидела совсем близко его лицо, уже немолодое, с темными глазами и острыми скулами. Тяжело дыша, она уставилась на него, не зная, какого еще ужаса ей ждать.

- Детка, - негромко проговорил он, - не бойся. Я - человек, и вот этот дикарь в мохнатом плаще - тоже человек, не оборотень.

Она зашевелила губами, потом с трудом прошептала:

- Убейте меня.

- Глупости, - произнес темноглазый, - я попрошу тебя кое о чем, Хильда. Пожалуйста, не бойся и молчи. Если ты будешь меня слушаться, все будет хорошо.

Конан подобрался к столбу и подергал цепи.

- Порвать? Не порвать? - пробормотал он себе под нос, а потом плюнул на ладони, ухватился покрепче за столб, уперся ногами в землю, вскрикнул утробным голосом и выворотил столб вместе с прикованной к нему пленницей. Держа ее на вытянутых руках, варвар осведомился:

- Эй ты... жертва... я тебе ничего не повредил?

- Нет, - прошептала Хильда.

Конан завернул ее вместе с орудием пытки в свой плащ и взвалил на плечо.

- Не проще ли было вырвать цепи? - спросил Арванд.

- А, некогда, - бросил Конан. - Идем.

И они быстро зашагали по ночному городу.

Конан и Арванд вернулись в казарму под утро, безобразно пьяные и довольные жизнью. Когда они появились в столовой, где уже гремели миски, их встретил дружный свист.

- Эй, Ходо! - крикнул Хуннар, который специально садился за длинный стол подальше от своего приятеля: во-первых, чтобы был предлог орать и производить побольше шума, а во-вторых, из соображений безопасности. Оторвись от каши, болван ты жирный, и погляди только, кто к нам пожаловал!

- М-м, - промычал Ходо. - Два подгулявших ублюдка. А мне-то что за дело?

- И тебе нет дела до того, в каком изысканном обществе напивается теперь его благородие Арванд?

Конан плюхнулся на скамью, обеими руками притянул к себе миску с кашей, из которой только что ел Хуннар, и принялся уплетать за обе щеки.

Ходо заржал так, что каша брызнула у него изо рта и запачкала его огненно-рыжую бороду. Ругаясь на чем свет стоит, толстяк обтер пот.

Хуннар смотрел, как варвар ест, и понимал все отчетливее, что вступить в потасовку с этим дикарем все-таки придется, иначе в казарме ему, Хуннару, житья не дадут. Драка же с Конаном неминуемо завершится победой последнего и возможным членовредительством.

Хуннар издал боевой клич и вцепился в свою миску. Конан заворчал совсем по-медвежьи и стукнул его по руке.

- Отдай! - крикнул Хуннар.

Вокруг стонали от смеха. Конан неторопливо доел кашу и встал. Широко зевнул, потянулся, хрустнув суставами. Он наслаждался.

- Ну что ж, - вздохнул Хуннар. - Ничего не поделаешь.

Поскольку Конан демонстративно не обращал на него внимания, обиженный сплетник беспрепятственно обошел варвара со спины и схватил оставленный у входа шест с зарубками,

который использовали для тренировок. Варвар был слишком упоен собой в этот момент, чтобы сразу сообразить, что происходит у него за спиной. Шест просвистел в воздухе и с треском обрушился на голову Конана.

Ходо поднялся из-за стола, посмотрел на упавшего варвара, потом перевел взгляд на своего приятеля.

- Только не воображай, что сумел победить его, - предупредил он Хуннара.

Несмотря на то что неумеренное пьянство за счет Амалазунты (ибо после налета на пыточный столб Арванд потащил Конана обратно в трактир) и удар по голове, нанесенный предателем Хуннаром, не остались для киммерийца без последствий, ванир, и сам мучимый воспоминаниями о бурной ночи, выгнал Конана на тренировку и беспощадно гонял его до самого вечера. И только когда Конан, обессилев, рухнул на соломенный тюфяк в своей клетушке, Арванд решил, что и ему самому пора передохнуть.

А потому он отправился в "Быка" навестить сестер. Гунастр неодобрительно хмыкнул и поинтересовался, не слишком ли часто Арванд стал наведываться в питейное заведение в ущерб работе. Арванд заявил, что не видит здесь особенной регулярности, и ушел, игнорируя угрозу хозяина запереть строптивого помощника в клетушке.

В "Быке" сидел Синфьотли, и Арванд не раздумывая, подсел к нему за стол. Где-нибудь в другом месте ванир не позволил бы себе подобной фамильярности по отношению к такому высокородному господину, каким был Синфьотли, но в "Быке" Арванд был почти как у себя дома. "Под Быком все равны", - как любила говаривать Амалафрида, обожавшая подобные двусмысленности.

Синфьотли уже приканчивал второй кувшин.

- Уйду я из Халога, - сказал он Арванду. - Беда ходит за мной по пятам, дышит в спину. Уйду.

- Тебе видней, что делать, Синфьотли, - ответил Арванд и отпил большой глоток вина. Могла бы и не разводить его водой, подумал он, адресуя мысленный упрек Фриде. Трактирщица пыталась хоть как-то уменьшить расходы, компенсируя расточительность влюбленной сестры, скормившей Конану за один день недельный запас продуктов.

- Уйду, - повторил Синфьотли. - Наберу солдат и наймусь в какую-нибудь армию подальше отсюда. Где-нибудь в Туране. Там всегда идет какая-нибудь война, солдаты нужны.

- Конечно, - поддакнул Арванд.

- И тебя с собой возьму. Хочешь командовать моими ребятами?

Арванд неопределенно пожал плечами.

- Гунастр не отпустит, - сказал он наконец.

- Глупости. Что значит "не отпустит"? Я тебя у него выкуплю. Ты мне нужен. - Синфьотли подумал немного. - И подскажи, кого еще из гладиаторов выкупить. Всех! Всю казарму! И на Туран!

Он хватил кулаком по столу, и наполовину пустой кувшин подпрыгнул.

- На Туран!

- Успокойся, Синфьотли. - Арванд тронул его за локоть. - Ты напился.

- На Туран! Я в здравом уме! Я пьян, но все понимаю! Отстань, раб! Я иду на Туран!

- Разумеется, - сказал Арванд и осушил свою кружку. - Я вот сейчас допью и тоже с тобой пойду.

Синфьотли слезливо умилился и обхватил Арванда за плечи.

- Да здравствует... Ванахейм! - крикнул он заплетающимся языком.

- Да здравствует Асгард! - ответил Арванд вежливо (он терпеть не мог асиров) и выпил залпом вторую кружку.

Между тем Синфьотли впал в беспросветную тоску и начал шарить глазами по пьяным

физиономиям собравшихся в "Быке" завсегдатаев.

- Сигмунд, - выдавил он, - о Сигмунд...

Из его глаз потекли мутные слезы. Арванд задумчиво смотрел на него. Если в жилах Сигмунда действительно течет кровь Младших Богов, то его власть над братом может стать безграничной. Может быть, имеет смысл убрать Синфьотли прежде, чем тот наделает беды?

- Сигмунд! - встрепенулся вдруг Синфьотли и уставился на кого-то, кто на миг появился в дверях трактира. Арванд стремительно повернулся, но успел заметить лишь мелькнувшую тень. Кем бы ни был этот кто-то, он ушел прежде, чем его разглядели. Синфьотли вскочил. Арванд схватил его за руку.

- Стой! Ты куда?

- Там мой брат! Я звал его, и он вернулся!

- Ты пьян, Синфьотли.

- Нет... То есть я пьян, но там мой брат. Он такой бледный... и глаза красные. Он зовет меня. Да отпусти же меня, раб! Вот привязался!

- Синфьотли, побудь со мной, - попросил Арванд спокойно. - Давай поговорим. Я слышал, у вас дома беда.

- Да, - горестно согласился Синфьотли, припадая к кувшину. - Весь город болтает теперь о моем доме. - Он отжал вино с уса, ненароком попавшего в кувшин. - Эта гнусная тварь загрызла конюха... Ты только подумай, ванир, мы относились к ней как к дочери, а она... - Новая мысль возникла в затуманенном мозгу Синфьотли и повергла его в ужас и ярость. И ведь она могла убить мою дочь!

- Почему же ты не расправился с ней прямо на месте преступления? осторожно поинтересовался Арванд.

Синфьотли скривился, и рот у него дернулся.

- Марать руки о рабыню, - пробормотал он. - Я и так уже достаточно опозорен.

- Так я и думал, - вздохнул Арванд. Синфьотли нравился ему все больше и больше.

Асир схватил его за ворот и прошипел прямо ему в лицо:

- А она вырвалась, эта гадина! Заела часового и сбежала! Сколько же в ней силы? Как мне победить ее? Если бы со мной был мой брат... Он умный, он сильный. Он не позволил бы всякой нечисти позорить меня, мой дом, мою дочь!

Синфьотли уронил голову на стол. Откинувшись к стене, Арванд в задумчивости уставился на входную дверь. Он не сомневался, что Сигмунд действительно показался своему брату, явно заманивая его.

Арванд закрыл глаза. И снова перед его внутренним взором возникла картина, которую он - в этом ванир был уверен - не забудет до конца своей жизни, даже если ему суждено прожить сотню лет: рыжий зверь несется по ромашковому лугу, и отец на горячем скакуне настигает лисицу и поднимает остро заточенный кол...

Сверчок Арнульф, пошатываясь, возвращался домой - в комнатку, кишащую клопами, которую снимал у бывшей проститутки, ныне удалившейся на покой. Настроение у Сверчка было скверное: девка, подцепившая его на улице и сулившая чуть ли не райское блаженство, оказалась тупой и скучной, вино у нее было разбавленное, харчи и того хуже...

Впереди него по улице шел человек. Странно знакомый человек, даже со спины, даже в ночной темноте, слабо рассеиваемой фонарями, горевшими у входа в некоторые дома. Рядом с этим знакомо-незнакомым бежала крупная светлая собака с острыми ушами.

Сверчок ощутил прилив любопытства. Дурное настроение как рукой сняло. Ой ускорил шаги. Шедший впереди человек услышал, что кто-то догоняет его, и остановился. Луна вышла из-за туч и осветила его лицо. Сверчок разглядел копну светлых волос и хищный нос, которые

могли принадлежать в Халога только одному человеку - Синфьотли. Для сплетника это была настоящая удача - встретить того, о ком сегодня судачит весь город, и хорошенько расспросить его. Даже в том случае, если Синфьотли откажется разговаривать и не ответит ни на один вопрос, кое-какие выводы можно будет сделать при любых обстоятельствах, по реакции собеседника, по выражению его лица.

- А, это ты, Арнульф, - сказал он.

- Я. Добрый вечер, Синфьотли, - вежливо заговорил Сверчок и рыгнул. Прости, я выпил сегодня, и, похоже, мне подсунули какую-то дрянь.

- А когда тебе попадалось что-нибудь хорошее, собиратель падали? прозвучало из темноты.

Арнульф невольно отступил на пару шагов.

- Ты напрасно так грубо со мной разговариваешь, - произнес он укоризненно. - Я, конечно, понимаю, что ты очень расстроен. Еще бы, такой скандал на весь город, да еще как подумаешь, что опасность грозила всем твоим близким...

Луна снова скрылась за облаками, но большая светлая тень - собака была все же хорошо, видна. Она уселась возле ноги своего спутника и прижалась к нему боком. Он ласково потрепал ее по загривку.

- Да, - продолжал Сверчок. - Верно говорят, беда не ходит одна. Сперва погиб твой брат, потом ты потерял его тело, а теперь еще эта чертова кухарка... И ведь какая силища: вырвала столб из земли и удрала вместе с цепями... А на вид казалась такой хлипкой!

Сверчок замолчал, внезапно сообразив, что уже довольно долго разливается соловьем, а его собеседник, которого он, Арнульф, пытается спровоцировать на какую-нибудь резкую выходку, чтобы было потом о чем рассказать, молчит себе и молчит, да еще, кажется, и усмехается в придачу. Вдруг необъяснимый страх охватил сплетника.

- Ну, я пошел, - пробормотал он, но не сдвинулся с места.

Голос в темноте тихонько засмеялся. Тучи на миг разошлись, и Арнульф увидел, что на него смотрят две пары горящих красных глаз, одинаковых у человека и собаки... большой собаки с золотистым мехом, похожей на волка.

- Синфьотли? - прошептал Арнульф.

Высокий стройный человек тряхнул светлыми волосами, и его красные глаза заискрились неподдельной радостью. Собака встала.

- Похоже, ты слишком много всего разнюхал, Арнульф, - сказал человек. - По силам ли тебе бремя твоего знания?

- Не надо! - сипло выкрикнул Арнульф. От страха у него задрожали колени. Арнульф никогда не был трусом, если дело касалось сражения, но здесь он столкнулся с чем-то куда более жутким, чем самая жестокая битва, и не мог совладать с собой.

- Какие они жалкие, эти люди, - высокомерно произнес человек, обращаясь к своей собаке.

Он сделал шаг вперед. Арнульф вздрогнул и упал на колени.

- Не убивай меня, Сигмунд, - простонал он. - Я должен был узнать тебя сразу, сын Младшего Бога. Клянусь, я никому не...

Сигмунд уперся кулаками в бедра, откинул голову назад и громко расхохотался.

14

Хильда открыла глаза. Она лежала в кровати, закутанная в теплые шерстяные одеяла. Под голову ей подложили свернутый плащ. Возле кровати стояла кружка с водой - видимо, ее оставили специально на тот случай, если девушка захочет пить.

Хильда потянулась к кружке, но от слабости едва смогла поднять руку. Она шевельнула пересохшими губами, желая позвать на помощь, но тут же испуганно затихла. Она вспомнила: ее хотели казнить сегодня утром (а может быть, неделю назад?). И еще вспомнила, как стояла на

площади, прикованная к столбу, а часовой жег костер и бранил ее за то, что она плачет... А что же случилось после? Почему она здесь? И где это - "здесь"?

Откуда-то - она не поняла откуда - появился человек, которого она смутно могла вспомнить. С ним не было связано ничего страшного. Он тоже был каким-то образом связан с казнью, площадью, но она его не боялась.

Он наклонился над ней, поправил одеяло, дал воды.

- Хильда, - сказал он.

Да, это ее имя. Он знает ее. Кто он такой?

- Сейчас ты находишься в комнате свиданий в кабаке под названием "Бурый Бык", - сказал он. - Ты ведь об этом хотела меня спросить?

Она прикрыла глаза, дав ему понять, что он не ошибся.

- Лежи тихо, как мышка, - продолжал Арванд. - Если жар усилится и ты начнешь бредить, тебе завяжут рот. Но ничего не бойся. Тебя хотели убить сегодня утром.

- Да, - отозвалась Хильда одним выдохом..

- Ты помнишь, за что тебя хотели убить?

- Я ведь не оборотень, господин, - шепнула Хильда.

- Я знаю, - ответил Арванд. Он осторожно погладил ее по волосам. От него пахло вином и дымом от коптящих факелов.

Эта девочка, похожая на сестренку Арванда, на его Дису, которую загрызла лисица, свалилась на голову ванира так неожиданно, что он до сих пор не оправился. Чтобы избавить себя от новой напасти хотя бы на время, Арванд изрядно напился.

В тот вечер он принес ее в дом сестер, чем вызвал неудовольствие обеих. Но не мог же он притащить пленницу прямо в гладиаторскую казарму! Амалафрида хотела было решительно воспротивиться и даже грозилась выдать заговорщиков, но Конан, пребывавший в благодушном настроении, обещал разделить свое внимание пополам между обеими сестрами, и Фрида сменила гнев на милость.

Однако даже если настоящего оборотня схватят, Хильда не может оставаться в трактире вечно. Начиная с того, что Синфьотли мог потребовать свою собственность обратно, и заканчивая тем, что "Бык" - не вполне подходящее место для девушки. А Синфьотли не простит Хильде своей ошибки и в самом лучшем случае постарается поскорее сплавить ее куда-нибудь подальше, чтобы не мозолила ему глаза. Ладно, об этом Арванд подумает в другой раз. Есть более неотложные дела. И главное, чтобы беглянку не нашли до того, как Сигмунд и его дочь будут уничтожены.

Дочь Сигмунда, Соль. Еще одна тема, которую Арванд старательно обходил стороной. Да и Конана начинало трясти, как только разговор заходил об этом.

Впрочем, варвар-то как раз от души забавлялся. Стоило только поглядеть, как он прошествовал следом за Арвандом через пивной зал, минуя многочисленных завсегдатаев "Бурого Быка" и горделиво не отвечая на их любопытствующие взгляды. На могучих плечах киммерийца лежал продолговатый предмет, завернутый в плащ. По поводу этой ноши высказывались различные догадки. Самые недальновидные утверждали, что Арванд приобрел ковер для того, чтобы украсить гладиаторскую казарму. Предполагали также, что гладиаторам кто-то хорошо заплатил за убийство и они прихватили с собой вещественное доказательство того, что поручение выполнено. Из опасения, как бы ценный труп не пропал, бедняги не решаются расстаться с ним, даже отправляясь в комнату свиданий. Наиболее романтичные души предпочитали видеть в таинственной поклаже Конана похищенную красотку, которую этот висельник, вероятно, рассчитывает выгодно продать. Надо заметить, что, как это часто бывает, романтики ближе прочих подобрались к этой капризной особе - Истине.

Так или иначе, но когда ванир и киммериец начали подниматься по скрипучей лесенке на второй этаж, их провожала не одна пара любопытствующих глаз. Конан наслаждался всеобщим интересом, который возбуждал у окружающих, однако Арванда это не на шутку встревожило. Мысленно он уже проклинал судьбу, которая подсунула ему в помощники великолепного варвара. Да, в тех делах, где требуется применение грубой физической силы, киммериец незаменим, но... больно уж заметен.

Амалазунта не ждала их - она мирно спала в своей огромной кровати. Конан постоял немного, с интересом разглядывая эту крупную белотелую женщину, богатырски разметавшуюся во сне. Потом Осторожно снял с плеч свою ношу и развернул плащ. Почти в то же мгновение он встретился взглядом с насмерть перепуганной Хильдой. Девушка не понимала, что с ней происходит и почему, и давно уже отчаялась что-либо понять. Она просто покорялась неизбежному, заранее готовая принять любую муку и несправедливость, какую только уготовила ей судьба. Желая немного приободрить жалкое существо, безвольно повисшее у него в руках, Конан приветливо ухмыльнулся. Варвар был довольно симпатичным молодым парнем, но его холодные глаза пугали Хильду, а ухмылка показалась девушке злобной.

Арванд подсел к Амалазунте на постель и провел ладонью по ее щеке.

- Эй, Черничное Пятнышко... Детка, проснись.

Амалазунта гулко вздохнула и пошевелилась.

- Конан... ты вернулся, - пролепетала она.

- Это я, Арванд.

Трактирщица распахнула глаза.

- Когда я избавлюсь от тебя, подручный бандитов? Ты мне совсем не нужен. Верни мне моего варвара.

- Я здесь, - пробурчал Конан, который как раз освобождал пленницу от цепей, используя в качестве отмычки большой столовый нож.

Увидев в руках киммерийца девушку, Амалазунта подскочила.

- Немедленно вышвырни отсюда эту нахалку!

- Ну вот еще, - отозвался Конан, ковыряя тем же ножом в зубах. - Не для того я столько таскал ее на себе, чтобы выбросить за здорово живешь.

- Арванд скажи ему! - Амалазунта едва не расплакалась. - Ты же у них там начальник!..

- Изюмчик, нужна твоя помощь, - мягко сказал Арванд. - Видишь ли... гм... эта девочка - Хильда, та самая служанка из дома Синфьотли...

- Я знаю Хильду, - оборвала его Амалазунта и, привстав, заглянула девушке в лицо. - Да, это она. Боги милосердные, зачем же вы приволокли ее сюда?

- Мы украли ее, - сообщил Конан с плохо скрытой гордостью за содеянное. - Вместе со столбом пыток. Ведь она ни в чем не виновата, верно?

- И все это, разумеется, затея Арванда? - спросила Амалазунта.

- Да, - сказал Арванд. - Моя. И ты приютишь ее у себя, Черника, пока она не поправится.

- За кого вы меня принимаете? - возмутилась Амалазунта. - Зачем мне в постели женщина, да еще хворая? Вы украли чужую рабыню, осужденную на смерть за колдовство, а теперь хотите, чтобы я вам в этом помогала?

- Тебе не придется сожалеть об этом.

- Ну да, когда нас обеих побьют камнями: ее за колдовство, а меня за укрывательство.

- Обещаю, что до этого дело не дойдет, - сказал Арванд. - А если тебя прикуют к большой скале, Конан украдет тебя вместе со скалой. Верно я говорю, киммериец?

Конан широко улыбнулся и хмыкнул.

- Это мне ничего не стоит.

- Так что, детка, можешь не беспокоиться, - заключил Арванд и снова повернулся к киммерийцу. - Конан, будь так добр, уничтожь улики.

- Кого уничтожить? - оживился варвар.

- Те предметы, которые могли бы как-то нас выдать.

- А, - протянул Конан, сгреб цепи, снятые с Хильды, в горсть, сунул под мышку позорный столб и через запасную дверь вышел к черному ходу во двор.

Хильда, оставленная Конаном на полу, лежала неподвижно. Арванд поднял ее, уложил на кровать и принялся раздевать умело и бережно, выказывая при том изрядную сноровку. Амалазунта смотрела на движения его рук и вспоминала, как однажды Арванд точно так же снимал одежды с нее самой, пьяной и беспомощной. При этом воспоминании она мечтательно улыбнулась. Уловив ее взгляд, ванир поднял глаза и улыбнулся в ответ.

- Что скажешь, маленькая Амалазунта?

- Какая она... жалкая, - тихо сказала трактирщица, кивнув на притихшую Хильду. - Как зверек. Как голодный зверек в ловушке. - Она пристальнее всмотрелась в остренькое личико Хильды и заявила: - А знаешь, ванир, если ее откормить как следует, то, может быть, из нее еще и получится женщина.

- Лучше приготовь горячего молока, - сердито сказал Арванд, кутая Хильду в одеяло. - У нас с Конаном есть еще одно важное дело. Мы должны как следует напиться в эту ночь, чтобы твоим гостям, там, внизу, запомнилось, что два гладиатора нынче неплохо повеселились. Так, на всякий случай.

Амалазунта кивнула.

- Ладно, выхожу я тебе этого заморыша. Но денег на ней ты не заработаешь.

- Знаю. - Арванд потрогал лоб Хильды и покачал головой.

В комнате снова появился Конан и уставился на Арванда вопросительно. Ему хотелось остаться с Амалазунтой наедине (поскольку впавшая в забытье Хильда вряд ли могла помешать ему). Но ванир только спросил:

- Куда ты дел столб?

- Порубил на дрова.

- А цепи?

- Выбросил в отхожее место. Если сюда и нагрянут ищейки, вряд ли они станут копаться в дерьме.

- Молодец, - одобрил Арванд. - Идем, предстоит еще напиться до состояния полутрупов. Это стратегически важный момент.

Конан сморщил нос, недовольный, но Арванд продолжал настаивать:

- К тому же твоей даме будет сейчас не до тебя, киммериец. Она сейчас пойдет согревать молоко и будет поить бедную девочку, чтобы та хоть немного подкрепилась.

Последние слова он произнес с ударением. Амалазунта, поняв несложный намек, принялась одеваться. Конан жадно смотрел на ее колыхавшуюся грудь, а потом вдруг откинул одеяло, укрывавшее Хильду. Широкой ладонью он осторожно прикоснулся к маленьким грудям служанки. Она вздрогнула. Но Конан только хмыкнул и снова закутал ее в одеяло.

От возмущения Амалазунта запыхтела, в то время как Арванд давился хохота.

- Зачем ты сделал это? - наконец спросила трактирщица. - Для чего это тебе было лапать этого бледного лягушонка? Тебе что, меня уже мало?

Она угрожающе надвинулась на Конана, но варвар только улыбнулся, сразу обезоружив ее.

- Да нет, что ты, Амалазунта. Просто хотел проверить, действительно ли у всех женщин такая мягкая грудь, вот и все.

Арванд рассмеялся и хлопнул его по плечу.

- У тебя впереди целая жизнь, киммериец. Ты еще успеешь это выяснить.

Ведьма ушла от возмездия. Ведьма может вернуться в дом, где ее разоблачили, чтобы сквитаться со своими недругами. Она бродит где-то поблизости и уже почти не таится. Утром возле дома высокородной Сунильд снова видели следы крупного волка. Мысль об этом жгла Синфьотли, не давала ему покоя. Почти каждую ночь ему снился один и тот же сон: будто он бредет по снегу, сквозь пургу, и почти ничего не видит вокруг, кроме тени, которая словно притягивает его к себе. Шаг за шагом он с трудом пробивается навстречу этой тени. И вот уже он различает в метели улыбающееся лицо своего погибшего брата. Сигмунд. Это Сигмунд. Он зовет его, манит, простирает к нему руки, и Синфьотли, захлебываясь, спешит к нему, но мучительно медленным оказывается в этом сне любое движение. И Синфьотли хочет окликнуть брата, но горло сжимает судорога. И тогда встает, оживая, огромный белый сугроб, превращаясь в крупную молодую волчицу, а Сигмунд исчезает за снежной пеленой.

Проснувшись от собственного крика, Синфьотли провел рукой по лицу и сел в кровати. Сон казался ему настолько ярким и реальным, что он почти поверил, будто приснившееся случилось с ним наяву.

Синфьотли тряхнул головой, отгоняя наваждение, и сразу же нахмурился: сон, конечно, был всего лишь сном, но ведьма действительно жива и на свободе, а покуда это так, ему не знать покоя.

Синфьотли обулся, накинул на плечи меховую куртку и встал, собираясь поискать не появились ли возле дома свежие следы, которые, быть может, помогут ему выследить злодейку. Он уже приметил, что волчьи лапы частенько оставляли отпечатки неподалеку от конюшни. Ночью снегопада не было, и он надеялся отыскать побольше нового.

Уже почти рассвело. На горизонте засветилась лиловая полоса зимнего северного рассвета. Синфьотли прошелся по скрипучему снегу и остановился у двери в конюшню. Она была заперта на засов, как он и оставил ее накануне, и ничего подозрительного возле нее Синфьотли тоже не обнаружил. Однако же он снял засов и раскрыл настежь обе створки двери. Подождав, пока глаза освоятся с темнотой, он принялся оглядываться по сторонам. Нет, ничего нового. Хотя... У стены, возле самого входа, Синфьотли заметил какой-то темный предмет. Он нагнулся и подобрал находку. Это была женская шаль, темная, простенькая, без бахромы. Рассеянно он принялся теребить ее углы, пока вдруг не нащупал завязанный в одном из уголков небольшой твердый предмет. Шаль настолько заинтересовала Синфьотли, что он почти тут же отправился показать ее своей матери, желая обсудить увиденное. Он был уверен, что Сунильд уже поднялась с постели.

Синфьотли застал хозяйку дома на кухне, где она выпекала хлеб вместо Хильды.

- Мать, - окликнул ее Синфьотли.

Она выпрямилась, встретилась с ним глазами. На Сунильд было ее обычное светлое платье, отороченное мехами, и, несмотря на то что она работала у печи, ни одного пятнышка не было заметно на чистом полотне. Только руки, белые от муки, выдавали, чем была занята в то утро госпожа Сунильд. Без улыбки смотрела она на сына и молчала.

- Хорошо прошла ночь, мать? - спросил Синфьотли.

- Нет, - ответила она.

- Страшные сны, не так ли?

В ее глазах появился холодный гнев.

- Не страшные. Приятные. Мне снился мой сын. Другой сын. Тот, которого ты не уберег, Синфьотли.

С безмолвным проклятьем Синфьотли стиснул кулаки.

- Когда ты говоришь так, мать, я начинаю жалеть о том, что не погиб вместе с ним. Это

избавило бы меня от твоих упреков.

- Да, - в упор произнесла Сунильд.

Они помолчали немного, а потом Синфьотли неожиданно спросил:

- Я никогда прежде об этом не думал, но скажи мне, мать, кто из нас первым появился на свет, Сигмунд или я?

- Сейчас это уже не имеет значения, - ответила Сунильд. - Но я могу тебе ответить. Ты появился раньше. Ты старший, Синфьотли.

Он вздохнул. Сейчас это действительно уже не имело значения, поскольку он был единственным. Сунильд смотрела на него долгим, отстраненным взором, будто издалека. Наконец она вновь заговорила:

- Ты что-то хотел от меня, Синфьотли, не так ли?

Да. - Он поднял руку, в которой держал шаль, найденную в конюшне. Тебе случайно не знаком этот платок?

- Конечно. Это та шаль, которую я подарила Хильде.

Синфьотли вздрогнул.

- Ты хочешь сказать, что эта вещь принадлежала Хильде?

Губы его искривились выговаривая ненавистное имя.

Сунильд кивнула и добавила:

- Я не могу поверить в то, что говорят об этой девочке.

- Напрасно, - мрачно заявил Синфьотли. - Ты бы слышала, мать, как она верещала, видела бы, как изгибалась дугой, извивалась ужом, когда я схватил ее, как скалила свои острые зубки!

- Хильда сама до смерти боялась черных сил. Не могу поверить, что она им служит, - повторила Сунильд. - И ведь именно она прибежала ко мне с кувшином скисшего молока и уверяла, будто в доме неладно.

Синфьотли заскрежетал зубами.

- И коварная к тому же!.. И хитрая!.. Ей бы не волчицей, ей бы лаской шмыгать...

Он снова принялся теребить шаль и снова нащупал узелок, о котором было позабыл. Пальцы сами собой потянулись распутывать его... и вдруг замерли.

- Что это? - прошептал Синфьотли, поднося к глазам костяную черепашку, брошь, его собственный подарок дочери. - Ведь это... эта вещица принадлежит Соль...

Сунильд побелела как полотно. Она ни мгновения не верила в виновность Хильды, потому что в старой женщине жило страшное подозрение, которое она гнала из мыслей как могла. Брошка принадлежала Соль. Хильда нашла эту игрушку в конюшне в ту ночь, когда волки загрызли конюха Кая. И тяжелый звериный дух в комнате внучки, ее беспричинные рыдания, ночная прогулка, из которой Соль вернулась в окровавленной рубахе... Боги, что за страшные силы овладели этим невинным созданием?

Но Синфьотли истолковал смысл находки по-своему.

- Эта тварь выслеживала мою девочку, - процедил он сквозь зубы. - Она нарочно украла черепашку, чтобы волк мог запомнить ее запах...

Не договорив, он бросился в комнату дочери. Если волчица выслеживает именно ее, маленькую Соль, то Синфьотли больше ни на шаг не отойдет от девушки. Пусть Хильда бережется, думал он, взбегая по лестнице, в следующий раз, когда он схватит ее, он больше не станет остерегаться марать руки.

Соль сидела у окна. Розовый утренний свет струился в комнату, наполняя ее покоем. Синфьотли ворвался так неожиданно, что девушка не успела спрятать кинжал Сигмунда, который держала в руке, задумчиво водя пальцами по красочному камню в рукояти. Только сейчас Синфьотли вдруг вспомнил, что кинжал этот пропал вместе с телом погибшего брата, и

уставился на него в изумлении. И как это оружие оказалось в комнате Соль?

Девушка подняла голову и улыбнулась. В ее глазах вспыхнули красные огни зрачков. Она разжала пальцы, и кинжал со стуком упал на деревянный пол. Синфьотли попятился. Его вдруг охватил безотчетный страх, и он не сразу сумел совладать с собой.

- Дочка, - прошептал он, - девочка...

Она смотрела на него в упор своими ужасными пылающими глазами и улыбалась.

"Отец, - взвывала Соль, сидя у окна и глядя невидящим взором в черное ночное небо, - отец мой, волк, одиноко бродящий среди равнин, ты слышишь меня?"

Большой дом уже спал. Пусто стало в этом доме, где некогда бурлила жизнь, вымерли его просторные комнаты, и ночь заполнила пустоту тенями и шорохами.

Откуда-то издалека, с белых холмов, донесся ответ Сигмунда:

"Я слышу тебя, Соль".

"Отец, они знают все".

"Кто? - тревожно спросил Сигмунд, затерянный вдали от Халога и все-таки очень близкий. - Кто знает? Кому ты открылась, неразумное дитя?"

"Сунильд и Синфьотли. Они догадались. Бабушка, видно, следила за мной, а Синфьотли просто все понял. Он взглянул на меня и вдруг испугался... Я без труда услышала его мысли, они были полны бесформенного ужаса..."

"Они еще живы?" - уловила она вопрос Сигмунда и тут же ответила:

"Да. Я не смогла пролить свою кровь. Ведь Синфьотли твой брат, о господин мой, а Сунильд родила на свет вас обоих..."

"Ты хорошо поступила, не тронув их, Соль. Пусть они живут. Я приду. Они не повредят нам".

Девушка всхлипнула, губы ее задрожали..

"Отец, отец, мне одиноко без тебя. Приходи в этот дом, живи со мной, повелевай людьми. Пусть здесь все будет, как было прежде".

Сигмунд долго молчал, а потом Соль вновь услышала его твердый голос, и, как и прежде, перед ней появился образ Того-Кто-Сильнее. Девушка тихонько взвизгнула, совсем по-собачьи.

"Соль, - обратился к ней отец, - неужели ты не поняла до сих пор, бедная моя дочь, что никогда уже не будет так, как было прежде?"

"Но почему же? Разве не было всегда нашей с тобой тайны? С того часа, как я появилась на свет и ты признал во мне свое дитя, а я увидела в тебе того, кто дал мне жизнь, всегда мы были вдвоем против всех".

"Теперь я мертв, - ответил Сигмунд, - а ты больше чем наполовину превратилась в дикого зверя. И... я люблю тебя, прекрасная волчица с золотистым мехом".

Она вскочила, завертелась возле окна. Ей неудержимо хотелось выскочить в ночь, помчаться навстречу этому сильному зову, увидеть, как выходит из снегов белый волк с внимательными человеческими глазами. Но она знала, что ей нельзя теперь надолго покидать дом. Сунильд и Синфьотли должны испытывать постоянный ужас перед ее могуществом, иначе они придут в себя и соберутся с силами, чтобы начать настоящую охоту на оборотней.

Она навалилась на окно всем телом и послала в ночь отчаянный призыв.

"О Сигмунд, приди в этот дом. Я подготовлю все для того, чтобы встретить тебя. Ты ни в чем не будешь знать отказа..."

"Круг сужается, - сказал Сигмунд. - Я приду в город к людям, потому что здесь нужно убить".

"Я убью для тебя, скажи только - кого".

"Того мальчишку-киммерийца. Мы одолеем его вместе".

"Чем этот жалкий человек навлек на себя твою ненависть?"

"Он знает, кто мы такие, и не боится нас".

"Что с того? Синфьотли теперь тоже знает".

"Синфьотли - мой брат, и он испуган. Киммерийца ты не сможешь держать в постоянном страхе. Он не боится тебя. Он не боится меня. Он сам дикарь и чудовище, Соль. И я должен хорошо подумать над тем, как мне уничтожить его".

"Клянусь, отец, я буду рядом и помогу тебе. Только возвращайся в свой дом, Сигмунд. Скорей возвращайся ко мне".

15

Всю ночь два волка бродили возле гладиаторской казармы, выискивая, нет ли в ограде щели, не обвалилась ли где-нибудь стена так, чтобы по ней можно было взобраться. Тяжелый запах человечьего жилья дразнил их, щекотал чуткие ноздри, заставлял задирать верхнюю губу, обнажая желтоватые клыки в беззвучном оскале. Лишь на рассвете ушли они восвояси, и Гунастр, заметив их следы у ворот казармы, встревожился не на шутку.

Первый, кого он увидел в это утро, был мальчишка-киммериец, Конан. Нехотя Гунастр вынужден был признать, что Арванд оказался прав: несколько блестящих побед над товарищами по казарме, пусть даже в тренировочных поединках, посещение одного из веселых заведений с доступными женщинами и киммериец перестал диким зверем биться о прутья решетки. Наоборот, он начал тренироваться с удвоенным рвением, стараясь наверстать упущенное за те дни, когда он метался по своей камере в бессильной ярости. Он еще принесет Гунастру немалую прибыль.

Заметив Гунастра, Конан и не подумал прекратить тренировку. Он нарочно удвоил усилия, демонстрируя силу и ловкость ударов новому зрителю, и под конец лихо "снес голову" своему противнику, увертливому Каро.

- Молодцы, - сказал Гунастр, - деритесь так же на арене, и тогда я скажу вам, что не зря терял с вами время.

- Спасибо, - кисло улыбнулся "обезглавленный" Каро. - Мне еще повезло, что меч у него сегодня был не медный, а деревянный.

- Где Арванд? - спросил старый наемник.

- Здесь я, - донесся откуда-то сверху голос Арванда, и спустя несколько минут вездесущий ванир уже стоял во дворе.

Гунастр смерил его взглядом и поджал губы.

- В последнее время ты не слишком много времени уделял своей работе, а?

Арванд улыбнулся.

- Напротив, господин. Мне кажется, в деле приручения киммерийского дикаря я добился совсем не плохих результатов. Ты еще заработаешь на нем кучу золота.

- Он принадлежит Синфьотли, если ты не забыл о такой мелочи. Так что все его победы, если они, конечно, будут, принесут выгоду не столько нам, сколько его хозяину.

Гунастр прекрасно знал, что несправедлив: в подобных случаях владельцу казармы всегда доставалась неплохая доля, но его выводило из себя слишком уж наглое и независимое поведение Арванда. Ванир всегда был себе на уме, и, хотя Гунастр вполне доверял ему, в его отношении к помощнику продолжала оставаться известная доля настороженности. Вот и сейчас Арванд смотрел на него, словно отгородившись стеной, и улыбался так, точно знал нечто, о чем и Гунастру неплохо бы припомнить. Старику захотелось ударить его по лицу, втоптать в грязь и бить до тех пор, пока наглец не перестанет ухмыляться. Вместо этого Гунастр только перевел дыхание и сердито проговорил:

- Следи получше за тем, чтобы ворота были заперты как следует, особенно на ночь. Часовых вооружить получше и не оставлять с наружной стороны, даже если начнется бунт. Может быть,

разумнее всего было бы поставить на стену лучников...

- Что-нибудь случилось? - Теперь улыбка исчезла с лица Арванда, и он выглядел не на шутку озабоченным.

- Ничего особенного пока не случилось. Идем со мной, я тебе кое-что покажу.

Арванд кивнул и жестом подозвал к себе Хуннара, передавая ему свой обитый железном шест.

- Последи пока за тренировками. Если киммериец слишком увлечется и начнет кого-нибудь калечить, бей в солнечное сплетение. Он парень крепкий...

Принимая шест, Хуннар криво улыбнулся.

- Благодарю за сомнительную честь. Значит, в случае чего мне надлежит остановить киммерийца? Проще оторвать медведя от его нареченной во время случки, чем этого дикаря от человека, которого он взялся убивать.

- Еще одна не в меру болтливая свинья, - сказал Гунастр и бросил на Хуннара угрожающий взгляд.

Хуннар попятился, но хозяин уже отвернулся от него.

Конан стоял в ожидании нового противника, но краем глаза постоянно следил за Гунастром. Старый рубака выглядел раздраженным и встревоженным. Интересно, что могло случиться? Уж не связано ли это каким-то образом с ночным похищением осужденной? Если старик что-то пронюхал... Вспомнив, как славно он потешился той ночью, уволакивая пленницу вместе со столбом пыток, киммериец ухмыльнулся.

Гунастр вышел за ворота. Следом за ним покинул двор и его помощник. Волчьи следы на снегу вокруг стен казармы все еще отчетливо были видны, и Гунастр подвел к ним Арванда. Ванир наклонился, тронул след рукой, и ему показалось, будто он чувствует, как прикасается к чьей-то холодной и жестокой воле. Арванд понимал, конечно, что это всего лишь плод его воображения, но избавиться от навязчивого ощущения не мог.

- Их двое, - сказал Гунастр, внимательно рассматривавший следы. Двое. Великий Митра, только этого нам и не хватало.

- А ты больше не думаешь, что этого зверя послал Игг нам во благо? спросил его Арванд.

- Даже старики больше так не думают, - ответил Гунастр. - Ну, одного-то из этих зверюг мы знаем в лицо. Вернее, одну. Ей теперь не уйти, всякий опознает.

Арванд выпрямился, серьезно посмотрел на мрачное, суровое лицо хозяина.

- Это не Хильда, - сказал ванир.

Гунастр подскочил от удивления.

- Что значит "не Хильда"? Ее поймали прямо на месте преступления, разве ты не слышал? Весь рот у нее был в крови, сама босая на снегу... А разве не говорили, что человеческие следы, которые находили возле волчьих, были маленькими, как у женщины?

- Второй оборотень действительно женщина, - согласился Арванд, - но только несчастная кухарка тут ни при чем.

- Ни при чем? Но если она действительно невиновна, то почему же оборотень пришел ей на помощь? Зачем он спас ее от расправы?

- Ее спас не оборотень, - после короткой паузы сказал Арванд.

Нехорошее предчувствие закралось в душу Гунастра, и старик слегка отодвинулся.

- Тебе что-то известно об этом?

Арванд кивнул и улыбнулся, заранее зная, что старика это выведет из себя. И он не ошибся: широкое лицо Гунастра залилось багровой краской, он в раздражении топнул ногой и рявкнул:

- Слушай, ты, животное! Не смей нагло ухмыляться! Сколько раз я говорил тебе это?

- Много, - согласился Арванд, улыбаясь еще шире.

- Если хочешь что-то сказать, говори, только прекрати скалить зубы. Кто же, по-твоему, освободил ведьму, если не оборотень?

- Я, - заявил Арванд вполне серьезно.

Гунастр поперхнулся.

- Что ты сказал?

- Это я освободил Хильду той ночью, чтобы ее не побили камнями вместо настоящей виновницы.

Отдышавшись, Гунастр испытующе посмотрел на своего собеседника, однако Арванд и не думал шутить.

- Бедная Хильда никогда не зналась ни с какой магией, - спокойно продолжал Арванд. - Все, что с ней случилось, - это цепь недоразумений, вызванных подозрительностью и всеобщим страхом перед вервольфом.

- Как ты посмел! - вымолвил наконец Гунастр. - Ведь Совет Старейшин приговорил ее.

- Совет Старейшин ошибается не в первый раз. И я уверен в том, что Хильда - обыкновенный человек, никакая не ведьма. К тому же она больна.

- Пусть даже и так, - пробурчал Гунастр, который чувствовал, что ванир отдает себе полный отчет в своих поступках. - Все равно ты не имел никакого права подвергать опасности себя, нашу казарму, мою репутацию... Из-за какой-то рабыни...

- А сам я кто? - напомнил Арванд.

- Мой друг и помощник, - отрезал содержатель казармы. - Не смей больше говорить об этом.

- Хорошо, господин.

С минуту Гунастр испепеляющим взором смотрел на ванира, но тот сохранял полную невозмутимость, и старик снова сдался.

- Сколько тебя помню, ты всегда был упрям как осел. Ладно, предположим, ты прав и эта Хильда - действительно всего лишь хворое дитя. Но чтобы утверждать такое, нужно знать наверняка, _к_т_о_ же тогда настоящая ведьма? А уж это-то тебе как раз и неизвестно.

Арванд немного помолчал.

- Нет, - сказал он минуту спустя. - Я в самом деле знаю, кто в нашем городе принимает волчье обличье и убивает людей. - Он еще раз потрогал следы, а потом разровнял снег сапогом. - Вот поэтому-то они на меня и охотятся.

В окне стояла ночь. Синфьотли сидел один в огромном пустом зале своего дома. Тусклый свет одинокого факела еле-еле рассеивал тьму. Город затаился, утонул в глубоких сугробах. В эту глухую ночь никто не откроет дверь на стук заплутавшего путника. В эту ночь домашние побоятся впустить в дом мужчину, припозднившегося с охоты, и дети не откроют матери, если та возвращается в темноте, - вдруг это не близкий человек, вдруг это не странник, а оборотень-людоед с сидящей у него на спине ведьмой?

Весь город прислушивался в страхе, зная, что Зло бесшумно крадется по заснеженным пустынным улицам. Запах зла сочился сквозь плотно закрытые ставни, пробирался в щели, и ужасом пахло в Халога.

Сунильд заперлась у себя. Синфьотли потягивал вино в одиночестве. Быть может, он один во всем городе не испытывал сейчас чувства страха. Его снедала досада. Он досадовал на стражника, который позволил себя убить и похитить колдунью, - ворон на посту ловил, не иначе! Но самую жгучую ненависть испытывал Синфьотли к самому себе. Держать эту маленькую лицемерную дрянь в руках и не сломать ей шею! И все потому, что он из каких-то идиотских соображений благородства не захотел этого делать, предпочитая предоставить казнь палачу. Нет, в следующий раз он забудет о чести, забудет обо всем, кроме одного: ведьма должна быть уничтожена. Больше никаких колебаний не будет.

Синфьотли сжал кулак и с силой ударил по столу.

- Брат, - с тоской проговорил он в гулкую пустоту зала, - о Сигмунд, как мне недостает тебя!

Ему показалось, что кто-то смотрит на него в окно. Синфьотли обернулся, но ничего не заметил.

- Я слишком много выпил сегодня, - пробормотал он. - Интересно, еще осталось?

Он поболтал в воздухе кувшином и услышал плеск жидкости. Тогда, раскрыв рот пошире, Синфьотли влил в себя остатки вина и, крякнув, обтер подбородок.

И снова он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. На этот раз в окне мелькнули две красные светящиеся точки. Синфьотли ощутил, как ужас охватывает его, леденит душу. Ничего подобного этот бесстрашный воин до сих пор не испытывал. Он попробовал встать и понял, что ноги его не держат.

Тихо скрипнула дверь, и Синфьотли снова замер. Больше никаких звуков до него не доносилось, но теперь Синфьотли каждой клеточкой своего напрягшегося тела ощущал в доме чье-то постороннее присутствие. _О_н_о было здесь. _О_н_о_ стояло, притаившись в темноте, и с холодным и пристальным вниманием изучало человека, освещенного неверным светом коптящего факела.

Так прошло несколько бесконечно долгих минут. Наконец Синфьотли усилием воли сбросил с себя оцепенение, протянул руку, схватил факел и метнул его по направлению к двери. На секунду пламя осветило черный силуэт очень стройного человека, стоящего у порога в спокойной позе, а потом, зашипев, погасло. Зал погрузился в полную темноту. И из этого абсолютного мрака донесся смешок. Затем в воздухе просвистел кинжал и впился в притолоку над головой Синфьотли. Алый камень, украшающий рукоять кинжала, вспыхнул ярче десятка факелов, заливая огромный пиршественный зал беспокойным багровым светом.

Синфьотли ощутил дыхание ледяного холода, словно на него повеяло ветром с заснеженных горных вершин. Черный силуэт в дверях пошевелился, сделал шаг вперед. Синфьотли сжался, как пружина, и коснулся рукой кинжала, пылающего в притолоке. Пусть колдовское, пусть чужое, но все-таки это было оружие. Асир не позволит черной ночной тени растерзать его, точно беззащитного ягненка. Но едва пальцы человека притронулись к рукоятке, как их обожгло нестерпимым холодом, и Синфьотли с проклятием - отдернул руку. И снова прозвучал легкий смешок таинственного гостя. Синфьотли вздрогнул. С огромным трудом овладев собой, человек спросил:

- Кто ты? Как ты вошел сюда?

- Ты звал меня, вот я и пришел, - был ответ.

- Я не звал тебя, демон, - хрипло прошептал Синфьотли, цепенея под взглядом красных пылающих глаз на все еще не различимом в темноте лице.

- Ты ошибаешься, и я вовсе не демон, - хмыкнул пришелец. Что-то смутно знакомое и оттого еще более ужасное прозвучало в этом смешке. Незнакомец сделал еще несколько шагов к Синфьотли, и с каждым его новым шагом алый камень на рукояти кинжала пылал все ярче и ярче.

Синфьотли встал. Ему начинало казаться, что он сходит с ума, что на него надвигается чудовищное зеркало, в котором он видит свое искаженное отражение. Нарушены были все цвета: волосы не соломенного цвета, а белые, глаза не светло-серые, а красные... и это кошмарное черное лицо, тонущее в тени...

И вдруг страх в одно мгновение отпустил Синфьотли, когда он неожиданно понял, кто перед ним.

- Сигмунд, - произнес Синфьотли, разом ослабев от только что пережитого ужаса.

Пришелец улыбнулся. Теперь сомнений уже не оставалось: такая улыбка озорная и вместе с

тем чуть высокомерная - была только у Сигмунда.

- Ты звал меня, брат, - повторил он, и красный свет в его глазах медленно угас, затаившись лишь на самом дне зрачков. - Ведь ты звал меня. Ты окликнул меня по имени, когда я, неприкаянный, бродил вокруг дома, где мы с тобой родились.

- Да, - шепнул Синфьотли.

- Но еще раньше меня позвала сюда моя Соль...

Синфьотли никогда прежде не замечал за Сигмундом особенной привязанности к девушке, которая считалась его племянницей. Но его не насторожила интонация, с которой явившийся из запредельных миров брат произнес эти слова: "моя Соль". Слишком взволнован был, чтобы заметить еще одну странность.

Теперь братья стояли друг против друга, один - смущенный, растерянный, другой - уверенный в себе, с легкой улыбкой на мертвенно-бледном лице. Внешнее сходство только подчеркивало это различие между ними.

По деревянному полу прозвучали чьи-то шаги. Близнецы обернулись одновременно и увидели, что на пороге комнаты, шатаясь и хватаясь руками за горло, стоит их мать. На Сунильд была только холщовая рубаха с развязанными у ворота тесемками и сползшая на плечи шаль. В багровом свете, струящемся из красного камня, глаза старой женщины, казалось, были залиты не слезами а кровью.

- Что это?.. - прошептала Сунильд. - Зачем ты дразнишь меня, сын?.. Откуда у тебя это зеркало?..

Синфьотли перевел взгляд на Сигмунда. Живой мертвец побелел, и даже красные сполохи не могли скрыть этой бледности, залившей его хищное лицо. Губы Сигмунда задрожали, и он бросился к Сунильд.

- Мать! - вскрикнул он, увидев, что старая женщина, теряя сознание, медленно оседает на колени. Пылающими в красном зареве руками он подхватил ее и тут же выпустил, страшно закричав.

Сигмунд стоял над упавшей женщиной, откинув назад светловолосую голову и широко раскрыв рот, и кричал, кричал, и от его звериного вопля у Синфьотли стыла в жилах кровь. Наконец крик стал слабее. Сигмунд простонал несколько раз и затих. Потом его глаза встретились с глазами брата, и Сигмунд попытался улыбнуться. Синфьотли поразила нечеловеческая боль, которая глядела на него уз красноватых зрачков оборотня.

- Я обжегся, - совсем тихо сказал Сигмунд. - Но это не ожог, это больнее... Это хуже всего, что я когда-либо испытывал.

Он склонился над матерью и с тоской посмотрел на нее, не смея больше к ней притронуться.

- Ты был ее любимым сыном, - сказал Синфьотли, не зная, чем еще утешить брата.

Но оборотень уже пришел в себя и выпрямился. На его лице появилось то самое надменное выражение, которое было так хорошо знакомо Синфьотли.

- Это больше не имеет значения, - сказал Сигмунд. - Я вернулся в свой дом и буду жить здесь. Слуги еще остались?

Синфьотли покачал головой. Сигмунд уселся в кресло и развалился поудобнее.

- Тогда _т_ы_ будешь прислуживать мне, - сказал он и наставил на брата указательный палец. - Подай-ка мне вина.

Синфьотли молча налил ему из своего кувшина. В голове у него тупо стучал какой-то молот. Он плохо видел в этом болезненном багровом свете и плохо понимал происходящее.

Сигмунд отпил вина и похвалил вкус и букет. Синфьотли стоял рядом, готовый налить еще. Ему хотелось подойти к матери, но он не смел пошевелиться без позволения этого странного

гостя, который был его братом. Вдруг Сигмунд рассмеялся.

- А ведь ты потерял тело своего брата, Синфьотли?

Асир вздрогнул и кивнул..

- Нет, ты не потерял его. Не убивайся из-за этого, мой заботливый, преданный брат. Я сам ушел. А ты ведь хотел меня похоронить. Ты ведь сжечь меня хотел...

- Ты был мертв Сигмунд - с трудом вымолвил Синфьотли.

- Мертв? Отчасти да. Но не совсем, как видишь. Я и жив, я и умер... но больше жив, чем умер.. Спроси хоть Арнульфа Сверчка, который все про всех знает.

- Арнульфа заели волки, - машинально сказал Синфьотли. - Его нашли прямо на улице, неподалеку от харчевни "Бурый Бык". Снег на несколько футов вокруг был забрызган его кровью...

- Отжужжал, значит, наш Сверчок, - с равнодушным видом протянул Сигмунд, но улыбка помимо воли тронула его узкие губы. - Откуда же в городе волки, а?

Синфьотли задрожал. Какая-то неведомая сила стиснула на миг его сердце необъяснимым страхом. Как будто разговор зашел о чем-то очень опасном. Перемогая себя, он ответил:

- Это оборотень, Сигмунд. Служанка по имени Хильда, наша кухарка, которую я сам и купил в дом... Она оставляла на снегу следы, волчьи и человеческие. Помоги мне, брат! Я не знаю, кем ты стал и какая сила вернула тебя на землю, но, если ты все еще любишь меня, помоги одолеть колдовство...

Синфьотли замолчал. Страшный красный огонь пылал в глазах Сигмунда, и Синфьотли не в силах был отвести взгляда от этих неподвижных глаз. Наконец Сигмунд опустил голову и усмехнулся.

- Женщина, говоришь? Наша Хильда?

- Да, - сказал Синфьотли. - Я уверен в этом.

- Хорошо, - твердо произнес Сигмунд. - Я помогу тебе. Но ты будешь делать то, что я прикажу. Слушай, брат. Завтра ты отправишься в гладиаторские казармы и поговоришь с Гунастром. Пусть старик к вечеру отправит сюда под надежной охраной того, кто убил меня. Киммерийца.

- При чем тут киммериец? Я взял его ради того, чтобы он тешил твою душу кровавыми подвигами.

Сигмунд улыбнулся, обнажив очень белые зубы.

- Я знаю. Ты очень заботливый родственник. Но мне нужен этот человек. И ты приведешь его ко мне. - Он наклонился вперед и повторил тихим голосом, от которого у Синфьотли мороз пошел по коже: - Ты приведешь ко мне киммерийца, брат.

- Если твои черные камешки попали в эту часть круга, то ты проиграл, - втолковывал Конану Ходо. Они сидели на корточках возле круга, начерченного осколком кирпича на каменных плитах. Ходо обучал молодого варвара одной из бесчисленных азартных игр, до которых рыжий толстяк был большой охотник.

Конан недовольно морщил нос, вороша черные и белые камешки на своей широкой ладони.

- Больно сложные они, все эти правила, - сказал он наконец, - нет ли чего попроще, Ходо?

- Куда уж проще! - произнес Ходо убедительно. - У вас в Киммерии небось всего и игр - кто кому скорее кости переломает!

Киммериец хмыкнул, довольный. Ходо смотрел на него задумчиво, задрав бороду. С одной стороны, играть с Хуннаром толстяку надоело, тот все время норовит сжульничать. С дугой стороны, Конан, несмотря на свою дикарскую честность, противник небезопасный, и в раздражение его лучше не вводить.

Вдруг варвар вытянул шею вглядываясь, и его лицо приняло злобное выражение. В казарме

появился Синфьотли. Но проклятый асир снова был не один: он стоял возле Гунастра, а из глубины двора к ним приближался Арванд. Скрипнув зубами, Конан отвернулся. Ходо, все это время внимательно следивший за молодым киммерийцем, ткнул его в бок кулаком и заметил:

- А ты просто кровавый пес, киммериец. Не беспокойся, рано или поздно Синфьотли будет твой и ты разрежешь его на кусочки. Такие, как ты, добиваются своего. А сейчас слушай лучше меня: если твои белые камешки попадают на мое поле...

Синфьотли сразу произвел на Гунастра какое-то странное впечатление. Старик знал асира с детства и потому очень быстро заметил, что того будто подменили. Синфьотли, обычно такой спокойный и выдержанный, все время вздрагивал и озирался. Когда Гунастр коснулся рукой его плеча и повторил свой вопрос, Синфьотли подскочил и уставился на содержателя казармы широко раскрытыми глазами.

- Синфьотли, ты не болен?

- Я здоров, - быстро сказал асир. - И дома тоже все в порядке. И высокородная Сунильд моя мать, она...

Подошедший в этот момент Арванд кивнул ему в знак приветствия. Глядя на ванира сумасшедшим взглядом почти белых глаз, Синфьотли еще раз пробормотал:

- И высокородная Сунильд не лежит без сознания на пороге пиршественного зала. И не обжигают до костей прикосновения материнских рук... - Он тряхнул головой, отгоняя страшные воспоминания, которые отчасти принадлежали не ему. - Словом, Гунастр, - сказал он прояснившимся голосом, - я хочу, чтобы сегодня вечером этот киммериец... тот, кто убил меня... _М_о_й_ киммериец был у меня дома. Я забираю его, понятно? Сегодня вечером приведи его. - Синфьотли сморщился, вспоминая, все ли он сказал. Да, - добавил он после некоторого раздумья, - вспомнил. Под надежной охраной. Приведи сегодня вечером ко мне того киммерийца, которого я взял в плен, и под надежной охраной. Так нужно. Я не знаю, зачем и при чем тут киммериец, но нужно именно так.

Арванд смотрел на асира мрачнее тучи. Было что-то очень тревожащее в поведении Синфьотли. Асир производил впечатление не то больного, не то пьяного. Было видно, что он несет бред и находился на грани безумия. Но еще вероятнее было другое предположение, и оно-то пришло Арванду на ум в первую очередь: оборотень все же настиг своего брата и наложил на него печать своего духа. Теперь гордый Синфьотли - просто безмозглое орудие в руках живого мертвеца. Лучше всего было бы убить Синфьотли и тем самым освободить его душу от проклятия, а Халога - от опасности, которую несет сын Младшего Бога. Но как это сделать сейчас, у всех на глазах? И что ожидает в таком случае Арванда, если он поднимет руку на знатного человека? Можно, конечно, заняться подстрекательством и натравить на Синфьотли Конана... Вон как сверкают глаза у мстительного киммерийца! Но Арванду почему-то не хотелось увидеть, как мальчишку-варвара разорвут на части взбешенные кони.

И потому ванир неподвижно стоял в полушаге от Гунастра, рядом с хозяином и все-таки чуть отступив, и безмолвно слушал сбивчивые распоряжения Синфьотли.

Асир провел рукой по лбу и бросил на Гунастра растерянный взгляд.

- Значит, ты понял, что нужно сделать?

Гунастр ободряюще похлопал его по плечу.

- Пожалуйста, не беспокойся, Синфьотли. Мальчишка принадлежит тебе, и сегодня вечером я сам его доставлю.

Синфьотли кивнул и, не прибавив больше ни слова, повернулся и вышел из ворот. Охранники сразу же заложили засов.

Гунастр проводил его взглядом, потом передернул плечами и повернулся к Арванду.

- Что это с ним? Болен, что ли? Или в городе опять появились наркотики?

Арванд молчал. Оборотень потребовал доставить ему Конана - человека, которому известно, кто такая Соль и кто ее отец. Скоро, очень скоро вервольф доберется и до второго, кому известны все его тайны. И тогда настанет черед Арванда. Нет уж, лучше нанести удар первому. Надо поговорить с киммерийцем, и чем скорее, тем лучше.

- Эй, - сказал Гунастр, - я, по-моему, задал тебе вопрос! Или твоя непочтительность дошла уже до того, что ты вообще перестал со мной разговаривать?

- Извини, - сказал Арванд. - Я и вправду невежлив.

Гунастр раздраженно хмыкнул.

- Для меня это не новость. Так что ты думаешь о Синфьотли?

Мгновение Арванд испытующе смотрел на своего хозяина, а потом вдруг решился:

- Я думаю, тут вмешались злые чары. Он стал опасен. Он очень опасен.

Гунастр махнул рукой, раздражаясь еще больше.

- Глупости. Я знаю его с детских лет.

- Собака, которую вырастил, взяв щенком, тоже не опасна, пока не подцепит бешенство.

- Вечно ты говоришь загадками. По-твоему, мне нечего больше делать, как только ломать над ними голову? Опасен Синфьотли или нет, сегодня вечером я препровожу к нему парня.

- Сам? - Арванд едва сдержался, чтобы не выкрикнуть это слово.

- Синфьотли сказал "под охраной", ты же слышал. Конечно, я сам доставлю киммерийца. Меня-то ему не обставить, если вздумает бежать.

Арванд чуть ли не до крови прикусил губу. Он знал, что когда у Гунастра появляется на лице это непреклонное выражение, спорить со стариком не только бесполезно, но и небезопасно. Ванир ощутил острое желание напиться до беспамятного состояния и забыть обо всем. Хотя бы на время.

После ужина, когда Конан уже готовился к приятному свиданию со своим соломенным матрасом (после боя в память Сигмунда киммерийцу поменяли постель и принесли свежей соломы), его окликнул повар Акун.

- Тебя зовет хозяин, киммериец. Иди к нему.

Ругаясь себе под нос, Конан лениво поплелся во двор казармы. Старик в своей длинной кольчуге ждал его, заложив руки за пояс. Конан остановился в десяти шагах от содержателя казармы и с интересом уставился на него. Гунастр был вооружен до зубов. Длинные седые волосы придерживал на лбу обруч. Кольчужный капюшон был откинут на спину, шею защищал небольшой металлический воротник. Киммериец, конечно, не мог знать, что необъяснимый страх Арванда каким-то образом передался и его хозяину. Хоть старик и высмеял своего помощника, хоть он и отказался слушать его предостережения, тем не менее счел за лучшее принять кое-какие меры предосторожности.

- Я получил сегодня распоряжение доставить тебя в дом Синфьотли, малыш, - заявил старик, глядя на рослого киммерийца снизу вверх. - Так что бери теплый плащ и отправляйся. Смотри, чтобы мне не пришлось тебя долго ждать!

Конан почти бегом бросился в свою каморку за меховым плащом. Сердце варвара пело и ликовало: в дом Синфьотли! Он отправляется в логово своего врага! Пусть хоть десяток вервольфов встанут между киммерийцем и человеком, котором он ненавидит, - Конан знал, что в конце концов увидит, как Синфьотли бьется в предсмертных судорогах.

Гунастр невольно усмехнулся, глядя в широкую спину юноши. Он хорошо понимал, что происходит сейчас в этой дикой и бесхитростной душе. Что ж, дело Гунастра - выполнить поручение, а уж о своей безопасности Синфьотли пусть позаботится сам.

- Я готов, - сказал Конан, бесшумно подкравшись к старику со спины. К великому разочарованию молодого киммерийца, Гунастр даже не вздрогнул. Он вообще сделал вид, что

маневр Конана не произвел на него никакого впечатления (со стороны старого рубаки это было чистой воды лицемерием).

- Пошли, раз готов, - сказал Гунастр и неторопливо зашагал к двери. Он подумал еще раз о том, что стоило, наверное, заковать киммерийца в цепи. Но Арванд чуть ли не на коленях умолял содержателя казармы не делать этого. Вероятно, чертов ванир опять прав. Конану уже приходилось выходить в город и ничего страшного не стряслось. Проклятый холоп, этот Арванд слишком часто он оказывается прав. Однако совету вооружить киммерийца Гунастр следовать отказался, причем наотрез: это было бы совсем уж глупо.

За спинами киммерийца и старого гиперборейца заложили засов. Лязгнули мечи стражников, занявших свой пост, и все стихло. Кругом были сугробы, синие в призрачном лунном свете, и тонущие в снегу дома. Желтые полоски света пробивались из-за плотно закрытых ставен.

Оказавшись вдвоем на ночной улице, Конан и Гунастр вдруг обратили внимание на то, каким пустым и тихим стал город. Как будто с наступлением темноты Халога вымер. На улицах и площадях не было видно ни одного человека, и желтый свет в притаившихся домах казался таинственным и призрачным, словно за этими ставнями бесшумно сновали привидения.

Гунастр тряхнул головой, отгоняя неуместные мысли. Что за глупости! Город как город - Халога ничуть не изменился за этот месяц. А что до отсутствия людей на улицах - кому охота бродить морозной ночью?

Конан чутко прислушивался, стараясь уловить малейший звук. Ноздри варвара слегка раздувались. Сейчас он был похож на крупного молодого хищника, который вышел на охоту и желает удостовериться в том, что поблизости нет еще более кровожадного свирепого зверя и что сам он не превратится по нелепой неосторожности из охотника в жертву. Похоже, осмотр вполне удовлетворил киммерийца. Он бросил на Гунастра вопросительный взгляд. Старик кивнул, и оба они двинулись вперед. Снег хрустел под их мягкими сапогами.

Так они миновали несколько непривычно тихих питейных заведений, приунывший дом терпимости, откуда не доносилось ни смеха, ни визга, ни пьяных воплей, свернули на обезлюдевшую площадь, откуда еще вчера ушел отряд бродячих наемников, который стоял там лагерем, жег костры и весьма назойливо предлагал свои услуги. Никого не встретили они и в более респектабельной части города. Город был пустынным в полном смысле этого слова. Безлюдные улицы производили угнетающее впечатление. Но, с другой стороны, если путникам не попадались навстречу друзья, то и враги тоже не нападали на них. На улицах Халога в этот час воистину не было н_и_к_о_г_о_.

- Гунастр!..

Звук этого голоса, доносившийся откуда-то из соседнего переулка, заставил старика и его молодого спутника вздрогнуть. Оба мгновенно замерли посреди дороги. Голос, окликнувший содержателя казармы по имени, был женский. Но было в нем также нечто неестественное, нечеловеческое, как будто той, что обратилась к ним, непривычно было выговаривать слова человеческой речи. Глухой и ломкий, этот девичий голос был полностью лишен какой-либо интонации.

- Гунастр, ты привел того, кого мы ждем? - снова заговорил голос.

Теперь Конан, стряхнувший с себя оцепенение страха, понял, кому он принадлежит. Так разговаривать могла только она, Соль, глухая. Девушка не слышит сама себя, не может контролировать интонации, и потому так странно звучит ее речь.

Гунастр вскинул голову. Несмотря на то, что лицо его залила мертвенная бледность, старик решительно не поддавался попыткам запугать его.

- Кто здесь? - громко сказал он в ответ. - Кто говорит со мной?

Ответа не последовало. Конан инстинктивно потянулся рукой к поясу и, вспомнив о том, что безоружен, досадливо плюнул.

- Отвечай! - снова возвысил голос Гунастр. - Кто ты? Почему прячешься? Выйди на свет!

- Она не ответит, - сказал ему киммериец.

- А ты почем знаешь?

Конан хмыкнул.

- Она не слышит тебя. И говорит с тобой наугад.

- Что значит - "не слышит"? Тебе знакома эта женщина? Кто она? Да говори же!

- Конан! - снова зазвучал глухой женский голос. - Ведь ты здесь, Конан! Ты здесь, безоружный и беспомощный, жертва, обреченная на заклание! Когда наши зубы вонзятся в твое тело и наши когти станут терзать твою плоть, ты даже не сможешь защитить себя!

Забыв о том, что ведьма не может его услышать, киммериец яростно зарычал:

- Что же ты прячешься от меня, потаскушка, согрешившая с волком? Выходи на яркий свет! Веди сюда своего любовника, который покрывает тебя каждую ночь, и посмотрим, чьи зубы острее!

Из темного переулка донеслось глухое рычание, и из-за угла медленно выступил огромный белый волк с пылающими угольями красных глаз. Скаля зубы и прижимая к голове острые уши, он остановился в двадцати шагах от Конана и старика. На спине зверя, подобрав ноги, удобно устроилась юная девушка, всю одежду которой составляли густые золотые волосы, окутывающие ее гибкое тело почти до середины бедер. Она была ослепительно хороша - пугающей, дьявольской красотой. Огромные глаза, зеленые, как изумруды, неестественно яркие, сверкали в обрамлении густых ресниц. В зелени радужной оболочки тонул красный зрачок. Очень красные, пухлые, почти непристойно вывернутые губы оттеняли молочную белизну зубов. И если бы незабвенный туранец, наградивший Амалазунту экзотическим прозвищем Изюмчик, увидел эту узкую талию и расцветшую грудь, он закатил бы свои черные маслянистые глазки и процитировал строку восточного поэта: "На тоненькой ветке - два спелых плода".

Девушка легко и грациозно соскочила со спины зверя и встала босиком на снег. Волк снова зарычал и шагнул вперед.

Конан и Гунастр, оба - несмотря на значительную разницу в возрасте имели изрядный опыт в битвах. И потому при виде угрозы не раздумывая встали плечом к плечу.

- Дай мне оружие, - сквозь зубы процедил киммериец.

Гунастр сунул ему в руки кинжал. На мгновение Конан сжал пальцы старика.

- Спасибо, - сказал варвар просто, и Гунастр внезапно всем сердцем ощутил правоту Арванда: этот дикий юноша из диких гор - самый опасный враг, если вызвать его ненависть, но и самый отважный и верный союзник для того, кто завоюет его доверие.

Волк приготовился к прыжку. Нагая девушка, приплясывая от нетерпения, следила за людьми и беззвучно смеялась.

В следующее мгновение все смешалось. Волк прыгнул. Страшные челюсти лязгнули совсем близко, промахнувшись лишь на волосок. Конан успел увернуться, спасая свое горло. В тот же миг Гунастр выбросил вперед руку с коротким мечом и распорол зверю бок. Однако из страшной раны не хлынула кровь, как можно было ожидать. Гунастру показалось, что металл входит не в живую плоть. Ощущение было такое, будто он пронзает тюфяк, плотно набитый соломой. Светлый мех тут же затянул рану:

- Его нельзя убить, - задыхаясь, крикнул Гунастру Конан. - Это оборотень! - Что-то подтолкнуло киммерийца, и он, почти против своей воли, добавил громко и торжествующе: - Это Сигмунд!

Ответом ему был яростный вой. Из разверстой пасти зверя повалил зловонный дым. Спустя

несколько секунд на снегу лежал, скорчившись, человек, очень похожий на Синфьотли. Но молодой киммериец теперь уже никогда не перепутал бы близнецов.

Девушка страшно закричала, широко раскрывая рот и простирая руки, словно пытаясь защитить упавшего. Сигмунд пошевелился, встал на четвереньки и оскалился совершенно по-волчьи. В его руке неожиданно блеснул кинжал.

- Мне нужен был киммериец, - сказал он. Гунастр зачарованно смотрел, как шевелятся красные губы на белом, как маска, лице оборотня. - Но теперь ты тоже знаешь тайну. Вы умрете оба. И когда вы умрете, мы вас съедим.

- Боги... - прошептал Гунастр.

Конан ударил его по скуле.

- Не смотри так долго на него! Не смотри ему в глаза! Он заколдует тебя, старик!

Сигмунд засмеялся и сделал знак своей дочери подойти поближе.

- Гляди, девочка, - сказал он, - как я расправлюсь с этими жалкими тварями!

Конан плюнул.

- Она же тебя не слышит, - презрительно сказал киммериец. - Не пытайся запугать нас, Сигмунд. Там, на холмах, я убил тебя в честном бою, и убью еще раз, если понадобится.

- Только не сегодня! - крикнул Сигмунд и неожиданно набросился на своих противников.

Гунастр ловко отразил первую атаку, подставив под удар заколдованного кинжала кольчужный рукав. Острие скользнуло по металлу знаменитой кольчуги Гунастра, доставшейся ему от деда или прадеда, не причинив старику никакого вреда. Ответный выпад старого воина поразил Сигмунда в грудь и пробил бы ему легкое, будь противник еще жив. С разверстой раной на обнаженной груди, откуда не вытекло ни капли крови, Сигмунд продолжал биться. Его рана напоминала темную зияющую дыру. Конан заметил, что оборотень совершенно не беспокоится о своей безопасности. Все свои силы человек-зверь направил только на нападение. Его действительно нельзя убить обыкновенным оружием. Как только у Сигмунда появится передышка, он залечит все нанесенные ему увечья.

Плечом к плечу Конан и Гунастр сражались против Сигмунда. Сын Младшего Бога был страшен. Его молниеносные движения невозможно было предугадать. И если Сигмунд атаковал их раз за разом, не обращая внимания на необходимость защищаться, то двое его противников не помышляли о том, чтобы перейти в нападение, поскольку это было не только опасно, но и бесполезно, и лишь отбивали его удары.

- Нам не вырваться, - прохрипел Гунастр. - Как только он вымотает нас, эта чертова девка вцепится со спины.

Сигмунд услышал это и рассмеялся. Он несколько раз лязгнул зубами и повторил свою угрозу:

- Мы сожрем вас живыми, два куска мяса.

В ответ Конан зарычал, как разозленный зверь. Сигмунд ожидал, что выведенный из себя варвар раскроется, сделав отчаянную попытку убить своего врага, но Конан редко терял голову. Он успел заметить, что сзади к ним подкрадывается крупная волчица с золотистым мехом.

- Гунастр! Сзади! - крикнул он.

Челюсти хищницы захлопнулись, когда она схватила зубами воздух. Взвыв от разочарования, волчица прижала уши и опустила пушистый хвост, вытянув его палкой. Гунастр развернулся, чтобы отразить очередную атаку Сигмунда, но опоздал. Кинжал нашел прореху в знаменитой кольчуге (старику все недосуг было сходить с этим к кузнецу; как истинный северянин, Гунастр куда больше внимания уделял наступательному оружию, чем доспехам, щитам и шлемам). Из раны в левом боку старика на снег хлынула кровь. Гунастр пошатнулся и прижался к стене.

Волчица оскалила зубы, почуяв запах крови. Между тем Конан воспользовался заминкой

для того, чтобы по почти отвесной стене высокого дома (это было старое каменное строение, сложенное темным булыжником) забраться до карниза. Прилепившись к стене, точно муха, варвар ловко скользнул на карниз и, нагнувшись, крикнул Гунастру:

- Подними руки!

Слабея, старик с трудом последовал приказу. Варвар схватил его и рывком втянул на окно, не обращая внимания на отчаянный крик боли, вырвавшийся при этом у хозяина гладиаторской казармы.

В спину его что-то подтолкнуло. Конан почувствовал, как деревянный ставень дергают изнутри, пытаясь раскрыть. Глухо заворчав, варвар навалился на него всей своей немалой тяжестью. Он услышал, как в доме за его спиной испуганно визжит женщина и бранится мужчина.

- Ну, я им сейчас покажу! - пригрозил мужчина. Отчетливо лязгнуло оружие. Конан ждал, держа за плечи обвисшего Гунастра и примеряясь перебраться с ним вверх по стене, на крышу. Внизу бесновалась волчица, жадно хватая зубами окровавленный снег. Сигмунд зажал во рту кинжал и начал ловко взбираться на стену. Конан отбивался от него мечом, не давая ухватиться пальцами за карниз.

Внизу загремел засов, и дверь приоткрылась. Волчица замерла, повернувшись на звук. С ее приоткрытой пасти капал растаявший розовый снег. Из дома высунулся пожилой мужчина. Он мгновенно увидел окровавленную морду - зверя и горящие красные глаза. Испустив отчаянный вопль, он захлопнул дверь. Слышно было, как он лихорадочно гремит засовом.

Конан яростно размахивал мечом. Гунастр, которого киммериец придерживал одной рукой, становился все тяжелее. Наконец Конану удалось отшвырнуть Сигмунда на землю. Гибко приземлившись, человек-волк присел на корточки и запрокинул вверх белое лицо. Казалось, еще мгновение - и он стремглав взовьется вверх, взлетит и вопьется Конану в глотку.

Воспользовавшись короткой передышкой, киммериец принялся связывать руки Гунастра, чтобы тащить его дальше наверх, положив себе на спину, точно тюфяк. Он быстро сорвал с себя пояс и перехватил старика поудобнее, когда вдруг заметил, что его спутник не дышит. Конан тронул вену на шее, но пульса не было.

Конан не поверил своим глазам. Но когда он перевернул тело старика, он увидел, что вся левая сторона кольчуги стала темной и скользкой от крови. Пальцы варвара нащупали и злополучную прореху. Чтобы увидеть и понять все это, Конану потребовалось несколько секунд. Почти сразу же у него созрело решение. Он знал, конечно, что намерение его скверно, с какой стороны ни посмотри. Но ему нужно остаться в живых, чтобы отомстить, и он уже знал, что уйдет от оборотней - уйдет любой ценой.

Сигмунд снова полез на стену. Он карабкался по булыжной кладке почти так же быстро и ловко, как киммериец, детство которого прошло в горах, среди голых отвесных скал.

Держа тело Гунастра в руках, Конан ждал. Когда голова Сигмунда снова показалась у карниза, киммериец широко размахнулся и швырнул труп в вервольфа. Сбитый с ног и наполовину оглушенный, человек-зверь покатился по снегу. Волчица гигантским прыжком подскочила к телу Гунастра, который упал посреди улицы и остался лежать в неловком положении, вывернув одну ногу и раскинув руки. Пока она обнюхивала то, что бросил ей человек и пока Сигмунд со стоном выбирался из сугроба, Конан уже залез на крышу, а оттуда по дымовой трубе спустился в дом.

На счастье варвара, отверстие оказалось достаточно широко, и он застрял только два раза, да и то сумел выбраться. Весь исцарапанный, в копоти, с кинжалом в руке (меч Гунастра он бросил вдогонку падающему Сигмунду), варвар вывалился прямо в горящий камин, подняв тучу искр. Отчаянно взвыв, киммериец выкатился из камина на каменный пол, опрокинув при этом

резной деревянный экран и попортив на нем резьбу. Пылающий меховой клубок в черных лохмотьях, из которых то и дело высовывались человеческие руки и ноги, - таким показался незваный гость обитателям дома.

Рыча от боли, Конан катался по полу, чтобы сбить пламя. Наконец ему удалось потушить последнюю искру. Тяжело дыша, он остался сидеть на полу с кинжалом в опущенной руке, грязный, покрытый сажей, с розовыми ссадинами на закопченном лице. Нечесаные волосы падали ему на лоб. Холодные синие глаза варвара оглядывали насмерть перепуганных людей, словно сквозь гриву.

Он увидел пожилого человека - видимо, того самого, что пытался открыть ставень и отогнать непрошеных визитеров, старую женщину, посеревшую от страха, и ребенка, мальчика лет двенадцати, который смотрел на незнакомца настороженно и в то же время с отважным любопытством. Все они сбились в кучу в углу.

Конан вздохнул и пошевелился. Вроде бы кости целы. Поймав взгляд мальчика, киммериец кивнул ему и хрипло сказал на гиперборейском, выговаривая слова с жестким акцентом:

- Подойди ко мне, малыш.

- Нет! - закричал старый человек и бросился вперед закрывая собой мальчика. - Пожалуйста, не трогайте его!

Ледяной взгляд синих глаз пригвоздил его к полу. Тяжело дыша, с дрожащими в глазах слезами, старик замер. Губы его зашевелились, словно он повторял свою мольбу беззвучно, не смея кричать.

Конан инстинктивно понимал, что завоевать доверие ребенка будет проще. Ему не хотелось убивать этих людей. А позволить им выгнать себя на улицу, на растерзание разъяренным вервольфам, он тоже не мог. Запугать же хозяев дома означало обречь себя на риск получить от них удар в спину. Старик был еще крепкий и вполне мог на такое решиться. Да и, кроме этих троих, в доме могли быть еще люди.

Мальчик осторожно приблизился к киммерийцу и остановился в нескольких шагах от него.

- Ты думаешь, что я оборотень, - сказал Конан.

- По правде сказать, да, - искренне ответил мальчик.

Помолчав, Конан спросил:

- Тогда почему же ты не боишься?

- Потому что я вообще никого не боюсь, - просто сказал мальчик. - Но ты страшный, - добавил он, кивая, словно хотел утешить "оборотня".

Киммериец разразился хриплым хохотом. Белые зубы заблестели на его почерневшем лице.

- Ну хорошо, - сказал наконец Конан. - Подойди к окну и открой ставень. Немножко открой, так, чтобы выглянуть в щелочку.

Мальчик повиновался. Скрестив ноги, Конан ждал. Наконец мальчик тихо притворил ставень и обернулся к киммерийцу. Конан увидел, что лицо ребенка побледнело и он крепко сжал губы.

- Что ты видел? - спросил Конан.

- Два волка на снегу перед нашим домом рвут на части труп человека, тихо ответил мальчик. - Боги, что происходит? Кто вы?

- Они гнались за мной и моим спутником. Он, как ты видел, мертв. Я бы не отдал его оборотням живым, можешь мне поверить.

Мальчик присел на корточки и заглянул Конану в глаза своими ясными детскими глазами.

- Я вам верю, - прошептал он.

Они разговаривали так, словно стариков вовсе не было в этой комнате. Вдруг мальчик вспомнил о них, повернулся и небрежно распорядился:

- Ну, что вы стоите? Принесите горячей воды, полотна для перевязки, вина, хлеба! Шевелитесь!

Старики засуетились, женщина куда-то убежала. В глазах Конана мелькнуло любопытство. Значит, хозяин дома - этот мальчик, а остальные просто слуги?

- Утром оборотни уйдут, - продолжал Конан. - И я тоже покину ваш дом. Но мне обязательно нужно задержаться здесь до рассвета. Я должен остаться в живых, чтобы отомстить. Если кто-нибудь из вас попытается выгнать меня, я буду вынужден убивать.

- Вы останетесь сколько захотите, - спокойно сказал мальчик. Убивать никого не нужно. Здесь достаточно моего слова.

Конан увидел, как пожилая женщина вносит ушат с горячей водой и бросает в сторону пришельца опасливые взгляды.

- Умой его, - приказал мальчик служанке.

Женщина сделала несколько шагов, выронила тяжелый ушат, едва не расплескав кипяток на ноги, и в голос расплакалась.

- Я боюсь господин граф, не заставляйте меня!

- Отпусти слуг, - сказал мальчику Конан. - Я ведь не калека, могу и сам умыться.

Крякнув, киммериец поднялся на ноги. Слуг как ветром сдуло. Конан, по правде говоря, никогда толком не понимал, на что нужна прислуга. Только путается под ногами и причитает, когда не просят. По простодушному мнению варвара, если человек не в состоянии сам одеваться и умываться, то его следует просто добить из милосердия, дабы не обременял других и не отягощал своей души напрасными терзаниями.

Когда Конан, кое-как смыв с себя кровь и копоть, жадно пил вино из широкогорлого кувшина, мальчик снова выглянул в окно. Волки исчезли, оставив после себя изрытый следами снег и изуродованное тело Гунастра.

- Они ушли, - сказал мальчик, оставив ставень открытым. - Почему же они гнались за вами?

- Потому что я знаю, кто они, - ответил варвар. - А тебе этого лучше не знать. Незачем лишний раз произносить имя того, с кем совсем не хочешь встречаться. - Киммериец поднялся, отставил пустой кувшин и положил тяжелую руку на плечо мальчика. - Ты храбрый малыш, и из тебя вырастет хороший воин. Я так думаю. Если ты и вправду хозяин в этом доме, постарайся сделать так, чтобы слуги не очень болтали о том, что было нынешней ночью. И сам помалкивай, хорошо?

Мальчик кивнул.

- Не сомневайтесь. Да хранит вас удача. Хотел бы я быть постарше, чтобы называть вас другом.

Киммериец засмеялся.

- Будь ты постарше, я бы просто перерезал тебе горло.

- Почему? - поинтересовался ребенок, не выказывая ни малейшего страха.

- Потому что терпеть не могу гиперборейцев, будь они неладны, - был искренний ответ. - Прощай, малыш, и будь здоров.

Растрепав светлые волосы гостеприимного хозяина, Конан легко сбежал по винтовой лестнице и приоткрыл дверь на, улицу. Навстречу ему хлынул поток света. Вставало солнце.

16

"Гладиаторскую казарму с имеющимся в ней оружием, как тренировочным, так и боевым, а также дом, расположенный на улице Медников, оставляю единственному человеку во всей Халога, о котором точно знаю, что он не угробит мое дело и с пользой употребит нажитое мною за долгие годы добро", - читал скучным голосом глашатай Совета Старейшин завещание Гунастра.

Глашатай был единственным человеком в Совете, который умел читать. Поэтому слушали его с величайшим вниманием.

Тело Гунастра, изуродованное чудовищными клыками, нашли на рассвете и доставили в казарму, где слуги, причитая, кое-как попытались придать ему благопристойный вид. Арванд, бледный как смерть, издали наблюдал за их работой. Он никогда не думал о том, что Гунастр может умереть. О разлуке с суровым стариком ванир подумывал уже давно, но всегда в его мыслях это выглядело отъездом, прощанием. Арванд вдруг понял то, чего не осознавал прежде: он был очень привязан к Гунастру.

Мучила его и еще одна мысль. Упрямый и вредный, содержатель казармы так и не освободил своего помощника. Участь рабов, оставшихся без хозяина и не переданных по наследству, была известна: их прибирали к рукам городские власти. А уж что прилипло к ладоням членов Совета, то никогда уже не отлипало. Когда с Арвандом заговорил об этом один из халогских аристократов, некогда бравших у него уроки фехтования, ванир с деланным безразличием зевнул.

- Значит, устрою побег, вот и все.

Молодой аристократ поглядел на него с неожиданным любопытством.

- Так ведь тебя схватят и казнят, Арванд.

Ванир пожал плечами.

- А может так статься, что я перегрызу им глотки и вырвусь, - еще более равнодушным тоном предположил он.

На самом деле Арванду было далеко не все равно, в чьи руки он попадет. В том, что придется организовывать такую рискованную и неинтересную вещь, как побег, ванир почти не сомневался. И заранее уже набирался решимости, подыскивал союзников, мысленно перебирая гладиаторские лица, прикидывал, какой маршрут предпочесть. Эти думы почти вытеснили печаль по Гунастру.

Но теперь, слушая, как глашатай зачитывает завещание, Арванд до конца осознал тот факт, что старик мертв.

- "...и с пользой. Все это имущество пусть будет передано моему наследнику, Арванду из Ванахейма, которого я усыновил..."

- Что?! - невольно вскрикнул Арванд.

Глашатаи бросил на него недовольный взгляд и продолжал читать:

- "...усыновил по всем установленным правилам перед идолом Игга в Похьеле, совершив при том жертвоприношение молодого козленка". - Глашатай оторвался от свитка и добавил: - Документы об этом имеются здесь же.

- Простите мое любопытство, - заговорил Арванд осипшим голосом и вдруг понял, что от волнения весь дрожит, да так, что зубы постукивают. Но мне, как человеку заинтересованному, да будет позволено узнать, когда были составлены эти документы?

Теперь уже не только глашатай, но и старейшины смотрели на него с явным неодобрением. Глашатай переглянулся с одним из распорядителей церемонии, и тот кивнул.

- Документы составлены два года назад в Похьеле, - сказал глашатай. И прошу больше не прерывать.

Арванд не удостоил его даже кивка. Он вообще больше ничего не слышал. Мысли завертелись в голове как бешеные. Старый лис еще два года назад освободил ею, а потом и усыновил - и ни словом не обмолвился. Продолжал обращаться с ним как ни в чем не бывало, тиранил и бранил, иногда довольно грубо. Арванд сносил все придирки старика со стоическим терпением именно потому, что надеялся заручиться его благосклонностью. Он невольно покачал головой, думая об этом. Хитрец нарочно держал его в неведении. Разве стал бы упрямый ванир

таким безотказным и верным слугой Гунастру, если бы был уверен в своем будущем! Гунастр никогда ничего ему не обещал. Но слухи о том, что он хочет сделать своим наследником Арванда, ходили упорно, и старый рубака не опровергал их.

И вот он умер, погиб, растерзанный волками. При мысли об этом Арванд ощутил бешеную ярость. Младшие Боги с их кровожадными детьми отняли у него когда-то сестру и отца. Судьба дала ему второго отца - и мрачная магия оборотней погубила и его.

Арванд выпрямился. Он будет мстить. И где, черт побери, только носит этого негодного киммерийца?

Когда Арванд вошел в харчевню, обе сестры, позабыв и клиентов, и взаимные распри, дружно бросились к нему.

- Тебя можно поздравить? - сказала Амалафрида. - Ты у нас, оказывается, давно уже стал важным господином, а мы и не знали.

- Никто не знал, - ответил Арванд - и меньше всех я сам. Но сейчас, честно говоря, я предпочел бы оставаться в неведении, лишь бы Гунастр был жив.

- Да, это ужасно, - подхватила Амалазунта, - такая чудовищная смерть. Просто не укладывается в голове.

Арванд выглядел усталым и опечаленным. Казалось, его ничуть не радует известие о том, что он не только свободен, но и довольно богат (при умелом ведении дел содержание гладиаторской казармы приносило изрядный доход).

Сестры обменялись недоуменными взглядами. Они знали ванира уже не первый год и никак не ожидали от него такой чувствительности. Не замечая ничего этого, он тяжело опустился на скамью. Амалафрида тут же подсела к нему и сладчайшим голосом обратилась к сестре:

- Принеси кувшинчик вина. Видишь как расстроен господин Арванд?

С кувшином в одной руке и кружкой в другой младшая сестра уселась по другую сторону от Арванда. Он машинально выпил, посидел немного в неподвижности, положив на стол руки и уставившись на них невидящими глазами. Он просто никак не мог осознать того, что с ним случилось.

Наконец он поднялся.

- Черника, проводи меня, если можешь в свою комнату. Я заберу сегодня у тебя эту девушку.

- Давно пора, - неприязненно сказала Фрида.

- Как она? - спросил Арванд младшую сестру, пока они вдвоем поднимались по лестнице.

Амалазунта пожала плечами и поправила сползшую при этом движении шаль.

- Целыми днями спит, а если не спит, то ни с кем не разговаривает и всего боится.

Хильда сидела, забившись в угол комнаты, и, когда они вошли, вздрогнула и бросила на них испуганный взгляд. Похоже, сестры не очень-то ее привечали. Потом лицо девушки прояснилось: она узнала Арванда. Хильда до-прежнему была очень некрасива, но для Арванда, которому изрядно надоели пышнотелые, пылкие гиперборейские дамы, было что-то необычайно притягательное в ее детской угловатости.

Заметив, что тар смотрит на девушку в задумчивости, точно оценивая ее, Амалазунта ревниво сказала:

- Я выходила тебе твоего лягушонка. Она вполне здорова, хотя по-прежнему придурочная. Иногда кашляет по утрам, но это скоро пройдет.

- Спасибо, Черничное Пятнышко, - пробормотал Арванд и, заметив, что женщина не на шутку обильна его небрежностью, улыбнулся и поцеловал ее в губы.

- Так-то лучше, - усмехнулась Амалазунта. - Ты хочешь забрать ее в тот дом, который тебе достался от старика?

Арванд кивнул.

- Она все же краденое имущество, - добавил он. - Ты и так очень много сделала для меня, Черничка, спрятав ее у себя. Ты мой верный друг, и я этого не забуду. Теперь весь риск пусть будет только мой. Пожалуйста, принеси какой-нибудь плащ с капюшоном. Я потом заплачу тебе за него.

- Какие счеты между старыми друзьями? - махнула рукой трактирщица, но Арванд хорошо знал, что мысленно она уже подсчитала все убытки.

Хильда встала и, путаясь в слишком просторном для нее платье с плеча одной из сестер-богатырш, подошла поближе. Арванд сам одел на нее шерстяной коричневый плащ и опустил капюшон, полностью скрывающий лицо. Тоненькая холодная ручка скользнула в его мозолистую ладонь. Прикосновение было таким доверчивым, что у ванира на миг потеплело на душе.

Они вышли из харчевни через заднюю дверь во двор и выбрались на улицу через дыру в заборе. Уже темнело. Арванд нарочно пришел за Хильдой в сумерки, чтобы поменьше обращать на себя внимания. Если их сейчас кто-нибудь и приметит, то увидит всего лишь, как рослый мужчина ведет к себе в дом закутанную в плащ женщину, - и никаких вопросов не возникнет. Однако он немного не рассчитал время. Еще несколько минут - и окончательно стемнеет. В этот час вервольфы наверняка уже выходят на охоту. Нужно торопиться.

Они быстро пошли по улицам. Хильда часто спотыкалась. Она была еще довольно слаба, и Арванд взял ее на руки, подивившись тому, какая она легкая. Он часто оборачивался и оглядывал переулок, прежде чем свернуть в него. Он очень боялся увидеть две пары горящих красных глаз. Но пока что все было тихо.

И вдруг какое-то странное ощущение чужого присутствия заставило его замереть и прижаться к стене углового дома. В соседнем переулке, возле самого дома Гунастра, их уже ждали. Он не сомневался в этом ни секунды. Ожидание было таким явственным, будто некто испускал резкий запах. Возможно, кстати, именно запах и заставил Арванда бессознательно насторожиться, хотя он не отдавал себе в этом ясного отчета. Запах звериной шерсти был еле заметным.

- Хильда, - сказал Арванд девушке, - сейчас нам предстоит пробиваться с боем.

- Они здесь, - тихо отозвалась Хильда. Он удивился тому, что она как будто не испытывает страха. Но следующая фраза девушки объяснила ему многое. - Ты победишь их, - сказала она с такой убежденностью, что ему стало не по себе.

- Обхвати меня руками за плечи, ногами цепляйся за пояс, - сказал он, подсаживая ее себе за спину. - Учти, я не смогу тебя держать. Твоя задача - не упасть на землю. Хильда, я привязал бы тебя к себе, но если меня убьют, ты тогда не сможешь даже бежать.

Она прильнула к нему. Арванд ощутил ее дыхание возле своего уха, улыбнулся и тут же перестал о ней думать. Он вытащил из ножен меч и обмотал вокруг руки плащ, заранее зная, что все это ему не поможет. Сегодня ему не убить тех, кто, притаившись в темноте, поджидает его у порога. Все, что ему нужно, - это пробиться в дом. За порог никакая нечисть не ступит, если ее не призвать.

Одним прыжком Арванд выскочил на середину переулка. Вот и дом Гунастра - приземистое, крепкое строение, почерневшее от времени и непогоды. Старый кряжистый дуб раскинул ветви над порогом. Все так, как было вчера, и год, и десятки лет назад. Только старого Гунастра больше нет, теперь дом перешел в руки чужеземца, пригревшегося на земле гипербореев.

Арванд сделал несколько осторожных шагов к дому и наконец увидел то, чего ждал: горящие в темноте глаза. Бесшумно выступили вперед два волка, скаля зубы и прижимая острые уши. Двигаясь боком и стараясь держаться спиной к стене дома, Арванд прошел еще несколько шагов. Он хотел выиграть расстояние. Еще шаг. Еще.

Волчица, более молодая и нетерпеливая, чем ее спутник, прыгнула. Арванд успел

уклониться, и страшные челюсти сомкнулись не на горле человека, а на плаще, который он вместо щита намотал на левую руку. Ванир изо всех сил ударил волчицу по голове рукоятью меча. Полуоглушенная волчица выпустила его и осела на снег, взвизгнув.

Арванд пробежал еще несколько шагов. Крыльцо было уже совсем рядом. В отчаянии глядя на эту близкую и такую недостижимую цель, Арванд приготовился к схватке с волком-Сигмундом. Огромный белый зверь напал с громким рычанием. Арванд ударил его мечом по шее в надежде отсечь оборотню голову, но промахнулся. Клинок вспорол зверю брюхо, но сын Младшего Бога даже не почувствовал боли. Он снова зарычал. Арванду мешала Хильда. Хоть девушка и сидела на его спине не шевелясь и была почти невесомой, все же она сковывала его движения и он не мог маневрировать так ловко, как делал это в недавнее время на арене, когда еще выступал в гладиаторских боях.

Он знал, что следующая атака Сигмунда будет, вероятно, последней и для Арванда, и для его ноши. Он мог бы, конечно, бросить волкам Хильду и спастись - ведь девочка в любом случае обречена на страшную смерть. Но что-то мешало ему это сделать.

В этот миг откуда-то сверху прогремел душераздирающий боевой клич, от которого Арванд и Сигмунд подскочили, оба одинаково испуганные. С длинной ветки дуба, завывая и (как через несколько секунд сообразил Арванд) веселясь от всей своей варварской души, на волка обрушился киммериец Конан. Как на чудо смотрела Хильда на эту сцену. То, что в темноте казалось комом снега среди других комьев, вдруг раскрылось. Белый меховой плащ изодранный в клочья и запачканный сажей, взвился за широкими плечами киммерийца, посыпался снег - и вот уже, как гигантская птица из яйца, вывалился из своего укрытия дикий воин с развевающимися черными волосами. Грозным духом отмщения упал он прямо на спину волка и схватил его за горло своими могучими лапищами.

- Беги в дом, Арванд! - крикнул он.

Не раздумывая, ванир подчинился. Одним ударом кулака отбросил засов, ворвался в темную выстуженную комнату и сбросил с себя Хильду. Затем схватил полено из кучи дров, приготовленных у печки, и выскочил на крыльцо.

Оглашая притихший город воинственными криками, киммериец бил кулаком но голове огромного зверя, который тщетно пытался стряхнуть его с себя. Арванд успел как раз вовремя: волчица пришла в себя и уже подкрадывалась сзади. Метко запустив в нее поленом, Арванд крикнул:

- Конан! Сюда!

Киммериец ловко соскочил со спины волка и бросился бежать. Огромными прыжками зверь догонял его. Но, к счастью, дом был совсем близко. Захлопнув дверь, оба мужчины заложили засов. Страшные когти скребли и царапали дерево, потом в окне показалась оскаленная морда, - и красные глаза жадно уставились на людей. Конан преспокойно захлопнул ставни, норовя ударить зверя по носу. Злобный вой был ответом на этот жест, но на киммерийца это не произвело ни малейшего впечатления. Он обернулся к Арванду и Хильде и весело засмеялся.

- Ну, вот, - сказал он, - мы живы и в безопасности. А эти кровопийцы там, в морозной ночи, пусть себе бесятся.

Арванд от души обнял его.

- Если бы не ты, они разорвали бы нас в клочья.

- Пустяки, - проворчал варвар. - Для меня одолеть пару-другую оборотней - это раз плюнуть. А замарашка, как я погляжу, приклеилась к тебе, точно горб к горбатому. - Он подмигнул Хильде, глядевшей на него с опаской. - Молодец, кроха. Когда не можешь помочь, главное - не мешать.

Арванд зажег две масляные лампы и принялся разводить в печке огонь. Конан развязно плюхнулся в самое лучшее кресло и принялся ковырять пальцем в ухе.

- Как тебе пришло в голову прийти именно сюда? - спросил Арванд.

- А что, ты был не рад меня видеть? - хмыкнул варвар. - Эти зверюги пытались прошлой ночью вцепиться мне в глотку. Гунастра они утащили, но я ушел. Я забрался по стене белого каменного дома... Там, в этом доме, все, конечно, перепугались до смерти, кроме одного очень славного мальчугана. Даром что гиперборeец - хороший мальчик. Жаль, что не мой брат.

- Погоди-ка, - перебил его Арванд. - Не тот ли это дом, что стоит недалеко от площади, а на фасаде герб с двумя грифонами на зеленом поле?

- По-твоему, у меня было время рассматривать какие-то гербы? огрызнулся варвар. - Говорю тебе, мальчик славный.

- Это граф Амальрик Бесстрашный, - сказал Арванд. - Я знаю его семью. У них в роду все такие - прямые, гордые и великодушные.

Конан выразительно поднял левую бровь намекая на то, что к гиперборейцам вообще неприменимы подобные характеристики, однако говорить на эту тему ничего не стал.

- Словом, там я и отсиделся до рассвета, а потом пошел сюда. Я так рассудил, что уж в доме старика меня никто искать не будет. Ближе к вечеру забрался на дерево. Так, на всякий случай. Я был уверен, что ты явишься сюда после погребения Гунастра. Кстати, правда то, что болтают?

- О чем еще болтают? - устало спросил Арванд.

- Будто хитрый дед усыновил тебя еще два года назад и оставил тебе все имущество?

Арванд кивнул, но как-то безрадостно. Конан внимательно посмотрел на него.

- Печаль по другу вытеснила из твоей души радость богатства, заметил он, словно подводя итог.

- Так и есть, - вздохнул Арванд. - Хотел бы я, чтобы Гунастр был здесь. Лучше бы он бранил меня, как прежде.

Конан пожал плечами.

- Что ушло, того не воротишь. Теперь ты сам хозяин. Самое время обзавестись помощником...

- Тобой, например, - вполне серьезно предложил Аренд.

- Ну уж нет, - сказал Конан. - Я прихлопну этих волчар - и ни часа лишнего здесь не останусь.

- Почему бы тогда тебе сразу не уйти!

- Думаешь, волки дадут мне спокойно отправиться восвояси? Будут устраивать засады, гнаться по следу... Нет уж, я сперва их прикончу. Там, где мне это удобно. И в то время, которое выберу я. А потом уж в путь. Подальше отсюда.

Арванд повернулся к печке, чтобы подбросить дров, и увидел, что Хильда спит у огня, прямо на полу. Арванд поднял ее на руки и перенес на широкую кровать, где обычно отдыхал старик. Гунастр любил, чтобы было попросторнее, и потому соорудил себе такое огромное лежбище, будто занимался здесь любовью с пятью дамами одновременно.

Спустя несколько минут на этом ложе уже спали, согреваясь теплом друг друга, все трое спасшихся от волчьих клыков. А два разъяренных зверя выли и скреблись под дверью до самого утра.

17

Сунильд разливала по светильникам масло. Сидя в деревянном кресле с прямой спинкой, Синфьотли молча смотрел, как движется среди неровных теней ее высокая, стройная фигура. Мать, несмотря на возраст, была все еще очень красива и величава, и он невольно залюбовался ею. В этот вечер ему хотелось забыть все ссоры.

- Мать, - негромко окликнул Синфьотли.

Женщина обернулась, и сына поразило выражение глубокой усталости, лежащее на ее

надменном лице. Казалось, груз невыносимой тяжести лег на эти прямые плечи и согнул их. В потухших глазах Синфьотли различил все те же огоньки ненависти, припорошенные золой, но так и не угасшие окончательно.

- Ты все еще ненавидишь меня? - поразился он. Синфьотли не ожидал, что Сунильд ответит, но спустя несколько секунд услышал ее глухой голос:

- Больше, чем-прежде.

- За что? - спросил он. - Теперь, когда Сигмунд вернулся...

При имени любимого сына лицо матери исказилось и рот задрожал.

- Молчи! - прошептала она. - Молчи, слепец.

В ее тихом голосе было столько ужаса, что он действительно замолчал. Она зажгла еще одну лампу и, не выпуская лучины из рук, подошла к нему поближе. Даже в неверном свете лучины он видел, как побледнели ее губы. Отражения огонька плясали в ее расширенных зрачках.

- Разве ты не видишь, _к_а_к_и_м_ он вернулся, Синфьотли? - сказала она еще тише. - Одним богам ведомо, кем стал мой сын. Лучше бы ты закопал его на равнинах, чем потерял его тело на подходах к Халога. Лучше бы ты... - Она замолчала.

- Что?

- Лучше бы ты оставил его на пищу степным волкам, - сказала мать, вздрагивая.

- Что ты говоришь? - закричал Синфьотли, разом утратив самообладание. - Разве не братом был он мне, разве он не твой любимый сын, чтобы я бросил его в степях, точно ненужную поклажу? Я вез его домой, чтобы ты могла в последний раз увидеть своего сына, а после оплакать его на погребении, достойном воина.

- Темные силы призвали его, и он ушел.. Сейчас он вернулся и...

- И я счастлив видеть своего брата. Что с тобой, мать? Что тебя так пугает?

- Не знаю, - медленно проговорила Сунильд. - Я не могу выразить этого словом. Но когда мой сын подошел ко мне, чтобы обнять, меня обожгло ледяным холодом. Мне показалось, что повеяло дыханием ада. Лед... и страх, мертвящий холодный ужас. И когда он коснулся, это было хуже ожога, холоднее стали на морозе. В его прикосновении было что-то нечистое, страшное. Нечеловеческое. Как будто руки, тронувшие меня, испачканы чем-то, что невозможно отмыть.

- Ты больна, высокородная Сунильд. Твоими устами говорит сейчас усталость.

Она медленно покачала головой.

- Нет, Синфьотли. И будь ты проклят за то, что не уберег своего брата мертвым. Сейчас он воскрес, и одни боги знают, за какие преступления его выпустили на землю из преисподней.

Синфьотли упрямо покачал головой.

- Нашему дому угрожала опасность. Ты ведь помнишь, как погибали наши слуги. И эти волчьи следы возле ворот и во дворе... Я призвал своего брата, чтобы он помог мне.

Сунильд смотрела на него расширенными глазами, точно не верила услышанному.

- Ты призвал его? - проговорила она еле слышно. - Ясень Игга, что ты наделал, Синфьотли! Он не переступил бы порог нашего дома, если бы ты не накликал этой беды.

- Какая же это беда? - Синфьотли наконец вышел из себя, рассерженный упрямством этой женщины, которую он не понимал. Ее страх раздражал его, казался бессмысленным и глупым. - Разве он не был твоим любимым сыном? Разве ты не говорила мне не раз, что предпочла бы видеть мертвым меня, а не его?

Лучина в руке Сунильд затрещала и погасла. Женщина бросила ее в медный таз с водой, поставленный на полу под светильником.

- Ты тоже боишься, - сказала она, и ее большая тень на стене заколебалась и вздрогнула. - Ты избегаешь называть его по имени.

Синфьотли прикусил язык. А ведь мать права. Он действительно не смеет выговорить вслух:

"Сигмунд". Как будто знает, _ч_т_о_ за этим последует. А что, собственно, такого последует? Явится Сигмунд, странный, полузнакомый, получужой, но ведь он брат. Он не может желать зла своему кровнику. Он придет на помощь.

- Вздор! - в сердцах сказал наконец Синфьотли. - Ты просто слишком устала. Все эти тревоги, беспокойство за Соль...

Он замолчал. Раскаленной иглой вошел в него страх за любимую дочь. Пока оборотень бродит поблизости, его девочка в опасности. Ради нее он в тоске и отчаянии призывал на помощь брата, не догадываясь о том, что живой мертвец бродит поблизости, только и дожидаясь этого зова, чтобы переступить порог. Простая душа Синфьотли упрямо противилась всяким разговорам о каком-то там колдовстве.

Все было ясно. Был оборотень, эта чертовка Хильда, которую он по глупости пожалел и привел в дом. Была дочь, невинное юное существо, одолеваемое демонами. Соль с ее увечьем казалась Синфьотли такой беззащитной, что у этого черствого человека порой щемило сердце. Он знал, что разорвет голыми руками всякого, кто посмеет причинить ей зло.

Погруженный в свои мысли, он даже не заметил, как мать ушла. Сунильд ступала бесшумно, как призрак. И вместе с ней ушли ночные шорохи и смутные тревоги.

Когда Синфьотли открыл глаза, в окне уже показалась тонкая фиолетовая полоска близкого рассвета. Он зябко поежился. Что-то во вчерашнем разговоре с матерью оставило в его памяти неприятный след. Она боялась. Кого? Теперь, когда Сигмунд вернулся, когда он взял их под свою защиту, им некого бояться. Они самые сильные во всем городе, ибо их охраняет рука Младшего Бога. Великое счастье - служить детям Младшего Бога.

Синфьотли улыбнулся и тут же нахмурился. Ему вдруг показалось, что эти мысли кто-то ему внушил. Разве мог он, гордый Синфьотли, произнести эти слова: "счастье служить"? Он никогда никому не служил. Он склонял голову только перед своим учителем и своей матерью.

Синфьотли тряхнул головой, отбрасывая со лба светлые волосы. Стоит ли забивать себе голову такими глупыми мыслями, если не решено главное: опасность, угрожающая его дочери, все еще бродит по Халога.

И стоило ему подумать об этом, как в темноте за окном промелькнула светлая тень. Предрассветные сумерки не могли скрыть от Синфьотли очертаний крупного хищника.

Синфьотли гибким движением поднялся на ноги. Он передвигался бесшумно, точно и сам в мгновение ока превратился в дикого зверя. В давние годы, когда Синфьотли был еще мальчиком, Гунастр, растерзанный чудовищем, которое сумело уйти от людской кары, заставлял его часами наблюдать за кошкой, охотящейся на птиц. И Синфьотли, более терпеливый, чем его брат, научился подражать повадкам этого зверя. Впоследствии этот урок не раз пригодился ему.

Он вытащил из ножен кинжал, взял заготовку для факела, оставленную Сунильд в связке возле очага, и быстрым движением заточил острие, превращая факел в кол. Как ни презирал Синфьотли всякого рода магию, но, истинный северянин, все же знал в ней кое-какой толк. Трудно было вырасти среди легенд и живых преданий, среди краснобаев и очевидцев (подчас трудно было отличить одних от других) - и не иметь представления о том, как отобрать у горного народца клад, как отвести беду, если вздумает морочить голову лешак, что нужно делать, если вдруг обозлится на домашних невидимый Хозяин и начнет по ночам душить людей в их постелях, пугать скотину и рассыпать в кухне зерно. И о том, что нужно делать с оборотнями, Синфьотли имел представление не хуже любого другого своего земляка.

Осторожно приоткрыв дверь, он выглянул во двор. Из дома повалили клубы пара - перед рассветом стало еще холоднее. Опасаясь что пар и резкие домашние запахи могут его выдать, Синфьотли поспешно притворил за собой дверь. Он стоял на пороге, пригнувшись, держа в правой руке остро заточенный кол, а в левой обнаженный меч. Он знал, что действовать ему

придется быстро, времени для раздумий не будет, и потому знакомое оружие взял в левую руку.

Во дворе никого не было. Но Синфьотли явственно ощущал злую волю притаившегося поблизости чужого существа. В холодной расчетливой злобе было что-то нечеловеческое, и в то же время Синфьотли улавливал и нечто прямо противоположное: хитрый, вполне человечий ум, не лишенный даже своеобразного юмора. Больше он не сомневался - Хильда была здесь. Вернулась, чтобы завершить начатое дело.

Синфьотли тихо прошел по дорожке в сторону конюшни. Здесь тоже никого не было. Он обошел весь двор, попеременно заглядывая во все укромные закутки. Ему казалось, что невидимый взор горящих красных глаз с насмешкой провожает его. То и дело он внезапно оборачивался, но никого за спиной не было. И все же он был уверен в том, что она здесь и следит за ним, усмехаясь. Мысль об этой усмешке сводила его с ума.

Снег во дворе, словно в насмешку, был весь изрыт волчьими следами. Резкий звериный запах точно повис в воздухе. Синфьотли весь дрожал от возбуждения и охотничьего азарта. Каждое мгновение он ждал, что вот сейчас заглянет за угол поленницы - и среди дров и баков для воды увидит притаившегося зверя. Но раз за разом его ждало разочарование. Он понимал, что эту игру в прятки ведьма затеяла лишь для того, чтобы вывести его из себя, и потому сдерживал свой гнев, опасаясь потерять голову и наделать досадных промахов, которые будут стоить жизни не только ему, Синфьотли, но и его дочери. Поэтому он терпеливо, шаг за шагом, осматривал двор и старался не допускать ярости в свое сердце.

Никого. Пустота - и этот постоянный насмешливый взгляд в спину. Синфьотли скрипнул зубами. Ему невыносимо было думать о том, что над ним потешаются.

Наконец он снова вернулся к конюшне и заглянул внутрь. И мгновенно отпрянул: прямо у входа из темноты на него смотрели две красных горящих точки. Синфьотли стиснул рукоять меча, чувствуя, как страх подступает к горлу. Он не думал прежде, что будет кого-то так бояться. Но ему понадобилось несколько секунд, чтобы преодолеть ужас и заставить себя сделать шаг назад. Красные точки отступили в глубь конюшни, погруженной в глубокую влажную темноту. Словно далекий гром, послышалось приглушенное рычание, заклокотавшее в горле зверя.

Синфьотли сделал еще несколько шагов. Он понимал, что чудовище нарочно заманивает его подальше в темноту, где человек потеряет все преимущества перед зверем (если они и были). Но больше поддаваться страху он не мог и не хотел.

- Я не боюсь тебя, - пробормотал он. Но он боялся. Страх опутал темнее помещение так, словно там была натянута клейкая паутина. Куда ни ступишь - обязательно наткнешься на липнущую к телу нить.

Волчица отступила еще дальше и приготовилась к прыжку. Сейчас для нее ни что не имело значения: ни ее детская привязанность к человеку, которого она считала своим отцом до тех пор, покуда голос крови не стал ей внятен; ни ранимость юной глухой девушки, в теле которой обитал дикий дух Младшего Бога. Она видела только одно: ее законная добыча, человек, привычно пахнущий страхом, взбунтовался и пытается вступить в единоборство. Она подумала о том, как зубы вонзаются в живую плоту и затрепетала, предвкушая наслаждение. Добыча цеплялась за бесполезную холодную сталь, точно утопающий за протянутое ему с лодки весло, и хищница весело оскалилась: сталь не поможет человеку против оборотня. Ни на мгновение волчица не задумывалась над тем, кто стоит сейчас перед ней в темноте конюшни. Ей не было дела до имени этой трепещущей плоти. Она хотела одного: уничтожить, раздавить жалкий человеческий дух, а потом восторжествовать над сладким человеческим мясом.

И вдруг человек громко вскрикнул и бросился в атаку. Только одно имя могло заставить Синфьотли преодолеть почти сверхъестественный ужас, сковавший его точно цепями. Это было имя его дочери, и он выкрикнул его в лицо оборотню, точно боевой клич.

И столько силы было в этом выкрике, столько боли, страха и нежности вложил в это короткое слово Синфьотли, что волчица услышала его - не слухом, ибо и в волчьем теле Соль была глуха, - но тем внутренним "ухом", которое позволяло ей слышать призывы Сигмунда. Никогда прежде она не слышала Синфьотли. И поскольку братья действительно были очень похожи между собой, ей на мгновение показалось, что ее окликает Тот-Кто-Сильнее, ее повелитель, ее отец.

Она отпрянула и застыла в растерянности. А человек бросился вперед и еще раз повторил, с отчаянием и решимостью, как будто черпал в этом коротком слове поддержку:

- Соль!

Она сжалась. И в этот миг в воздухе просвистел меч. Синфьотли метнул его, как кинжал, заранее зная, насколько это опасно в том случае, если он промахнется. Но он не промахнулся. Волчица, все еще пребывавшая в нерешительности, замешкалась, вглядываясь в приближающегося к ней человека, и меч пригвоздил ее к доскам пола.

Она пронзительно завизжала. У Синфьотли заложило в ушах от этого нестерпимого звука. Извиваясь, хищница стала дергаться, пытаясь вырваться на волю. Недоумение, ужас, боль предательства бились в ней, точно плененные птицы. Как же так? Ведь это он, ее отец, ведь это тот, кто влил в ее жилы отравленную кровь богов. За что он казнит ее? Не он ли научил ее сладости убийства? Не он ли сам показал ей, сколь жалки люди и сколь сильны на земле дети Младших Богов, отвергнутые людьми и не принятые Старшими Богами?

Не помня себя, Синфьотли занес над поверженным зверем остро отточенный кол и с силой вонзил его в задравшийся к нему беззащитный белый живот. В отличие от несчастного Гунастра, распоровшего брюхо волку-Сигмунду, у Синфьотли не было ощущения, будто оружие входит в солому. Затрещали ткани живой плоти, и в лицо Синфьотли брызнула горячая кровь. Волчица пронзительно закричала срывающимся женским голосом. На ее пасти запузырилась кровавая пена. Она стала биться об пол своим сильным гибким телом. Синфьотли отшатнулся, стирая кровь с лица. Лапы с острыми когтями скребли пол, оставляя в нем глубокие борозды. Крики умирающей становились все тише. Странный глухой голос произнес в темноте конюшни:

- Господин...

Синфьотли затрясся. С этим словом к нему могла обратиться только она, проклятая ведьма. Хильда всегда считала своим господином Синфьотли, потому что именно он привел ее в дом и отдал в услужение своей матери. Будь сейчас у Синфьотли в руках второй кол, он бы и его вонзил ей в сердце в ответ на это обращение.

Тряхнув головой, он провел ладонью по глазам и моргнул несколько раз. В полумраке на полу конюшни лежала, раскинув руки и подогнув под себя ноги, женщина. Ее длинные светлые волосы разметались по грязному полу. Густая прядь плавала в луже темной крови; через секунду волосы намокли, отяжелели и опустились. Из ее живота торчал деревянный кол, загнанный в тело безжалостно и грубо. Увидев это, Синфьотли невольно содрогнулся.

Превозмогая отвращение, он резким движением выдернул кол.. Тело обмякло. Женщина вздохнула в последний раз, выплеснув из зияющей раны слабенький фонтанчик крови, и затихла. Синфьотли схватил ее за ноги и поволок вон из конюшни. Ногой оттолкнул притворившуюся было дверь и швырнул тело убитой на снег.

Она упала, глухо стукнувшись головой о порог. Красная прядь легла на ее лицо, залепив широко раскрытый рот. Синфьотли смотрел на нее не отрываясь.

- Я убил тебя, - сказал он наконец. - Больше ты не будешь тревожить покой моей дочери.

Ему казалось, что сознание у него мутится. Но это длилось лишь миг. Затем он снова выпрямился, чувствуя себя сильным, отважным воином, который знает, чего он хочет.

И все же что-то было не так. Как будто он нарушил чью-то волю или ослушался, и теперь

последует наказание.

Глупости! Синфьотли сердито передернул плечами. Ему нет дела до чьей-то воли, чья бы она ни была. И о каком "наказании" может идти речь? Разве ему нужно перед кем-то отчитываться?

Склонившись, он хозяйским движением убрал волосы с лица колдуньи. Он ожидал увидеть мелкие черты Хильды и не сразу понял, кого убил, настолько был ошеломлен тем, что перед ним _н_е_ Хильда. Осознать это было еще труднее, чем понять самое страшное: на снегу с распоротым животом лежала Соль. Нагое тело, оскверненное страшной раной, было синеватым от кровопотери. Пышная грудь торчала так вызывающе, точно колола глаза. Соски посинели и сморщились. В углах искусанного распухшего рта запеклась черная пена. Подернутые белесой пеленой глаза закатились. Даже волосы, золотые волосы Соль, казались мертвыми на пушистом свежем снегу.

- Нет, - тихо сказал Синфьотли. - Нет.

Он выпрямился, вытер лицо снегом, не замечая, что кровь волчицы-Соль запачкала его с головы до ног. Потом повернулся и пошел прочь. Когда он шел по улицам Халога, шатаясь и натыкаясь на прохожих, многие принимали его за пьяного, а всезнайка Хуннар через несколько часов уже рассказывал в казарме о том, что нынче на рассвете Синфьотли убил вервольфа и сошел с ума.

18

Синфьотли остановился, точно от удара. Он не сразу понял, что наткнулся на какое-то препятствие, а поняв, бессвязно выругался и схватился за кинжал. Первым его порывом было желание распороть лоснящийся черный бок лошади, преградившей ему путь. Чьи-то ноги качнулись в меховых стременах и сжали лошадиные бока, не позволяя животному отпрянуть.

- Кто ты такой? - зарычал Синфьотли. - По какому праву останавливаешь меня?

- Мое имя Амальрик, - отозвался чистый, детский голос. - Я останавливаю тебя по праву сильного, Синфьотли.

Синфьотли поднял голову. Он увидел, что перед ним мальчик лет двенадцати, в белом меховом плаще с красной шелковой подкладкой. Он был вооружен. Льняные прямые волосы перетянуты простой кожаной лентой. Осанка у этого ребенка была прямо-таки королевской, и неспроста: за спиной у него стоял небольшой, но хорошо снаряженный отряд человек в пятнадцать. Этого бью довольно, чтобы Синфьотли подчинился.

- Что тебе нужно, молодой граф? - спросил он.

- Ты убил вервольфа, - ответил мальчик.

- Откуда тебе известно, черт побери?

Амальрик пожал плечами. Его мальчишеское лицо, усыпанное бледными веснушками, осталось серьезным, когда он ответил:

- Добрая слава об этом бежит впереди тебя верным псом, но страшная кара за сделанное крадется за тобой по пятам, как медведь-людоед. Зачем ждать, пока он встанет на дыбы за твоей спиной?

Синфьотли побелел и схватился за грудь. Но не страх был тому причиной, смертная тоска по Соль вдруг овладела им, да так, что он запрокинул голову и глухо простонал, невидящими глазами глядя в белесое снежное небо. В этот миг он не был больше собой. Он словно вселился в тело своего брата. Синфьотли не просто знал, что делает сейчас Сигмунд. Он б_ы_л_ Сигмундом.

Он стоял посреди двора дома высокородной Сунильд над окровавленным телом своей дочери и, не веря своим глазам, вглядывался в ее мертвые черты. Нос уже заострился, скулы выступили, щеки ввалились. Снег как будто исхлестан красной плеткой - это следы от

окровавленных прядей волос. Длинных золотых волос красавицы Соль.

Сигмунд закричал, падая в снег возле трупа девушки. Он обхватил руками ее раскинутые ноги и прильнул ртом к коленям. Смертельный холод встретили его губы там, где прежде встречали жар. Стройный белокурый человек зарычал, - скаля зубы. Из угла его рта потекла слюна. Изнемогая от тоски, тихо повизгивая, как пес, потерявший хозяина, Сигмунд скорчился рядом с мертвой Соль. Судорогой свело его руки, жадно схватившие убитую за плечи. Затем он приподнялся, вгляделся в ее прекрасное лицо и несколько раз приложился к раскрытому рту, точно надеясь вдохнуть в нее жизнь. Соль оставалась неподвижной.

- Кто убил тебя? - спросил он.

Она не ответила. Он знал, что она уже не ответит ему. И тогда он сдался. Когда Сунильд вышла на крыльцо, она увидела, что Сигмунд, потеряв голову, визжит и лижет зияющую рану на животе ее мертвой внучки.

- Что с ним, господин граф? - спросил один из дружинников, когда Синфьотли безвольно опустился на снег возле ног лошади Амальрика.

Мальчик дернул поводья, и лошадь отступила на несколько шагов.

- Возьмите его в седло, - распорядился он. - Это обморок. Боюсь, что рано или поздно вервольф придет за ним.

- Вервольф убит, - возразил кто-то.

Не оборачиваясь, Амальрик сказал:

- Их было двое. Я сам видел. Второй придет отомстить. Возьмите его в седло, я сказал, и отвезите ко мне домой.

- Это неразумно... - начал тот же голос, но мальчик уже разворачивал свою лошадь.

- Позвольте мне самому решать, - коротко бросил он на ходу.

Низко висела над равнинами ущербная луна. С кинжалом в руке Сигмунд стоял на том самом месте, куда впервые вызвал к себе Соль. Точно так же торчал перед ним пень, оставшийся от старого дерева, и ему показалось, что еще немного - и появится вдали легкая тень бегущей девушки.

Он опустил веки, а когда снова поднял их, в глазах уже горел дьявольский красный огонь. Не задумываясь больше, он поднял кинжал и вскрыл себе вены. Кровь хлынула на камень, украшающий рукоять, и впиталась в него, как в губку. Потоки алого света залили снега далеко вокруг Сигмунда. Не обращая внимания на то, что кровь стекает по рукаву, он воздел руки к луне и начал звать:

- Отец мой, Младший Бог, не имеющий еще мужского имени! Вот льется твоя кровь, и клянусь, вся она уйдет в эти снега и растает под весенним солнцем, если ты не откроешь мне того, что я хочу знать. Я уже мертв и мне недолго осталось, но перед тем как уйти навсегда, я должен отомстить, и ты мне поможешь...

Он замолчал. Горло у него перехватило. Ветром несла по равнине поземку, и ему опять почудилась легкая, быстрая фигурка девушки, спешащей на его зов. Тишина опустилась на равнину. Казалось, даже ветер смолк. И вдруг под небом прокатился глухой, низкий голос, который проникал прямо в душу, минуя слух. Мощные вибрации этого тяжелого голоса отдавались во всем теле, и у Сигмунда было впечатление, будто даже кости загудели.

- Кто ты, посмевший угрожать мне?

- Я твой сын! - крикнул Сигмунд и снова прислушался.

Там, наверху, наступила пауза, как будто некто невидимый вглядывался в маленькую человеческую фигурку, застывшую в неподвижности. Затем голос вздохнул.

- Да, я узнал твою кровь. Твоя мать была холодна, как лед, и я не захотел больше посещать ее. Ты - Сигмунд, сын похоти и безразличия.

- Да, это я, отец.

- Густа наша кровь, и негоже ей пропадать. Останови ее.

- Как мне сделать это, отец? Я вскрыл себе вену.

Младший Бог, казалось, задумался. Потом проговорил:

- Ты должен захотеть.

Сигмунд опустил голову.

- Я хочу, - тихо сказал он, обращаясь к черным каплям, бежавшим с его запястья на снег. - Остановитесь. Я хочу сохранить вас в своих жилах.

Но капли продолжали падать одна за другой.

Сигмунд бросил кинжал и упал на колени, припадая губами к запястью.

- Остановись, - отчаянно крикнул он своей крови. - Отец, помоги мне!

- Нет, - пророкотал голос, разливаясь под небом. - Эта кровь старше меня. Если она не слушается тебя, то и до моих приказов ей не будет никакого дела.

- Отец, - прошептал Сигмунд. - Иди ко мне. Хоть раз в жизни я хотел бы увидеть тебя...

Он замолчал, стиснув зубы, чтобы они не стучали. Прошло еще несколько минут. Все вокруг молчало, но Сигмунд чувствовал на себе нечеловеческий взгляд, от которого некуда было скрыться. Словно все небо, раскинувшееся над ним, наблюдало за Сигмундом тысячами глаз.

Потом направление взгляда сместилось. Только что тот, кто следил за ним, был наверху, и Сигмунд улавливал его присутствие макушкой, и вот уже невидимые глаза смотрят ему в спину...

Вдали показалась человеческая фигура. Кто-то медленно шел по равнине, и снег вился вокруг ног человека, точно он был закутан в необъятную мантию и путался в просторном подоле. Чем ближе он подходил, тем более внушительным и страшным казался. Сигмунд стоящий на коленях, смотрел, как перед ним вырастает черный силуэт широкоплечего человека. Он был очень юн и ослепительно красив. На тонком лице едва пробилась первая борода. Сощуренные светлые глаза смотрели холодно и безучастно. И было что-то в его лице такое, что заставляло вспомнить о Соль.

- Отец, - повторил Сигмунд.

Юный Бог казался намного младше своего смертного сына.

Он опустился рядом с Сигмундом на колоны и взял его за руку. Долго всматривался он в беспрестанно бегущие тяжелые капли крови, улыбаясь, как будто встретил после разлуки старого друга. Создавалось впечатление, что до самого Сигмунда ему нет никакого дела.

- Спаси меня, отец, - прошептал Сигмунд. - Я должен отомстить.

- Говори, - велел Младший Бог и посмотрел ему в глаза. Мертвенный холод пронзил Сигмунда, когда он встретил этот взгляд. Но он заговорил, чувствуя, что слабеет с каждой минутой.

- У меня была дочь. Я зачал ее обманом, подобно тому, как много лет назад зачал меня ты. Моя девочка, Соль с золотыми волосами.

- Да, - отозвался Младший Бог, - я помню ее. Слабое, несчастное создание, обреченное на смерть.

- Она мертва. Они убили ее. Они вонзили деревянный - кол прямо ей в живот. У нее был гладкий красивый живот, как чаша цветка, только что расцветшего посреди реки... Я нашел ее на рассвете мертвую, и она уже не ответила мне, кто сделал это.

- Я могу дать тебе ответ, - медленно проговорил Младший Бог. - Но зачем? Какой прок тебе в том, чтобы узнать это?

- Я отомщу, - сквозь зубы процедил Сигмунд. - Клянусь, я отомщу.

- Ты уже не успеешь, - сказал Младший Бог и взял своего сына за руку. - Ты умираешь, Сигмунд.

- Имя, - настойчиво повторил раненый, но божество, погруженное в свои размышления, даже не расслышало его просьбы.

- Слишком много в тебе от человека, - задумчиво произнес Младший Бог. - Странное, непонятное племя. Даже когда ты был волком, ты оставался человеком. Ты не мог забыть этого ни на миг. Скажи мне, хорошо быть человеком?

- Не знаю, - с трудом сказал Сигмунд. - Не понимаю.

- Что чувствуют люди? - продолжал допытываться юноша. - Я никогда не понимал этого. Что ты чувствуешь, Сигмунд? Ответь мне - и я скажу тебе, кто убил твою дочь!

Сигмунд слегка пошевелился и приложил ладонь ко рту, отирая слюну.

- Боль, - сказал он. - Я чувствую боль. Теперь твоя очередь отвечать. Кто вонзил деревянный кол в живот моей дочери?

- Твой брат Синфьотли - вот кто сделал это.

Сигмунд вдруг разом ослабел и опустился всем телом на снег, уже не ощущая холода. Младший Бог уложил его голову себе на колени.

- Да, ты похож на меня, - сказало юное божество, склоняясь над своим умирающим сыном и рассматривая его лицо с холодным любопытством. - Жаль, что я плохо знал тебя раньше..

Он приложил к губам раненое запястье и отпил немного крови.

Сигмунд забился, как пойманный зверь.

- Что ты делаешь, отец?

- Хочу узнать тебя поближе. - Прекрасное молодое лицо улыбнулось ему ртом, который стал больше и утратил очертания, запачкавшись кровью.

Сигмунд вдруг заплакал. Слезы сами полились из его глаз, никогда прежде не знакомых с их тягостной горечью, и удивительно было этому суровому человеку плакать. Младший Бог отер его щеку и лизнул свою ладонь.

- Что это? - спросил он удивленно. - Мои дети никогда прежде не источали такой жидкости.

- Наверное, слезы, - ответил Сигмунд. - Отец, помоги мне.

- Не могу. Говорю тебе, не все в мире мне подвластно. Скажи, твоя дочь была красива?

- Она была похожа на тебя.

- Я никогда не видел ее. Только слышал. Тихий, слабый призыв. Иногда я откликался. В последнее время призыв стал громче.

- Она пролила свою кровь на твой камень.

- А! Значит, я слышал истинный голос. Я хочу увидеть ее лицо, Сигмунд.

- Отомсти за нас, - шепнул Сигмунд.

Младший Бог, не отвечая, встал на ноги. Голова умирающего бессильно упала в снег. Юноша встал и повернулся к умирающему спиной. Новая мысль целиком овладела им, и он успел забыть о своем сыне. Быстрым шагом он двинулся прочь, направляясь в сторону города. Он шел легко, и казалось, что его обутые в меховые сапоги ноги ступают не по снегу, а касаются легкой поземки, не снисходя до соприкосновения с землей.

Лежа на боку и глядя на свою вытянутую вперед раненую руку, Сигмунд смотрел и смотрел, как по капле уходит из его тела жизнь. Потом сладостная легкость завладела им, он закрыл глаза, и тишина снизошла на его беспокойную душу.

Дом высокородной Сунильд был полон света. В каждой комнате горела лампа. Трещали факелы в пиршественном зале. Смрадно чадило масло в лампах в узких переходах. Тонкий дым поднимался от сосновых лучинок, когда они прогорали.

Соль, одетая в подвенечное платье, лежала на столе. Четыре золотые чаши стояли по четырем углам тяжелого пиршественного стола, в них искрилось красное вино - лучшее вино из погребов этого богатого дома. Украшения - драгоценные камни, золотые броши, браслеты,

перстни, наборные пояса - лежали, наваленные кучей, в ногах мертвой девушки. Свет факелов играл на гранях камней, отбрасывая разноцветные отблески на светлый подол ее платья. Волосы девушки Сунильд своими руками спрятала под головной убор, украшенный каменьями. Когда собралась вдевать тяжелые серьги, вспомнила, что у Соль не проколоты уши. Осторожно, словно опасаясь причинить покойнице боль, проткнула мочки ушей длинной иглой и украсила ее серьгами, подарком покойного мужа.

Эта одежда и водопад драгоценностей немного смягчили выражение смертной муки, застывшей на лице Соль. Сунильд не спешила. Завтра на рассвете она запалит свой дом и предаст огню все, на чем лежало проклятие богов. В том числе и себя самое. Но нынешняя ночь у нее еще осталась, и есть время подумать, перебрать ушедшие годы, точно крупные жемчужины на нитке.

Она села за стол, задумалась. В доме царила мертвенная тишина, и треск факелов лишь подчеркивал ее, не нарушая. Неожиданно старая женщина поняла, что кто-то смотрит на нее из темноты, и, не оборачиваясь, резко приказала:

- Входи.

Почти мгновенно послышались тяжелые шаги. Кто-то массивный перешагнул порог, постоял секунду-другую и двинулся к ней. Сунильд сидела не шевелясь и смотрела, как на стене перед ней растет тень.

- Ты не мой сын, - сказала она наконец.

- Нет, - отозвался тяжелый голос, и старая женщина задрожала. Встань, Сунильд и обернись ко мне. Я хочу увидеть, какой ты стала. Говорят, люди живут недолго и очень быстро стареют.

- Это правда, - сказала Сунильд, которую почему-то ничуть ни удивили слова незнакомца. Она чувствовала их глубокую внутреннюю правду: тот, кто говорил это, действительно был удивлен.

Сунильд поднялась и обернулась. В свете факелов она увидела лицо юноши, почти мальчика, с широко расставленными глазами, светлыми и наглыми. Было в нем что-то нечеловеческое. Может быть, это впечатление вызывала пугающая правильность его черт. А может быть, то, что он был немного крупнее любого человека. Самую малость, чуть-чуть, но именно это неуловимое "чуть-чуть" и заставило ее содрогнуться.

- Подними голову, чтобы я мог получше рассмотреть тебя, - сказал он, и она повиновалась. Он протянул руку и коснулся ее виска ледяным пальцем. Сунильд показалось, что холод проник до мозга ее костей. Она стиснула зубы, чтобы не закричать.

- Что это? - удивленно спросил юноша. - Здесь, возле глаз, какие-то складочки.

- Это морщины, - сказала Сунильд. - Кто ты?

- Однажды ночью я пришел к тебе, и ты была моей, - сказал он просто, и опять она почувствовала, что он не лжет ей и не хочет оскорбить. Он просто констатирует.

- Я принадлежала только своему мужу.

- Я приходил к тебе после того, как твоего мужа задрал вепрь, возразил юноша. - Ты была очень красива, Сунильд. Видишь, я даже вспомнил твое имя. Сунильд-Ледышка. Удивляюсь, как мое семя не превратилось в сосульку, оказавшись в твоем лоне. Какая ты была холодная, женщина! Больше я никогда не приходил к тебе.

- Как твое имя? Кто ты? - повторила она, слабея.

- У меня нет имени, - ответил юноша, - я всего лишь Младший Бог. Много веков пройдет, прежде чем отрастет моя борода. А почему ты дрожишь? Ты уже старая, ты скоро умрешь - я не трону тебя.

- Я не боюсь тебя, - ответила Сунильд - Мне уже все равно. Скажи, мальчик, это от тебя я понесла Сигмунда?

- Да, - ответил он. - Из него получился хороший воин. Я доволен им.

- О да, - сказала Сунильд. - Он был моим любимым сыном. Но он погиб в сражении с киммерийцами. А потом вернулся. И я возненавидела его.

Младший Бог смотрел на нее с интересом.

- За что? - спросил он и добавил совсем по-детски: - Я никогда не понимал людей. Твой сын вернулся сильнее, чем ушел. Он стал великим. Он преклонялся перед тобой. С его помощью ты могла бы стать владычицей этого города.

- В нем было что-то нечистое, - сказала старая женщина. - И я отвергла его. Он замарал мою внучку, несчастное, невинное дитя.

- Замарал? - Младший Бог выглядел растерянным. - Что ты хочешь этим сказать?

- Я думаю, что он обесчестил ее, после чего она предалась ему душой и телом и вместе с ним стала творить злодеяния.

Младший Бог покачал головой.

- Я не знаю, какие у них были отношения, - сказал он. - Когда они оба были волками, они могли позабыть о том, что они родня. Но ему не нужно было овладевать ею, чтобы вовлечь ее в круг своей жизни.

- Почему? - спросила Сунильд заранее зная, каким будет ответ.

- Он ее отец, - сказал юноша. - Он _б_ы_л_ ее отцом.

Оба помолчали. Потом Сунильд вымученно улыбнулась.

- Прости меня, Младший Бог. Я совершенно растерялась. По людскому обычаю, я должна была сразу пригласить тебя за стол. Садись, я приготовила вина.

Они сели за стол. Мертвая девушка в подвенечном наряде лежала между ними, как главное блюдо свадебного пиршества. Драгоценные камни, насыпанные вокруг тела, казались фруктами на этом странном пиру. Сунильд взяла чашу с вином. Младший Бог, который старался быть вежливым и потому во всем подражал хозяйке дома, последовал ее примеру. Он отхлебнул вина и улыбнулся.

- Некоторые людские обычаи мне очень нравятся.

С этими словами он взял горсть перстней и отправил их в рот. Золото и рубины захрустели у него на зубах. Прожевав их и спокойно запив глотком вина, он все с той же благосклонной улыбкой поднял глаза.

- Вот мы сидим с тобой, высокородная Сунильд, как муж и жена, за пиршественным столом. Клянусь, это что-то новое для меня. Ты мне нравишься, Ледышка. С годами ты стала лучше. Сильнее. Жаль, что некрасива. А эта девочка на столе - для еды?

- Да спасут нас великие боги, что ты говоришь, мой божественный супруг! - Сунильд с трудом подавила дрожь.

- Я спросил потому, что раньше видел, как за столом едят. Прости мое невежество, хозяйка дома. Я всего лишь не хочу быть неучтивым.

- Мертвая девочка - Соль, дочь твоего сына.

- А! - Он приподнялся и с интересом всмотрелся в ее лицо. - Хорошо, что у вас не едят мертвых. Это, наверное, правильно. Их сила принадлежит земле, пусть уйдет в землю.

- Все когда-нибудь уйдет в землю, - сказала Сунильд.

Не слушая, Младший Бог взял мертвую за шею и повернул ее к свету факелов. Тяжелые серьги качнулись, по столу пробежали золотые блики. Одна мочка оборвалась - Сунильд слишком низко проколола ухо. Младший Бог не обратил на это никакого внимания.

- Да, она похожа на него, - сказал он наконец. Резким движением он приподнял Соль и прижался щекой к ее мертвой щеке. - Посмотри, Сунильд, разве ты не замечаешь сходства?

Старая женщина не отвечала. Эти два лица, бледные, с одинаковыми чертами, пугали ее.

Слишком резким казался контраст между крупным, полным лихорадочной жизни ликом Младшего Бога и тонким, хрупким, безжизненным личиком Соль.

Юноша опустил тело девушки обратно на стол, не заметив, что одна рука у нее неловко подвернулась, и задрал ее платье. Обнажился живот и страшная, уже почерневшая рана, по которой он провел рукой.

- Оставь ее в покое! - не выдержала Сунильд. - Не тревожь мертвую.

- Хорошо. - Младший Бог одернул юбку и уложил Соль обратно на стол, не удосужившись поправить ее руку. - Почему тебя это так беспокоит?

- Не знаю. Она дитя, и она мертва. Зачем ты трогаешь ее?

Младший Бог пожал плечами.

- Хотел посмотреть, вот и все. Разве это оскорбительно?

- Да, - тяжело переводя дыхание, ответила Сунильд. - Это оскорбительно.

- Ее живот был как чаша цветка, - проговорил он. - Так рассказывал мне твой сын, прежде чем умереть.

Сунильд застыла. Это юное, ко всему равнодушное, любопытствующее существо наполняло ее безотчетным ужасом.

Легкость, с которой он произнес последнюю фразу, раскрыла перед ней его бесчеловечность - вернее сказать _н_е_человечность - куда ярче, чем его необычная внешность или даже его бессмертие.

- Какой сын? - еле слышно спросила она.

- Наш сын, - спокойным тоном ответил он и снова глотнул вина, на сей раз из другого бокала. - А у этого какой-то другой вкус. Ты наливала из разных бочек, я правильно угадал?

- Сигмунд?

Он кивнул, не отрываясь от бокала. Сунильд схватила его за руку.

- Скажи, он умер окончательно? Он не вернется больше?

- Нет. Почему ты так взволнована, женщина? Я опять сделал что-то оскорбительное?

- Мне больно, - еле слышно выговорила она. - Если бы ты знал, мальчик, как мне больно...

- Да, он тоже так говорил, - с важностью кивнул Младший Бог. Казалось, он был рад продемонстрировать свою осведомленность хоть в чем-то, касающемся человеческой жизни. - Умирая, наш сын говорил те же самые слова. Пока человек живет, он чувствует боль.

- Это правда, - сказала Сунильд. Она поднялась. Ей лицо окаменело. А теперь уходи, Младший Бог. Уходи отсюда. Я не хочу тебя больше видеть.

Хильда поставила на стол миску с репной кашей. Конан посмотрел на кашу с откровенным отвращением.

- Неужели ты не нашла ничего получше, женщина? Ты бы мне еще сена насыпала. Я все-таки не конь, - недовольно пробурчал он.

Хильда испуганно моргнула.

- В доме больше ничего не было, господин. Я сварила то, что нашла.

- И я тебе не господин! - разозлился варвар.

- Простите... - Хильда чуть не плакала, в то время как Конан раздраженно ковырял кашу пальцем, не решаясь приступить к трапезе.

Конан поднял голову и окончательно уничтожил ее пронзительным взглядом.

- Вот когда станешь хозяйкой в этом доме, тогда и будешь скупердяйничать. А сейчас могла бы и расщедриться, за чужой-то счет.

- Как я могу стать хозяйкой? - пролепетала Хильда, смешавшись.

Конан выразительно повел своими пудовыми плечами.

- Очень просто. Как ваша сестра пролезает в сердце мужчины? Тебе виднее, девочка. Тут

глазами поморгала, там рожицу плаксивую скривила вот уже дурак-мужчина и растаял и начал делать разнообразные глупости...

Она заплакала. Конан плюнул с досады.

- Думаешь, этим ты меня разжалобишь?

- Я не понимаю, о чем вы говорите, - тихо сказала Хильда.

- Арванд старый дурак, совсем голову из-за тебя потерял. Вот о чем я говорю. Как тебе это удалось - понятия не имею. До Амалазунты тебе далеко, я сам смотрел. А я даже из-за такой женщины, как Амалазунта, головы не теряю. Так что ты, скорее всего, действительно ведьма...

Он сердито махнул рукой и принялся есть кашу. Арванд с утра пропадал в казарме - разбирался с наследством, надо полагать. А эта хилая девчонка уныло слонялась по дому и вздрагивала от каждого шороха. Теперь вот, желая угодить своему единственному имеющемуся под рукой защитнику, осчастливила его репной кашей. Стоит рядом, переживает - боится навлечь немилость.

Под окном послышался шум. Топот копыт - видно, подъехал отряд конных. Загалдели мужские голоса. Конан отодвинул кашу, встал, потянулся за мечом. Хильда, безмолвно раскрыв рот, бросилась к нему и прижалась всем телом к могучему боку варвара. Конан отшвырнул ее от себя, жестом показав на кровать. Девушка покорно спряталась среди одеял и разоренных перин. Она настолько была мала, что, скорее всего, ей удастся остаться незаметной.

Киммериец приготовился сражаться. У него не было ни малейшего сомнения в том, что за ним явилась городская стража, чтобы препроводить в тюрьму, а после казнить за все совершенные им в Халога преступления. Он собирался подороже продать свою жизнь. Вмешивать в это чисто мужское дело всяких щуплых девчонок в его намерения никак не входило.

В дверь загремели рукоятью мечи.

- Открывайте! - крикнул мужской голос.

- Кто вам нужен? - отозвался варвар. - Назовитесь, кто вы такие!

- Нам нужен киммериец по имени Конан. Мы знаем, что он здесь.

- Если он вам так нужен, то входите и заберите, - заорал в ответ Конан. Он был сыт по горло ожиданием и недомолвками и потому, желая внести в дело ясность, присовокупил к приглашению длинное, смачное и очень грязное ругательство.

Громовой хохот загремел под дверью в ответ на это. Затем заговорил другой голос, детский:

- Конан, это вы? Я - граф Амальрик, вы провели однажды ночь в моем доме.

- Было дело, - мрачно отозвался варвар. - Какого дьявола тебе нужно, постреленок? Помнится, я еще тогда предупреждал, что когда-нибудь перережу тебе горло.

- Прошу вас, идемте со мной, - сказал мальчик. - Даю вам слово, что в моем доме с вами ничего не случится.

- А за порогом твоего дома, малыш? Прости, я не могу поверить клятве гиперборейца.

- И за порогом моего дома вы будете в такой же безопасности, - твердо сказал мальчик.

Конан свистнул и помотал головой, как будто собеседник мог его увидеть. Но мальчик, судя по всему, догадался о реакции киммерийца, потому что ясный детский голос звонко и отчетливо произнес такое ругательство, от которого Хильда покраснела - да так густо, что сквозь одеяла было видно.

Конан расхохотался. Ему показалось, будто в душу ему плеснули чем-то простым и светлым, и одним ударом сапога он распахнул дверь, едва не сбив с ног графа Амальрика.

- Здравствуй, малыш, - сказал он. - Ты все-таки подобрал ключик к этой двери.

- Здесь, в доме, больше никого нет? - спросил юный граф.

Конан сердито отвернулся.

- Если и есть, то это нас с тобой никак не касается, - отрезал он.

Киммерийцу подвели лошадь, и он уселся в седло. Трудно было сказать, кто из двоих испытывал больше недоверия: конь к седоку или седок к коню. Во всяком случае, глазами косили оба одинаково.

Войдя в дом, Конан остановился как вкопанный. Первое, что он увидел, было ненавистное и знакомое до мелочей лицо Синфьотли. Асир сидел в кресле с высокой спинкой. На нем была забрызганная кровью одежда. Светлые волосы слиплись и повисли, кое-где коричневые от запекшейся крови. Справа и слева от него стояли слуги Амальрика, удерживая Синфьотли за руки, чтобы он не упал.

Мгновение Конан смотрел на это, потом повернулся и молча набросился на мальчика. Миг - и страшные лапы варвара уже держат его за горло, грозя удавить. Слуги бросились было к нему, но Конан взревел:

- Стоять на месте! Еще шаг - и я успею сломать ему шею.

Слуги замерли. Дружина за спиной киммерийца застыла в напряжении. Конан спиной ощущал на себе выжидающие взгляды. Он знал, что они готовы напасть в любую секунду.

Не испугался только мальчик. Жестом он показал Конану, что хочет что-то сказать. Варвар чуть-чуть ослабил хватку.

- Ну, - повелительно сказал он, - говори. Только не лги мне, малыш. Я ведь не погляжу на то, что ты граф, придавлю, как щенка.

- Отпусти меня, - сказал мальчик. - Я не сделал тебе ничего плохого.

- Только привел меня в лапы моего врага, - заметил Конан.

- Отпусти! - рассердился царственный ребенок.

Удивляясь сам себе, варвар выпустил его и отступил на шаг. Дружинники шагнули было к нему, но Амальрик остановил их движением руки.

- Конан, - сказал он, - посмотри на него внимательно.

- Чего на него смотреть, - проворчал Конан. - Лучше бы мне его никогда не видеть. Скоро во сне его рожа начнет сниться.

- Кто это - Сигмунд или Синфьотли?

- Синфьотли, - не раздумывая ответил Конан.

- Ты уверен?

- Мальчик, - с досадой проговорил Конан и, пошарив глазами, двинулся к мягкому креслу, чтобы сесть поудобнее. - Мальчик мой, мне ли его не знать. Он захватил меня в плен, когда я был уже вымотан боем. Я уложил человек десять из его отряда, а под конец прикончил его братца, этого оборотня Сигмунда. И вот тогда он явился на все готовенькое. Раз-два - и нет киммерийца. Связал меня, как барана, и поволок на бойню.

- Значит, ты уверен.

Конан хмыкнул.

- Да, это _б_ы_л_ Синфьотли.

- Почему "был"? - насторожился мальчик.

Конан мгновенным движением очутился на ногах и схватился за меч.

- Потому что я сейчас его убью.

В ту же секунду мальчик метнул кинжал, пригвоздив рукав варвара к стене. Клинок прошел в нескольких миллиметрах от руки, не задев ее. Конан выдрался, оставив на кинжале клок ткани.

Только тут он обратил внимание на то, что Синфьотли сидит совершенно неподвижно и как будто не замечает того, что происходит вокруг.

Амальрик как ни в чем не бывало продолжал:

- Когда мы встретили этого человека, мы тоже подумали, что это Синфьотли. Посмотри, у него шрам на лице. У Сигмунда не было шрама.

- Я знаю, - машинально пробормотал Конан, вспоминая, как сравнивал братьев на гладиаторских играх.

- Но потом возникли серьезные опасения. Он не помнит себя. Твердит имя Соль и все время призывает Младшего Бога, называя его своим отцом...

Конан тяжело опустился в кресло, положив меч себе на колени.

- Подожди, малыш. Откуда тебе известно, что Сигмунд был сыном Младшего Бога?

Мальчик улыбнулся.

- Я следил за твоим поединком с вервольфами из окна и велел слугам помочь тебе.

- Ты знал все с самого начала? - поразился Конан.

- Конечно.

Конан пошевелил бровями, что можно было расценить и как одобрение, и как некоторую растерянность.

- В конце концов, неважно, откуда, а ты это знаешь. Важно, что ты знаешь это, вот так-то. - Он посмотрел в неподвижное лицо Синфьотли и покачал головой. - Все-таки это Синфьотли. Знаешь, малыш, я думаю, что брат заставил его стать чем-то вроде своего "второго я". Мне он показался придурочным еще в тот день, когда явился за мной в казарму. А где теперь Сигмунд?

- Исчез.

Конан почесал в ухе, потом сказал:

- На твоем месте, если ты так уж печешься об этом полоумном, я пригласил бы хорошего жреца, который умеет изгонять злых духов. А когда он поправится... Обещай мне, что сделаешь то, о чем я попрошу.

- Обещаю.

- Пусть подарит Арванду девчонку по имени Хильда. Скажи ему, что никакая она не ведьма. Хотя я бы побил ее камнями за одну только ее стряпню.

С этими словами варвар поднялся и принялся шарить по столу, который слуги накрыли к обеду. Он по-хозяйски снял со стены колчан, сунул туда пару гусиных ляжек, добавил полбуханки хлеба, поломав его на части, и все это повесил себе на плечо. Мальчик, забавляясь, смотрел на него и молчал.

Конан завернулся поплотнее в свой плащ и подошел к Синфьотли. Тот по-прежнему вглядывался куда-то вдаль невидящими глазами.

- Синфьотли, - сказал Конан. Он поднял руку, чтобы ударить своего бывшего хозяина по щеке, и опустил. - Если боги вернут тебе рассудок, молись им как следует. Молись, чтобы я не встретил тебя в чистом поле.

С этими словами он повернулся и вышел. Никто не шевельнулся, чтобы остановить его, и киммериец беспрепятственно выбрался за городские ворота.

ЭПИЛОГ

Всю ночь и утро, до полудня, Конан бежал, отмахивая милю за милей по бескрайним равнинам. Сильные ноги в сапогах утопали в снегу, плащ хлопал за спиной. Он бежал не потому, что боялся погони или стремился поскорее уйти от стен города. Хотя, по правде говоря, эта земля не казалась ему приветливой - слишком уж гладкой она была, слишком ровной. Варвару не улыбалось ощущать себя мишенью посреди этого блинообразного пейзажа, где даже укрытия приличного не подобрать.

Его гнала вперед неистребимая жажда жизни. Каждая миля сулила ему встречу с новыми землями, и где-то там, впереди, лежал тот край, который только и ждет, пока явится киммериец Конан со старым мечом в руке и завоюет себе царство. В пыльных сандалиях взойдет он на трон, где после него будут сидеть его бесчисленные потомки.

К полудню разыгралась буря, и Конан вынужден был остановиться и искать от нее укрытия.

Он спустился в ложбину, оказавшуюся руслом замерзшей реки, - это он определил по сухой осоке, торчавшей из-подо льда. Над ним со свистом пролетал ветер; Конан натянул плащ себе на голову, вытащил из колчана гусиную ножку и, пачкая лицо жиром, принялся сдирать зубами нежное птичье мясо. Потом беспечно уснул, понадеявшись на судьбу, которая, как он полагал, не допустит того, чтобы киммериец Конан не проснулся, замерзнув насмерть.

Если бы Младший Бог видел сейчас это полное жизни юное создание, такое же дикое, любопытное и лишенное сострадания, как он сам, он наверняка бы усмехнулся. Глупцами были эти смертные, и все же многие из них похожи на богов. Это и делает их непостижимыми существами.

Конан проснулся ближе к ночи. Он успел уже забыть и об Арванде, и о графе Амальрике, и уж тем более о Хильде и Амалазунте. Женщины не стоят того, чтобы о них вспоминали. Единственный, чей образ был навсегда выжжен в его памяти, был Синфьотли. Конан знал, что никогда не забудет первого насилия над собой: Синфьотли был первым, кто схватил его за волосы и связал ему руки, Синфьотли первый попытался поставить его на колени. Этого человека он будет помнить.

Если бы киммерийцу сказали, что первая ненависть сродни первой любви, он бы рассмеялся этому идиоту в лицо. Но Конан, к счастью, не задавался дурацкими вопросами. У него были куда более неотложные дела.

Он еще раз перекусил, сунул в рот пригоршню снега и снова отправился в путь.

Впереди была вся жизнь, полная опасностей и приключений, и Конан мчался ей навстречу, словно боялся опоздать к началу великого торжества.